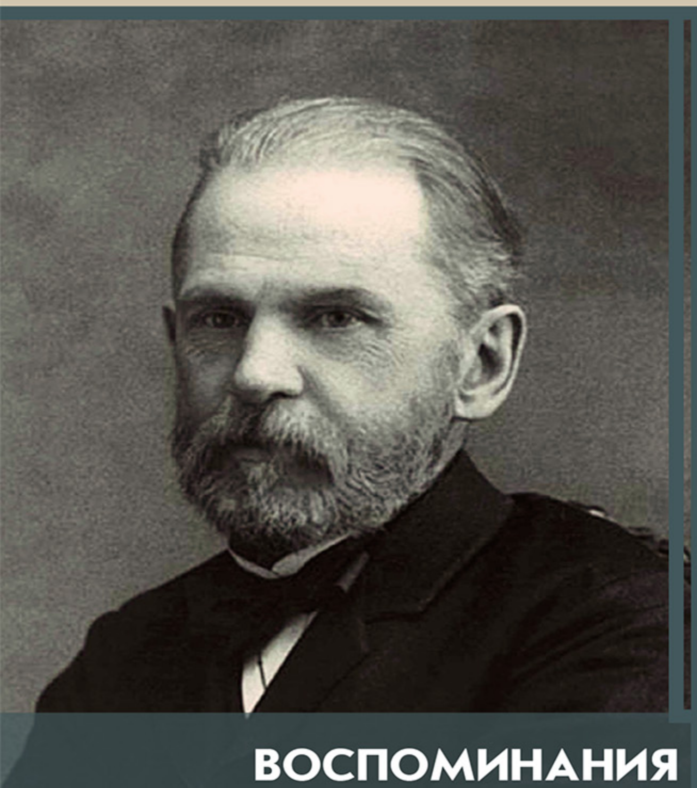
МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. А. Найденов

ВОСПОМИНАНИЯ О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ

Н. А. Найденов

Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном

Москва
Берлин
2021

УДК 94(47).083:94(470-25)
ББК 63.3(2)53-8+63.3(2-2Москва)-282.4
Н20

Найденов, Н. А.

Н20 Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном / Н. А. Найденов. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. — 300 с.

ISBN 978-5-4499-2700-2

Воспоминания крупнейшего российского предпринимателя, краеведа и мецената, издателя уникальных альбомов о Москве Николая Александровича Найденова (1834–1905 гг.) сообщают сведения о его роде, происхождении и разносторонней деятельности автора на разных поприщах. Многие данные были собраны им в различных архивах и, по сути, по крупицам воссоздали историю найденовского рода. Кроме того, книга содержит массу интереснейших сведений о купеческой Москве середины XIX в.

УДК 94(47).083:94(470-25)
ББК 63.3(2)53-8+63.3(2-2Москва)-282.4

ISBN 978-5-4499-2700-2

Оглавление

Изложению моих воспоминаний о встреченном мною в жизни я нахожу необходимым предпослать сведения о роде, к коему я принадлежу, его происхождении и деятельности, о местности, в которой живу, и подобные тому другие, имеющие отношение ко мне и близким мне лицам; излагаю их в некоторых случаях с подробностью отчасти для пояснения излагаемых при этом выпуске (отдельно) планов и видов, отчасти же для того, чтобы избегнуть приведения их в разных местах при дальнейшем изложении моих воспоминаний.

Николай Найденов. Февраль 1903 г.

Часть I

Место происхождения нашего рода составляет село Батыево, находящееся во Владимирской губернии, в Суздальском уезде (в 20 верстах от Владимира).

О нем от отца моего никаких подробных сведений я не имел, тем более что отец был там лишь 2 раза — однажды еще ребенком вместе с его отцом, а затем вторично мимоездом в сентябре 1812 года. Равным образом мне не приходилось слышать от отца чего-либо и о моих предках, исключая того, что принадлежали они к Колосовской фабрике, которая перешла потом к Титову; что у деда были братья и что он прожил в Москве около 60 лет; о происхождении же рода матери моего отца я не имел никакого понятия, слышал лишь, что во время моровой язвы она ходила смотреть убитого в Донском монастыре архиепископа Амвросия, из чего следовало, что она жила тогда в Москве. Поэтому о происхождении рода нашего я привожу сведения, добытые из разысканных мною архивных документов.

В самом Батыеве, а также и Суздале, мне пришлось побывать, вместе с моим сыном, 23 августа 1887 года. Та часть села, в которой жили мои предки, представляла тогда пустырь, поросший бурьяном.

О предках моих по документам, находящимся в московском архиве Министерства юстиции и в архивах владимирских учреждений — духовной консистории и казенной палаты и московских — купеческой управы и консистории, имеются следующие сведения.

Первое указание встречается в книге 1710 года (8 мая) при переписи части Батыева, составлявшей вотчину стольников Ивана и Кирилла Петровичей Матюшкиных, доставшуюся им от отца их — боярина Петра Ивановича Матюшкина; в книге этой значится, что к переписи сказку

подали староста Ерофей Зайцев и *выборный Василий Михайлов сын Найден*, причем в показании состоявших в той вотчине дворов и находившихся в них крестьян следующим после двора старосты означен двор *Василья Михайлова сына Соколова*, у него жена Меланья Васильева, у них: сын Петр с женой Марьей и сын Петр с женой Дарьей; кроме того, при нем брат Федор; самое же рукоприкладство к поданной сказке сделано села Батыева попом Исакием, подписавшим ее «вместо старосты Ерофея Зайцова и *выборного Найдена Михайлова*».

Из сего заключить можно, что упоминаемый Василий Михайлов, названный в начале сказки «*Найден*, а по двору *Соколов*», имел первое из этих прозвищ потому, что он происходил не от живших ранее в том дворе, а извне, к чему приводит, с одной стороны, то, что местным священником прозвище «*Найден*» употреблено в подписи даже вместо самого его имени, а с другой — что при раннейшей переписи 1678 года в числе крестьян, числившихся за П. И. Матюшкиным в Батыеве, никакого Михайлы не значится и единственным подходящим по составу семейства имеется Иван Степанов, при коем значатся дети: Василий (без означения лет) и Федор (соответствующий по годам числившемуся в приведенной выше сказке 1710 года): в прежнее же время, как известно, прозвание «*Найден*» (так же как и «*Богдан*») давалось «приемышам» и «подкидышам» и присваивалось таковым вообще вместо самих имен. При таких условиях означенный в книге 1710 года Василий Михайлов может считаться начальником нашего рода.

Далее в ландратской книге 1715 года показаны принадлежавшие окольничему Петру Ивановичу Матюшкину крестьяне: Василий Михайлов (фамилий в книге ни у кого не обозначено) 60 лет, при нем жена Меланья Васильева 50 лет, у них дети: Петр 20 лет с женой Дарьей Никитиной 20 лет, Борис 17 лет с женой Ульяной Романовой 17 лет,

Марко 15 лет, Дмитрий 14 лет и Иван 8 лет (мой прадед); при нем зять Петр Афанасьев 25 лет (он, видимо, показан сыном в переписи 1710 г.) с женой Марьей Васильевой 25 лет.

Затем из отказной книги 1746 года видно, что при разделе села Батыева поступили: а) Алексею Григорьевичу Матюшкину — крестьяне: Петр Васильев сын Найденов с женой Дарьей Никитиной с детьми; Борис Васильев сын Найденов, вдов, с детьми; Марко Васильев сын Найденов с женой Анной Ивановой и детьми; Дмитрий Васильев сын Найденов с женой Авдотьей Степановой и детьми и мать их Меланья Васильева вдова (100 лет) и б) девице Елизавете Григорьевне Матюшкиной — крестьяне: Иван Васильев сын Найденов с женой Феклой Степановой и детьми: Василием, Марьей и Марьей же.

Сказки 2-й ревизии 1745 года не имеется; по сказке же 3-й ревизии от — июля 1762 года, поданной старостой Марком Васильевым, значатся принадлежащими каптенармусу Григорию Афанасьевичу Матюшкину крестьяне (фамилий ни у кого не обозначено): Петр Васильев, умерший в 1754 году, вдова Дарья Никитина с семейством; Борис Васильев, вдов, 72 лет с семейством; Марко Васильев 62 лет с женой Анной Ивановой 60 лет с семейством; Дмитрии Васильев, вдов, 57 лет с семейством; Иван Васильев (мой прадед) 52 лет, при нем жена Фекла Иванова (?) 52 лет, взятая из села Красного; у них дети: Марья, выданная в замужество в село Павловское, Марья же, выданная в замужество в село Красное, Василий 29 лет, Сергей 19 лет, Егор (мой дед) 17 лет, показанный в сказке 2-й ревизии 2 недель (лета, значившиеся по сказке 2-й ревизии, видны из сказки 3-й ревизии), и рожденный после 2-й ревизии Василий же; у Василия большого жена Анна Матвеева 26 лет, взятая из села Красного, крепостная того же помещика.

В том 1762 году 21 марта принадлежавшее капитану Петру Ивановичу Матюшкину село Батыево с крестьянами

было продано московскому 1-й гильдии купцу и шелковых фабрик содержателю Панкрату Васильевичу Колосову за 1 800 руб.

Почти одновременно с тем, а именно 25 ноября 1762 г., была продана П. И. Матюшкиным тому же Колосову и земля, состоявшая в Москве за Земляным городом на берегу реки Яузы (на коей мы живем), за 1 000 руб.

П. В. Колосов принадлежал к старинному московскому купечеству; уже по 1-й ревизии 1725 года он (имевший тогда 17 лет) значился по Мясницкой полусотне в числе «природных» тяглецов, а по окладной книге 1748 года был в 1-й гильдии, торговал в шелковом ряду и имел шелковую фабрику; по 3-й ревизии 1763 года он был показан с сыновьями Василием и Иваном на жительстве в приходе Панкратия Чуд. близ Сухаревой башни в своем доме; в той же местности находилась и его шелковая фабрика, по которой до сего времени носит название «Колосов» переулок; впоследствии он имел такую же фабрику и в городской части на Посольском дворе (ныне владения Московского торгового банка и Московского купеческого общества — Посольское и Новокупеческое подворья); на фабриках его, по описанию моровой язвы 1771 года, имелось 285 рабочих; из сказки 4-й ревизии 1782 года видно, что он умер в 1775 году и что после же него оставались в то время сыновья: Василий (1-й гильдии купец), Иван большой, Иван меньшой и Гаврила: по 5-й ревизии 1795 года старшие 3 брата значатся именитыми гражданами, а младший — почему-то меценатом, причем упоминается существование шелковой мануфактуры; жительство показано: старшего — у Успения на Покровке в своем доме, а остальных — у Панкратия Чудотворного и у Троицы на Листах в своих домах. Дела их тогда уже начали приходить в упадок. При следующих ревизиях Колосовы постепенно из купечества исчезают; остается до 1825 года сын Василия

Панкратьевича Колосова — Михаил Васильевич, бывший в позднейшее время нотариусом, дети коего частью поступили в статскую службу, частью перешли в мещанство.

Из Колосовых я знал в 1840-х годах вдову Гаврилы Панкратьевича Марью Петровну (показанную по ревизии 1795 года 25 лет), которая постоянно приходила в церковь Грузинской Божией Матери в день праздника 22 августа и оттуда заходила к нам пить чай: она была высокого роста с трясущейся головой, повязанной косынкой: в то время она была с недостаточными средствами.

Приобретя у Матюшкина принадлежавшую ему часть села Батыева, П. В. Колосов устроил там также шелковую фабрику, обративши крестьян в фабричных мастеровых, а землю, находившуюся на берегу Яузы в Москве, употребил для помещения на ней заведения для крашения шелка. Чем занималась эта земля ранее — ниоткуда не видно; из имеющихся документов известно лишь, что в самом начале XVIII столетия она принадлежала стольнику Ивану Петровичу Матюшкину.

Вслед за сказанной покупкой мой дед, так же как и братья его — старший Сергей и младший Василий, были переселены из Батыева в Москву; переселение это последовало в 1764 или 1765 году, как можно судить по исповедным росписям села Батыева за то время, так как в 1764 году половина села Батыева числилась по тем росписям еще за П. И. Матюшкиным, и в нем значился Иван Васильев с женой Феклой Степановой; при них дети: 1) Василий с женой Анной Матвеевой и детьми Платоном и Михайлой, 2) Сергей, 3) Егор и 4) Василий; в 1766 году (росписи за 1765 год не сохранилось) эта часть Батыева значилась уже за П. В. Колосовым, и в ней показан был Иван Васильев, вдовый, с семейством старшего сына Василия; тогда как остальных сыновей — Сергея, Егора и Василия младшего

уже там не числилось, и в росписях за последующее время они не встречались.

Таким образом, дед мой был водворен на место, где мы поныне живем, с помещением его в красильню, при коей он первоначально считался в числе учеников, а впоследствии — красильным мастером.

Смерть прадеда моего Ивана Васильевича, как по исповедным росписям села Батыева судить можно, последовала в 1784 году (сведение это приводится на память вследствие утраты консисторской справки), начиная с 1785 года он в них не упоминается, а умер он, как я слышал от отца, в Москве, пришедши навестить моего деда, и погребен на Калитниковском (по тогдашнему названию «Покровском») кладбище. Более я не знаю о нем ничего.

О деде моем, Егоре Ивановиче, имею следующие понятия: роста он был среднего, сухощав, глаза имел серые, волосы на голове, бороде и усах темно-русые с проседью, был неграмотен (как это значится в документах о приписке его в купечество); носил он крестьянскую одежду, подпоясываясь кушаком, имел пристрастие к разным охотам, а именно: к травле медведей, для чего у него были собаки меделянской породы (помню рассказ отца о «Кричутке», ходившей на медведей и бывшей на цепи, как она однажды, сорвавшись и догнавши проходившего двором полицейского будочника, по нынешнему названию — городового, вырвала ему половину задней части, что причинило большие хлопоты), далее — к петушиному бою, в котором он принимал участие, наконец, к обучению птиц: канареек — пению под орган, что у него было доведено до большого совершенства, и скворцов — произношению различных фраз (я слышал рассказ, что однажды было кем-то сообщено генерал-губернатору, по тогдашнему названию — главнокомандующему, об имеющихся ученых канарейках; генерал-губернатор, заинтересовавшись этим,

послал вызвать к себе деда для показания ему таких канареек; но дед, перепугавшись, отдал их безвозвратно посланным, лишь бы только не являться к начальству); такие охоты имели последствием сближение его с лицами разных слоев общества, имевших подобные же пристрастия: это видно и из того, что восприемниками детей его были разные посторонние лица из чиновного мира.

Во время моровой язвы дед был заражен этой болезнью, но выздоровел; я слышал по поводу этого, что когда образовывавшийся нарыв принимал красный цвет, то он не представлял опасности (такой нарыв был и у деда), и только когда он делался синим, то исход был уже смертельный.

Во время нашествия неприятеля в 1812 году он оставался в Москве.

Он умер 30 апреля 1821 года в 9 часов вечера, 76 лет от роду, бывши болен горячкой, полученной вследствие того, что он переночевал в нетопленом помещении; погребен он в Покровском монастыре, недалеко от главного храма (в 1-м разряде).

Когда дед мой вступил в брак, точных сведений нет по неимению церковных книг за все года, хотя из сохранившихся метрических книг и исповедных росписей Ильинской церкви и переписи, совершенной в 1774 году, видно, что в 1772 году он значился холостым, а в 1776 году уже женатым; жена же его Дарья Абрамовна в 1774 году показана еще незамужней; затем из сказанных метрических книг видно, что у него было много детей, из которых большинство умерло в младенчестве. Дети эти, по сохранившимся книгам, были следующие: 1) Евдокия, родившаяся 15 августа 1779 г.; 2) Пелагея, родившаяся 28 сентября 1780 г.; 3) Анастасия (в метрических книгах названа Анной), родившаяся 17 ноября 1781 г.; 4) Александр, родившийся 22 августа 1784 г.; 5) Александра, родившаяся 28 марта

1787 г. (умерла 14 июня того же года); 6) Петр, родившийся 28 июня 1788 г. (умер 8 июля того же года): 7) Александр, родившийся 22 августа 1789 г.; 8) Иван, родившийся 3 сентября 1792 г. (умер 23 сентября того же года); 9) Василий, родившийся 21 февраля 1794 г. (умер 2 марта того же года); 10) Иван, родившийся 24 мая 1795 г.; 11) Михаил, родившийся 29 октября 1798 г. (умер 25 ноября того же года). Из означенных детей умершие до 1789 года погребены на Семеновском, а следующие — на Покровском (ныне Калитниковском) кладбище. Так как метрических книг предшествующего 1779 году времени не сохранилось, то нет никаких сведений о том, не было ли детей, рожденных до 1779 года, тогда как по непрерывности рождения есть повод предполагать возможность их существования. Хотя относительно некоторых из поименованных детей нет указаний на время их смерти, но ввиду того, что в исповедных росписях встречаются лишь трое из них, можно безошибочно заключить, что прочие все померли вскоре после их рождения, не дождавшись даже времени составления таких росписей.

Из всех перечисленных детей к концу 1700-х годов оставались в живых лишь следующие трое:

1) Настасья Егоровна; она была в замужестве за приписанным в московское купечество в 1794 году из переславль-залесских купцов Григорием Федоровичем Кашинцевым (судя по исчезновению ее в 1799 году по исповедным росписям из Ильинского прихода, вступление ее в брак последовало в 1798 или начале 1799 года); она овдовела в скором времени и проживала в нашем доме до самой смерти, последовавшей от водяной 1 апреля 1818 года; погребена она на Калитниковском кладбище. Я помню ее хорошо: она была среднего роста, имела суровый вид, носила на голове повязку. Из исповедных росписей, записей в метрических книгах рождения и смерти детей ее и из сведений Купеческой управы видно, что в период времен

1802–1809 гг. она вместе с мужем и детьми жила в доме Колосовых; когда умер муж ее — неизвестно, но с 1801 года они были причислены в мещане; дети ее проживали в нашем доме и в позднейшее после того время; они были в расстроенном положении; из них старший Василий Григорьевич, холостой, родившийся, судя по исповедным росписям, в конце 1798 или начале 1799 года, пропал безвестно, и в конце апреля 1849 года (состоявший в то время при полиции серпуховской части в должности добросовестного свидетеля передавал, что при вынутии из Москвы-реки мертвого тела он заметил в последнем сходство с В. Г. Кашинцевым); младший же Иван Григорьевич, женатый, родившийся приблизительно в 1801 году, был в последнее время жизни почтальоном и умер 18 апреля 1840 г. в больнице от чахотки.

2) Александр Егорович большой (мой дядя): по приметам значащийся в сведениях о приписке в купечество, он был роста среднего (он был, как говорили, одинакового роста с моим отцом, а отец был роста довольно высокого), лицом смугл, сухощав, имел глаза карие, волосы на голове темно-русые, бороду и усы брил. Как старший брат, он имел в производившихся делах первенствующее значение, находясь в непосредственных сношениях с фабрикантами; поэтому распоряжался самостоятельно имевшимися средствами, притом располагал широким знакомством в различных слоях общества; его пристрастием была охота; жизнь вел он неправильную, причем был характера буйного, деньги тратил без разбору — было много лиц разного рода, пользовавшихся от него займами без отдачи; в течение последних 9 лет жизни он был в параличном состоянии, будучи поражен в бытность его на охоте в Кутузове; поэтому во все это время он не владел рукой и ногой, имел перекошенные глаза и ходил с костылем; в комнате, которую он занимал (возле моего нынешнего кабинета),

оставалось у нас долгое время так называемое вольтеровское кресло, в котором он сидел; затем имеется до сих пор электрическая машина, употреблявшаяся для пользования его от болезни; так как он был, как я сказал, охотник, то у него был целая свора легавых собак; на память о нем сохранилось у нас до сего времени 3 ружья, в числе коих одно двуствольное с резным ложем и оправой из червонного золота, охотничий кинжал и рожок (для нюхательного табаку) из клешни морского рака; грамотностью он не отличался, судя по имеющимся писаниям его, хотя служил, по выбору, в словесном суде при полицейском частном доме; был он также, как пришлось услыхать недавно от Ильинского священника, некоторое время церковным старостой (когда — не знаю, так как никогда о том ранее не слыхал и никаких следов этого не вижу); женат он не был; умер 30 августа 1833 г. в 11 часов утра и погребен в Покровском монастыре рядом с моим дедом.

3) Александр Егорович меньшой (родившийся 22 августа 1789 г. по утру — мой отец); по метрическим книгам Ильинской церкви видно, что при крещении его восприемниками были: московской управы благочиния майор Иван Федорович Птицын и тульского наместничества секретаря Ивана Михайловича Кавелина жена Дарья Михайловна. И. Ф. Птицын был сын московского 1-й гильдии купца Федора Ивановича Птицына, значительного по тому времени торговца, имевшего дом в приходе Алексия митр. за Яузой; я слыхал от отца, что он был с дедом в доме Птицына, у которого обстановка была, говоря языком того времени, барская — прислуга была в чулках, знакомство с ним деда моего (а Птицын крестил у него нескольких детой) происходило вследствие какой-то общей охоты кажется, петушиной; о крестной матери отца я от него никогда ничего не слыхивал.

11 ноября 1828 г. отец мой вступил в брак с матерью моей — московской купеческой дочерью Марьей Ники-

тичной Дерягиной, родившейся 30 января 1812 г. (в 10 часов вечера); нас, детей, было у них 7:

1) Анна, родившаяся 20 сентября 1829 г. (в ¾ 1-го часа пополуночи), ныне вдова; она была в замужестве с 28 октября 1848 г. за московским купцом Василием Федоровичем Бахрушиным, умершим 29 октября 1866 г.; у нее после смерти мужа остались дети: а) дочь Марья, ныне вдова, по мужу Розанова; б) сын Николай, умерший 19 января 1887 г., был женат; после него осталась вдова с детьми; в) дочь Софья, по мужу Дегтярева, умершая вдовой 13 января 1903 г.; г) дочь Юлия, по мужу Карагулина; дочери-девицы; д) Вера и е) Клавдия и ж) сын Василий, умерший в 1867 г.;

2) Виктор, родившийся 10 февраля 1831 г. (в 9 час. 10 мин. вечера), холостой;

3) Николай (пишущий это), родившийся 7 декабря 1834 г. (в 6 час. 10 мин. утра), женат с 12 января 1864 г. на московской купеческой падчерице Варваре Федоровне Расторгуевой (обручение неформальное — 24 окт., а формальное — 1 декабря 1863 г.), родившейся 1 января 1847 г. (в 2 ч. дня); у нас дети: а) дочь Марья, родившаяся 21 февраля 1865 г. (в 5 ½ ч. веч.), по мужу с 29 сентября 1885 г. Варенцова; б) сын Александр, родившийся 5 апреля 1866 г. (в ½ 1-го часа ночи), женат с 12 июня 1894 г. на дочери почетного гражданина Елизавете Ивановне Решетниковой; в) дочь Евгения, родившаяся 25 июля 1867 г. (в 1 ч. 30 мин. ночи), по мужу с 11 ноября 1890 г. Тушнина; г) сын Владимир, родившийся 9 июля 1881 г. (в 3 ¼ час. утра), умер 24 декабря 1882 г. (в 11 ¼ час. вечера) от воспаления мозговых оболочек, и д) дочь Варвара, родившаяся 2 апреля 1884 г. (в 4 часа утра), умерла с 28 на 29 апреля 1894 г. (время никому неизвестно, так как утром она была найдена в постели мертвой);

4) Ольга, родившаяся 1 марта 1837 г. (в 2 ½ часа дня), умерла 16 января 1901 г. (в 3 ½ часа утра) от болезни почек,

обнаруженной около 2 лет перед тем; она была в замужестве с 9 ноября 1858 г. за потомственным почетным гражданином Арсением Михайловичем Капустиным, умершим 28 мая 1899 г.; у них остались дети: сыновья: а) Александр, женатый, б) Владимир и в) Николай, холостые, и дочери: г) Людмила, по мужу Журавлева, д) Варвара, по мужу Фокина, и е) Ольга, по мужу Алпатова;

5) Александр, родившийся 20 октября 1839 г. (в 8 час. утра), женат с 28 апреля 1876 г. на дочери мануфактур-советника Александре Герасимовне Хлудовой, родившейся 13 февраля 1856 г.; у них дети: сыновья — а) Александр, родившийся 28 июня 1877 г. и б) Георгий, родившийся 15 мая 1882 г., и дочери — в) Ксения, г) Татьяна, д) Наталья, е) Марина и ж) Елена;

6) Владимир, родившийся 12 июля 1842 г. (в 5 ½ час. утра), умер 18 ноября 1864 г. (в 3 ½ часа дня) от брюшного тифа и воспаления слепой кишки в 13-й день от начала болезни;

7) Марья, родившаяся 9 апреля 1848 г. (в 6 ¼ час. утра), ныне вдова, была в замужестве с 9 января 1872 г. за московским купцом Михаилом Алексеевичем Ремизовым, умершим 10 мая 1883 г.; у них остались сыновья: а) Николай, б) Сергей, в) Виктор — женатые, и г) Алексей; — все мои сестры вышли в замужество за вдовцов, из коих от 1-го брака имели: В. Ф. Бахрушин — дочь Елизавету (бывшую в замужестве в Туле), по мужу Струкову, умершую в апреле 1892 г.; А. М. Капустин — дочерей Александру, ныне по мужу Полетаеву, и Елизавету, по мужу Ежову (ныне вдова); М. А. Ремизов — 3 сыновей и 2 дочерей.

Отец мой скончался 7 декабря 1864 г. (в 11 часов утра), а мать — 12 ноября 1854 г. (в 2 ¼ часа по полуночи); погребены они, равно как и младший брат мой, рядом, в Покровском монастыре (во 2-м разряде); из перечисленных лиц погребены там же В. Ф. Бахрушин с детьми,

А. М. и О. А. Капустины и мои младшие дети, а М. А. Ремизов — на Даниловском кладбище.

Отец мой был, против своего старшего брата, совершенно другого направления во всех отношениях; родившись в указанной выше обстановке, он не мог оставаться в ней и стремился к достижению целей более возвышенного свойства; обучившись первоначально в приходском училище при церкви Мартына Исповедника (в Алексеевской), он находил недостаточным полученное им таким путем образование; несмотря на скудость тогдашних средств, он для достижения этой цели старался сблизиться со средой образованной, при содействии которой и приобрел общие сведения по различным отраслям знаний; помимо того что он писал весьма правильно и обстоятельно излагал мысли, не исключая даже составления деловых бумаг, требовавшихся к подаче в различные учреждения, он учился французскому языку, который был освоен в весьма достаточной по тем средствам мере; любознательность его имела следствием то, что он с раннего возраста получал «Московские ведомости» и «Русский вестник» (собиравшиеся им и хранившиеся в целости), имел у себя, кроме того, различные вышедшие во 2-й половине XVIII столетия на французском языке энциклопедии и некоторые другие сочинения, равно как и русские издания преимущественно современного серьезного содержания; он любил посещать театр и знал всех выдающихся на этом поприще деятелей; следил за современными происшествиями, ходом военных действий и внешней политикой — все это имеет особое значение ввиду того, что происходило это еще до 1812 года; он имел обыкновение записывать все казавшееся ему интересным; любовь к чтению и наблюдение за ходом внешней политики сохранялись им до самого конца его жизни.

Одной из главных забот его было дать детям возможное по мере средств образование, что в то время далеко не

составляло такого явления, которое теперь считается обыкновенным (вследствие такого направления его все мы, после домашней подготовки, получили образование в училищах, мужском и женском, при Петропавловской лютеранской церкви); к родителям своим, несмотря на рознь взглядов, а поэтому и целей жизни, он относился с подобающим уважением; жизнь вел он правильную, совершенно воздержанную, характер имел тихий, любил чрезвычайно нашу мать и нас, детей, что существовало при таких же взаимных чувствах; добросовестность была его основным правилом; он был скрытен и чуждался постороннего общества, остерегаясь всякой случайности быть на виду, тем более что впоследствии, в течение долгого времени, он был одиноким, а тогда существовали различные обязательные общественные службы, в числе которых были весьма тягостные по ответственности (как в магистрате или сиротском суде) и в которые бывали выбираемы лица, попадавшие на вид общества; так, я помню, что, когда я, начавши общественную деятельность (это было в начале 1864 года), решился однажды возражать представителям старой партии и вызвал тем негодование, то отец сказал мне: «смотри, когда не будет меня, за твой язык запрячут тебя в какую-нибудь службу»; настолько опасным считалось это в то время.

В течение всей своей жизни он постоянно занимался делом; последняя запись выдачи товара была сделана им накануне дня начатия его болезни (3 апреля 1864 г.), от которой он уже не оправился. В воскресенье (4 апреля) он простудился, бывши у ранней обедни; в этот день им ничего замечено не было; ночью же обнаружилась сильная боль в голове; лечиться он вообще не любил, но были тотчас же приняты меры, и после долгого нахождения в постели — около месяца, он начал кое-как поправляться; обнаружившаяся в начале боль в голове угрожала, как оказалось, воспалением мозга; хотя затем он несколько и по-

правился, тем не менее не мог прийти в прежнее состояние, болезнь оставила след — стали ощущаться небывалые дотоле разные боли; летом они были не так чувствительны, но с осени пошло все хуже и хуже, и он часто уже не оставлял постели; ночью на 4-е декабря с ним сделался обморок; 6 декабря он из антресолей, где в течение последнего года находилась его спальня, в последний раз сходил еще вниз и, выкуривши трубку табаку, пробыл там несколько времени; ночью же на 7-е декабря обморок повторился, а затем возобновился опять в 10-м часу утра (мы были вызваны поэтому из Покровского монастыря, где были по случаю 20-го дня смерти младшего брата Владимира); привести его в чувство в этот раз не было возможности; у него последовало излияние крови в брюшную полость, вследствие изъязвления кишок. Смертью его все мы были поражены страшным образом.

Моя мать была невысокого роста, худощавая, держалась в последнее время несколько сутуловато, имела волосы русые, глаза голубые; портретов во время состояния ее в замужестве снимаемо не было, имеется лишь маленький портрет, сделанный в детстве; по общей форме и росту большое сходство с ней имела моя младшая сестра М. А. Ремизова (в лета, соответствовавшие последнему времени жизни матери); она чрезвычайно любила отца и нас — детей, точно так же любили ее и мы; из нас меня кормила она сама; она вела жизнь самую правильную, вполне воздержанную, была весьма религиозна — в течение последних 7 или 8 лет жизни (до болезни) она бывала постоянно по нескольку раз в неделю у ранней обедни; притом она была мистического настроения, которое от нее в некоторой степени унаследовали многие из нас — ее детей. В жизни она имела много тяжелых нравственных испытаний.

Смерть ее последовала после продолжительной болезни от рака в груди. В апреле 1852 года ею была замечена

на мягкой части левой стороны груди небольшая затвердeлость в величину кедрового ореха (происхождение ее приписывалось сильному огорчению вследствие тяжелой болезни старшей сестры моей), которая, несмотря на начавшиеся приниматься различные меры, постепенно увеличивалась и к концу следующего 1853 года достигла уже величины куриного яйца, затем на месте ее образовалась рана; с начала осени 1854 года мать не покидала уже постели и после долгих тяжелых страданий 12 ноября, благословив детей, скончалась (на 43 году), проживши в супружестве ровно 26 лет. Кончиной ее все мы были поражены до крайности: большинство из нас были в малолетнем возрасте; при тех чувствах любви, которые проявлялись с ее стороны к нам и мы имели к ней, вечная разлука с ней была для нас ужасна. Сейчас, при изложении этого, когда уже тому минуло более 48 лет, я вспоминаю происшедшее и не могу удержаться от слез. Старший брат моего деда, Сергей Иванович, был, как я слышал, помещен на ткацкую фабрику Колосова, где и был после ткацким мастером; но по исповедным росписям в 1780–1785 годах он значился в числе живущих в доме Колосова в Ильинском приходе, причем в 1780 году он, видимо, был уже вдов, так как при нем были показаны дети: Авдотья 8 и Григорий 6 лет, жены же не числилось; кто была она и как ее звали, я никогда не слыхал (дети эти упоминались без изменения в течение всех сказанных лет); затем из метрических книг видно, что 5 ноября 1782 г. он вступил в брак с дочерью умершего московского купца (Барашской слободы) Ивана Петрова Козина девицей Натальей Ивановной: когда умер он, равно как и упомянутый выше сын его, мне неизвестно. На моей памяти оставались в живых его 3 дочери (последние 2, как видно, от 2-го брака): 1) Авдотья Сергеевна, высокая, худая, смотревшаяся старой барыней (я ее помню, уже в весьма преклонном возрасте,

в конце 1840-х годов); когда умерла она — я не знаю; она была замужем 2 раза — 1-й муж был Алексей Михайлович (фамилии не слыхал); кем он был, точно не знаю, но, по имеющемуся у меня маленькому портрету его, который она мне отдала на сохранение в последнее время ее жизни, это тип тогдашнего управляющего — с напудренными волосами, в жабо и красном жилете; а 2-й муж — состоявший в течение некоторого времени (с 1803 г.) московским купцом Александр Романович Черкасов, женившийся вдовым и имевшим от 1-го брака 2 детей — сына Ивана Александровича (занимавшего, как я помню, должность экспедитора в Опекунском совете) и дочь Елизавету Александровну: я помню — они были восточного типа. Авдотья Сергеевна, будучи вдовой, жила в течение некоторого времени в нашем доме — долго ли, не знаю (в исповедных росписях 1828 года она значится); 2) Елизавета Сергеевна была замужем за чиновником кремлевской экспедиции Василием Васильевичем Радивиловым, женившимся на ней вдовым (его, по преданию, оставляли за провинности в экспедиции в одном сапоге); это был тип чиновницы; после смерти мужа, последовавшей в начале 1831 года, она жила с половины 1839 года до своей смерти у нас в здании, находившемся на берегу Яузы (возле красильни); за службу мужа получала она какую-то маленькую пенсию; у нее была предоставленная в ее пожизненное пользование (по какой причине не знаю) крепостная С. С. Еропкина, девка; затем принадлежностью ее была старая моська; помню — ее навещали иногда какие-то старухи (вроде богаделенок), которые не смели сидеть на стульях, а помещались на подножных скамеечках; она была, как я ее знал, больна ревматизмом, имевши на руках сведенные пальцы; при всем том, бывало, отправлялась она пешком в Троице-Сергиеву лавру, на что с проездом назад на лошади употреблялось чуть ли не 2 недели, так как остановка

в 1-й день была в селе Алексеевском (3 версты за Крестовской заставой), на 2-й день — в Мытищах (15 верст) и т. д.: по праздникам она постоянно обедала и ужинала у нас; нередко она отправлялась гостить к жившей в приходе у Троицы в Вишняках какой-то состоятельной барыне Наталье Александровне Баскаковой, у которой в доме и умерла она 30 апреля 1846 г. в 5-м часу дня, числившись, по исповедным книгам, 58 лет, и погребена на Калитниковском кладбище; 3) Настасья Сергеевна; ее я знал плохо, потому что она у нас бывала чрезвычайно редко; она была замужем за каким-то фабричным Титовской фабрики и потому совершенно отличалась от старших сестер; носила на голове повязку; мужа звали Андрей Петрович; это был человек, ходивший, как называлось тогда, по-русски — с бородой, в длинном сюртуке; жили они при Титовской фабрике, приобретшей в последнее время название «Титовки» (арестный дом); когда они померли, мне совершенно неизвестно.

Младший брат моего деда, Василий Иванович, чем занимался, где жил в Москве и когда умер, никогда от отца не слыхал; помимо же этого слышал я однажды, что он был поваром, но верно ли это, не знаю.

Что же касается не подвергшегося в 1765 году переселению в Москву брата моего — деда Василия Ивановича большого, то он остался с потомством своим на жительстве в Батыеве; по исповедным росписям 1770 года он показан там с женой Анной Матвеевой и сыновьями Платоном (в сказке 3-й ревизии 1762 года пропущенным, хотя значившимся уже в исповедных росписях 1760 года — 2 лет) и Михайлой; в росписях 1780 года Анна Матвеева числится вдовой с упомянутыми детьми; то же и в 1800 году, причем у Платона Васильевича значатся сыновья: Иван и Силуян; по сказке 6-й ревизии 1811 года числятся те же лица (женский пол вовсе не упоминается); в сказке 7-й ревизии

1816 года показаны: Платон Васильевич 58 лет с женой Пелагеей Ивановной 56 лет и сыном Иваном 33 лет (Силуян умер в 1813 г.); затем Михайла Васильевич 56 лет с женой Аксиньей Прокофьевой 40 лет и сыном Родионом 4 лет; по сказке 8-й ревизии 1834 года — Платон Васильевич, вдов, 76 лет, с сыном Иваном 51 года; у него жена Аграфена Сергеевна 13 лет и сыновья: Иван 16, Николай 13 и Петр 3 лет; Михайла Васильевич 73 лет с женой Аксиньей 58 лет и сыном Родионом 22 лет, у коего жена Христина 22 лет; в сказке 9-й ревизии от 20 сент. 1850 г. значится: Платон Вас. умер в 1812 г., а сын его Иван — в 1848 г.: остаются дети Ивана: 1-й — Иван 32 лет, у него жена Ефросинья Степановна 32 лет и дочь Анна 1 нед., и 2-й — Николай 29 лет, у него жена Авдотья Дмитриевна 25 лет и сын Назар 6 лет (3-й сын — Петр умер в 1818 году); Михайла Васильевич умер в 1855 г., а сын его Родион — в 1842 г.).

Из всех принадлежавших к роду Найденовых лиц только один — мой дед Егор Иванович с семейством (женой и сыновьями) был на основании положения комитета министров, состоявшегося 29 февраля 1816 года, уволен из мастеровых фабрики купцов Колосовых, «по желанию содержателей оной, для избрания другого рода жизни» и, согласно сообщению московского магистрата 2-го департамента от 19 апреля того же года за № 2611, записан домом московского градского общества в московское купечество, по 3-й гильдии, по Лужников девичьих слободе (дело архива московской Купеческой управы № 446); все же прочие (кроме 2 дочерей Сергея Ивановича, перешедших вследствие выхода в замужество в другое сословие) по продаже принадлежавшей Колосовым части села Батыева коммерции советнику московской 1-й гильдии купцу Михайле Ивановичу Титову (М. И. Титов состоял, с конца 1814 г. до начала 1819 г. моск. градским главой; по полученному ордену был возведен впоследствии в потомственное

дворянство) перешли во владение сего последнего (по исповедным росписям эта часть Батыева значится в 1815 году еще за Н. П. Колосовым, а в 1816 году, так же как и по сказке 7-й ревизии, поданной в феврале 1816 г., — за М. И. Титовым).

От отца слышал я, что когда Титов купил колосовскую часть Батыева, то он вызвал к себе деда моего для объявления ему об этом и был очень удивлен полученным от деда объяснением о непринадлежности уже его к Колосовской фабрике; при покупке Титов, видимо, рассчитывал приобрести и деда с семейством, имевшего тогда собственное дело и представлявшегося уже зажиточным (вероятно единственными) из среды числившихся при фабрике мастеровых; каким путем удалось достигнуть такого освобождения, требовавшего, как видно, рассмотрения в комитете министров, это осталось для меня покрытым неизвестностью: слышал я только, что ходатайство о том было сопряжено со спешностью (и, должно быть, надлежащими расходами) и что вслед за этим было воспрещено увольнять от фабрик приписанных им мастеровых, да и самая возможность к такому увольнению существовала лишь в течение недолгого времени; при этом слышал я, что устройство этого дела принадлежало некоему Секунду Филип. Бюстрюкову; чем он занимался, точно не знаю, но, видимо, он был из доморощенных ходатаев по делам; я его помню в позднейшее время его жизни, когда он (в солдатском костюме) прихаживал к нам по отбытии военной службы, в которую он был отдан за составление каким-то крестьянам жалобы на помещика, поданной на Высочайшее имя; после того в 1840-х и 50-х годах к нам ходила вдова его с дочерьми получавшая от отца моего постоянно ежемесячное пособие, — видимо, заслуге его придавалось особое значение.

Дальнейшая участь мастеровых Титовской фабрики или, как они назывались, «мастеровых крестьян, обладае-

мых на посессионном праве», была весьма печальной. По смерти М. И. Титова и прекращении фабричного производства, они разбрелись, занявшись преимущественно господствующим в той местности каменьщичьим промыслом и потерявши уже прежнее значение «мастеровых». Затем они перешли (как и по сказке 9-й ревизии, поданной 20 сентября 1850 г., значилось) по наследству к сыну М. И. Титова — коллежскому секретарю Алексею Михайловичу Титову, который, вздумавши развязаться с ними, отобрал от них подписку о желании переселится в Сибирь (по безграмотности большинства подписывались, конечно, те, коим было поручено вызвать такое желание), и в 1853 году последовало выселение их в Тобольскую губернию Тюкалинского уезда, в дер. Новый городок. Отказались присоединиться к такой подписке лишь двое из батыевских крестьян: 1) Иван Иванов — упоминаемый выше правнук по прямой линии оставшегося не переселенным в 1765 году из Батыева Василия Ивановича большого Найденова, и 2) Макар Данилов — праправнук по прямой линии Марка Васильевича Найденова (брата моего прадеда). Вследствие поданных ими прошений они были оставлены и приписались в суздальские мещане, причем Иван Ив. принял фамилию «Платонов» (по имени своего деда). Он после того каждогодно, отправляясь на богомолье и приходя в Москву, проживал некоторое время у нас; в 1887 году, ездивши в Суздаль, я был у него; он содержал там постоялый двор, от чего и добывал средства к пропитанию — средства, конечно, крайне скудные; он умер 11 февраля 1888 г. без потомства мужского пола. После него продолжала посещать нас тем же порядком вдова его Евфросинья Степ., которая также умерла лет 5 назад; у нее осталась в Суздале лишь замужняя дочь.

По сведениям, которые имелись от Ивана Ив., переселенные в Сибирь, по непривычности к тамошнему климату, большею частью вымерли.

Происхождение матери моего отца — Дарьи Абрамовны таково: по книге 2-й ревизии 1747 года значится причисленным в московское купечество по Таганной слободе, из крестьян Московского уезда, дворцовой Гжельской волости, деревни Григоровой, Авраам Афанасьев Федулов с семейством, у коего, по сказке 3-й ревизии от декабря 1763 года, значатся: жена Прасковья Дементьева, взятая у московского купца Дементия Прохорова дочь, сыновья: Иван и Алексей, и дочери: Прасковья 9 лет, Дарья 5 лет и Катерина 3 лет, причем он показан на жительстве в приходе Николая Чуд. на Ямах, в своем доме. Затем, по сказке 4-й ревизии от 25 мая 1782 г. значатся: Авр. Аф. Федулов — умершим в 1770 году, вдова его Прасковья Дементьева — находящеюся в магистратской богадельне (бывшей на месте нынешнего нового Гостиного двора), сыновья: Иван — умершим в 1779 году, Алексей — отданным в рекруты в 1769 году, дочери: Прасковья — умершей в 1771 году, Дарья — выданной в замужество за красильника колосовой фабрики Егора Иванова, и Катерина — выданной в замужество за ворсанника Большого суконного двора Михайлу Андреева.

Сведений о них в позднейших ревизских сказках нет; из метрических же книг Ильинской церкви видно, что мать моей бабки, Прасковья Демент., умерла в доме Колосовых 1 ноября 1792 г. 80 лет и погребена на Покровском (Калитниковском) кладбище.

Дарья Абрам. была, как я слышал, нрава тихого, ходила «по-русски» (т. е. с повязанной головой); по приметам, значащимся в сведениях о приписке, она была роста небольшого, круглолица; имела глаза карие, волосы русые с проседью, левую руку, вывихнутую в кисти, отчего виден был горб; она умерла 15 октября 1831 г. (в 6 час. утра), причем была показана 72 лет 7 месяцев (следов., она родилась в марте 1758 г.), и погребена в Покровском монастыре, рядом с дедом.

Упоминаемая в сказках 3-й и 1-й ревизий младшая сестра ее, Екатерина Абрам., бывшая в замужестве за Михайлой Андр. Арженовым, числившимся позднее мастером Московской суконной мануфактуры (время смерти их неизвестно; есть сведение лишь о том, что она погребена на Дорогомиловском кладбище, а муж ее — в сельце Кутузове — в 30 верстах от Москвы), имела 2 дочерей: Наталью и Татьяну, проживавших, как из исповедных росписей видно, с 1800 года (видимо, после смерти матери): 1-я до 1806 г., а 2-я — до 1808 г., у моего деда и числившихся дворовыми девицами князя Юрия Владимировича Долгорукова, причем в 1800 году им было показано: 1-й — 12 лет, а 2-й — 9 лет.

Так как прилегающая к Полуярославскому мосту земля, принадлежавшая ранее фабриканту Полуярославцеву, в указанное время составляла собственность кн. Ю. В. Долгорукова, то из принадлежности ему же племянниц моей бабки можно заключить, что отец их находился при состоявшей тут же (в приходе Николая Чуд. на Ямах) суконной фабрике.

Из них Наталья Мих. была выдана в замужество (судя по исповедным росписям, в 1806 или начале 1807 г.) за отпущенного на волю от графа Матюшкина Мирона Ив. Жукова, бывшего впоследствии московским купцом и имевшего какой-то кожевенный завод (кажется в Кутузове), а по расстройстве его дел содержавшего маклерскую (что ныне нотариальную) контору; он умер в 1816 году и погребен на Даниловском кладбище; она же умерла 1 апреля 1817 г. и погребена в Кутузове, причем после нее остались 2 дочери: 1) Марья, проживавшая некоторое время в нашем доме, но затем поступившая в Зачатьевский монастырь и умершая уже «монахиней Мефодией» в 1881 году, и 2) Наталья, бывшая в замужестве за неким Павлом Петр. Сальковым, состоявшим, как я слыхал,

в должности поверенного от откупщика Н. Я. Голяшкина в гор. Боброве воронежской губ. (как ее, так и ее мужа, я плохо помню, так как они бывали в Москве редко, и когда они померли — не знаю); после нее осталась дочь, которая жива и теперь (находится не в здравом уме).

Затем Татьяна Мих. была выдана в замужество в 1819 году за крепостного дворового человека коллежского советника Чашникова (отпущенного в декабре 1826 г. на волю) Михайлу Никит. Лебедева, занимавшего в течение всей своей жизни должность управляющего у разных помещиков и вследствие того проживавшего с семейством в различных губерниях; после смерти М. Н. Лебедева, последовавшей 14 января 1849 г. (ему было 65 лет), она жила постоянно в Москве (в Хамовниках), где и умерла 20 сентября 1865 г.; Михайла Никит. был высокого роста, тип дворецкого, гладко стриженный, с бритой бородой, а Татьяна Мих. — маленького роста, с повязкой на голове; семейство его состояло из 2 сыновей: Никиты и Пантелея и 5 дочерей: Екатерины, Варвары, Пелагеи, Анны и Авдотьи; все они уже померли и погребены (вместе с отцом и матерью) на Дорогомиловском кладбище. Жизнь всего семейства прошла в тяжелом труде. После сыновей — Никиты (занимавшегося часовым мастерством) и Пантелея Мих. Лебедевых остались дети, все уже теперь взрослые; из дочерей была в замужестве одна Пелагея Мих.; после нее остался сын Василий Конст. Чернышев, ныне состоящий на службе в Московском торговом банке.

Относительно рода моей матери (Дерягиных) имеются следующие сведения.

По сказке 1-й ревизии 1782 года значился по Садовой большой слободе причисленный из волоколамских купцов моск. 3-й гильдии купец Семен Степанов Дерягин 33 лет (родился в апреле 1748 г.) с женой Лукерьей Ефимовой 28 лет и детьми: Никитой (отцом моей матери) 5 лет

(родился 8 сентября 1776 г.), Ильей 2 лет и Катериной 6 месяцев (где он жил, неизвестно, так как сказки ревизской книги по этой слободе нет); по сказке 5-й ревизии в 1795 года (18 мая) у него показана в семействе, сверх означенных, дочь Анна 4 лет (бывшая впоследствии в замужестве за моск. купцом Петром Ил. Сорокоумовским, основателем существующей поныне торговли пушным товаром); жительство значилось в приходе Николая Чуд. в Голутвине, в доме купца Богатырева, торговля в черевишном ряду; а по очередной книге 1801 года — жительство в Якиманской части, у Иоанна Воина, в доме купца Насонова, а торг — в башмачном ряду.

В 1806 году померли как Семен Степ. (22 июня), так и сын его Илья (20 мая), и по сказке 6-й ревизии 1811 года числится купцом 3-й гильдии Никита Сем. Дерягин с матерью и женой Анной Никит. 21 года (моей бабкой, которая была дочерью моск. купца Лужников девичьих слободы Никиты Ив. Потоловского, причисленного 31 мая 1798 г. вместе с отцом Иваном Семеновым (умершим в 1801 г.) в московское из зарайского купечества и умершего в 1812 году; при нем (ему было 50 лет), по сказке 6-й ревизии 1811 года, значились: жена 2-го брака Наталья Павл. 29 лет и дети: Алексей 14 лет, Петр 11 лет, Михайла 10 лет, Александр 2 лет, Прасковья 11 лет, Марья 9 лет, Елизавета 8 лет и Настасья 4 месяца; кроме того, дочь Татьяна 17 лет была уже в замужестве за московским купеческим сыном Новогородской слободы Андреем Игнат. Ферапонтовым; жительство имел Н. И. Потоловской тогда в приходе Николая Чуд. на Пупышах в своем доме, торговлю имел в большом ветошном ряду; по сказке 7-й ревизии 1816 года в семействе Н. С. Дерягина значились, сверх показанных по 6-й ревизии, дочь Марья (моя мать) 4 лет и сын Николай 3 лет; жительство — у Козьмы и Дамиана в Садовниках в доме купца Клушенцова, мать ко-орого Лукерья Ефим, умерла в 1817 году.

Н. С. Дерягин вел оптовую торговлю башмачным товаром, имевшую значительные размеры; он умер внезапно 22 ноября 1822 г. (от апоплексического удара — в лавке). После него осталось 3 детей: моя мать, родившаяся 30 января 1812 г., сын Николай, родившийся 15 апреля 1813 г., и дочь Ольга, родившаяся 23 мая 1816 г., и хорошее состояние (как я слыхал, до 200 тыс. руб. ассигн.), о чем можно судить уже по тому, что при выдаче дочерей в замужество им было выдаваемо, кроме хорошего приданого, по 20 тыс. руб. ассигн. деньгами, что по тому времени составляло весьма много.

Торговое дело его было продолжено вдовой, державшей его, пока не вырос сын, в руках; ею был куплен дом на набережной Москвы-реки у Козьмы и Дамиана, в котором она и жила до смерти, последовавшей 5 января 1841 г. Я помню ее — она была среднего роста, с высокой на голове повязкой, которую она стала носить лишь после смерти мужа; последний, как видно на имеющемся портрете, имел бороду бритую и изображен во фраке с металлическими пуговицами. Когда Николай Никит, подрос и принялся за дело, то он, попав в среду разгульной молодежи, повел жизнь слабую, и дело стало последовательно падать: открытая им торговля в Украине оказала этому еще большее содействие, и, вскоре после смерти бабки, в течение 2 лет дела его пришли в окончательное расстройство.

Он был женат на дочери моск. купца Ивана Алекс. Щепкина — Марье Ив., умершей 20 мая 1874 г.; он же умер 7 декабря 1845 г., оставив семью в самом тяжелом положении. После него остались: 1) дочь Капитолина, родившаяся 21 октября 1838 г., теперь она по мужу Чуваева; 2) сын Николай, родившийся 21 января 1840 г.; по окончании курса в Московском коммерческом училище в качестве стипендиата Купеческого общества он служил первоначально у Алексеевых, а затем долгое время у Ганешиных и,

наконец, состоял с 1890 г. московским биржевым нотариусом; он умер 1 июня 1899 г., имея чин статского советника, выслуженный по благотворительным учреждениям, и 3) дочь *Лидия*, родившаяся 16 мая 1843 г., по мужу Чижова, умершая 3 ноября 1900 г.

Младшая сестра моей матери — Ольга Никит. была недолго в замужестве за моск. купеческим сыном Василием Алекс. Ганешиным (умершим 5 февраля 1866 г.); она умерла 14 января 1836 г. (в 10 ч. утра). После нее остались: 1) дочь Анна, родившаяся 10 декабря 1834 г., по мужу Слободская, умершая вдовой 11 апреля 1876 г., и сыновья близнецы: 2) Иван, родившийся 4 января 1836 г. и умерший 16 июня 1889 г. и 3) Александр, родившийся 4 января 1836 г. и умерший 14 апреля 1886 г. Все перечисленные лица, исключая Слободских, погребенных в Покровском монастыре, В. А. Ганешина — в Новодевичьем монастыре и Потоловских — на Даниловском кладбище, погребены на Ваганьковском кладбище.

Наконец, о происхождении рода моей жены можно привести следующие сведения.

Начало его видно из имеющихся в Московском архиве Министерства юстиции переписных и ревизских книг по городу Калуге, где он непрерывно упоминается первоначально в числе тяглецов, а затем в купечестве, с начала XVII столетия.

Отец же моей жены Федор Ив. большой Расторгуев, родившийся 15 апреля 1797 г., значится приписанным в московское купечество (по Кошельной слободе) из калужских купеческих детей с 1829 года (при подаче ревизской сказки 2 апреля 1834 г. показан он купцом 2-й гильдии, 36 лет от роду).

Он имел торговлю золотыми, серебряными и бриллиантовыми вещами в Харькове и некоторых других местах южного края: умер 21 января 1848 г. (в 3 часа дня) в Харькове,

где и погребен; после него остались вдова и дети: сын Алексей, умерший (10 лет) в 1851 г., дочь (моя жена). Торговое дело после смерти его было продолжено сначала его вдовой — Евгенией Ив., а по выходе ее в октябре 1857 г. в, замужество за главного приказчика ее причисленного на 1858 год в московское купечество из путивльских купцов — Василия Вас. Дегтярева (умершего 13 июля 1901 г.) оно было производимо сим последним до 2-й половины 1880-х годов.

Мать жены моей Евгения Ив., родившаяся 27 ноября 1815 г. и умершая 17 мая 1885 г., происходила из купеческого дома Губкиных — отец ее Иван Семен. был причислен в московское купечество в 1800 году также из калужских купцов и имел значительную торговлю ранее в Украине мануфактурным товаром, а затем в Москве золотыми и серебряными изделиями (имея свою фабрику, пользовавшуюся в то время известностью); при делах его состояли (до начатия собственных дел) приказчиками: Ф. И. Расторгуев (отец моей жены) и Василий Алекс. Ганешин (сын его сестры Матрены Семен.). Жена И. С. Губкина Александра Ив. (умершая от холеры в 1830 году), урожденная Манухина, была падчерицей коммерции советника Михайлы Ив. Титова — того самого, который, купив принадлежавшее Колосовым село Батыево, намеревался при этом приобрести в собственность и моего деда с его семейством.

Земля, на которой мы живем, по имеющемуся у меня специальному плану ее 1763 года и общему межевому плану Кобыльской слободы 1756 года, представляла собою пустопорожнее береговое место, на котором находился лишь большой пруд (существующий доныне); построек же никаких не было; самый план 1763 года сделан для подачи в московскую полицию от П. В. Колосова (вслед за приобретением им той земли) при просьбе о разрешении постройки «4 деревянных мастерских, жилых светлиц и красильной избы» и «3 деревянных же сараев и амбаров».

В восточном, в то время переднем, конце (прилегающим ныне к Полуярославскому переулку) земля эта, по плану 1763 года, упиралась половиной (ближайшей к северной стороне) в площадку, в которой шел проезд в Сыромятники, а другой половиной (ближайшей к южной стороне) в землю фабриканта Полуярославцева, соединенную мостом с принадлежавшей ему землей, лежавшей по ту сторону Яузы; в западном, тогда заднем, конце она ограничивалась линией, на которой находится наш дом, и упиралась в проезд около Земляного вала, причем на спуске к реке существовала фартина (кабак); южной стороной она примыкала во всю длину к Яузе, имевшей в середине длинный излом, а с северной стороны граничила в половине ее от Земляного вала с садом майора Лакостова, а в другой — с садом камер-цалмейстера Симонова.

На указанном плане 1763 года конец Земляного вала показан против средины этой земли; ниже его на Яузе — на месте нынешнего высокого моста означен мост («лавы» для пешеходов); на Яузе (вблизи Полуярославского моста, у которого издавна существовала плотина, принадлежавшая ранее пороховой мельнице) был остров; последний отделялся от земли, принадлежащей ныне нам, рукавом реки, образовавшимся вследствие существования плотины, с уничтожением которого уничтожился и сам рукав (хотя он в виде ручья поддерживался и позже), и остров присоединился к берегу, перешедши в отдельное владение, которое ныне составляет собственность Единоверческого Всесвятского монастыря.

Остров этот встречается и в изданных мной «актовых книгах», из которых видно, что 5 июля 1755 г. была продана сек.-майора Александра Григор. Собакина женой Натальей Петровой, дочерью Соковнина, прем.-майору Петру Артем. Лакостову белая земля посреди Яузы — «островок», доставшаяся в 1735 году по закладной от князя

Владимира Влад. Долгорукова вдовы Марьи Аврамовой; затем 22 июня 1780 г. порожняя белая земля, называемая «островок», находящаяся в 10-й части, на берегу Яузы, доставшаяся от П. А. Лакостова дочери его — капитана Федора Влад. Шереметева вдове Марье Петровой, была ею продана полковнику Николаю Александр. Соймонову. Была ли она в то время, как ныне, во владении одних и тех же лиц вместе с землей, находящейся напротив нашей земли — по другую сторону Полуярославского переулка, точно так же, как и когда был устроены по земле, принадлежавшей Полуярославцеву по эту сторону Яузы, переулок к мосту, у меня на то данных нет, но из имеющихся сведений последующего времени видно, то все это составляло общее владение, как это можно заключить из того, что земля, образовавшаяся из острова, не имела, даже почти до самого последнего времени, особого полицейского номера: в начале XIX столетия все это принадлежало князю Юрию Влад. Долгорукову (в делах встречается название Долгоруковская мельница), затем князю Петру Дмитр. Салтыкову, далее — Ивану Павл. Шаблыкину, а потом — вдове Давыда Ив. Широкова, от которой по завещанию и перешло к Единоверческому Всесвятскому монастырю.

Из нашего сада существовала весьма долго на эту землю калитка, и из времен моего детства я помню, что старожилами, в том числе и моим отцом, земля эта называлась «островом»; она, как и теперь, была неогороженной к реке; через нее проходили в имевшуюся калитку, выражаясь «через остров».

Из дел духовной консистории усматривается, что в 1749 году на Яузе, где ныне Высокий мост, существовал перевоз.

Земля наша, в сказанных пределах, перешедшая от П. И. Матюшкина 25 ноября 1762 г. к П. В. Колосову по купчей, в коей значилось, что она была продана с садом и

прудами (кроме большого пруда на ней существовали еще 2 малых пруда, из коих среднего я не помню), по переписи года числилась за прап. Иваном Ивановичем Матюшкиным, затем, по расстройстве дел наследников Колосова, она была куплена 7 октября 1815 г. с аукциона в Московском губернском правлении моск. купцом Василием Дмитр. Сорокиным за 7 771 руб. 43 коп., а им передана 3 декабря 1815 г. моск. купцу Василию Борис. Невежину (владевшему уже в то время соседней землей, выходящей к Земляному валу, — передней частью нынешнего владения наследниц Г. И. Хлудова); при этом в данной показано, что «земля пустопорожняя, занимаемая посевом овощей; строения все сгорели в 1812 году; на земле имеются 3 пруда — большой, в коем водится рыба, длиной 78, а шириной 10 саж., прочие с ним соединены проточной канавой»; по смерти же Невежина, последовавшей 2 мая 1817 г., она досталась его вдове Степаниде Гавриловне, коей 28 февраля 1821 г. и продана она моему отцу с дядей за 25 000 руб. асс., а от отца, после его смерти, перешла ко мне с братьями.

Место же, находящееся впереди линии, на коей стоит наш дом (составлявшее спуск к реке), оставшееся за отделением от него части под проектированное устройство существующей ныне улицы, было, как видно, отдано военным губернатором Тутолминым 23 августа 1807 г. ст. сов. Николаю Никол. Сандунову и от него перешло 29 января 1817 г. по купчей к тому же В. Б. Невежину за 500 руб. асс., а вдовой последнего продано 28 февраля 1821 г. за ту же цену (500 руб. асс.) моему отцу с дядей.

Подъезд с нынешней передней стороны был в то время совершенно неблагоустроенным; я слыхал, что при венчании моего отца (осенью 1828 года) въезжали в ворота от Сыромятников, так как от Земляного вала ездить в каретах было совершенно невозможно. Такое положение существовало до устройства нынешней улицы, произведенного

посредством насыпи; для этого поступила земля из срытого Земляного вала, срытие которого от церкви Николая Чуд. в Кобыльском до Таганки было начато в 1827 году (точно так же была сделана насыпь для устройства моста и с противоположной стороны Яузы, но та насыпь была короткой в сравнении с сделанной на нашей стороне). Насыпь была доведена до Яузы в 1829 году, и в августе началась постройка моста, которая была окончена к 15 июня 1830 г. Устроенная таким образом улица представляла собою тогда высокую дамбу, на которую от имевшихся возле нашего дома ворот был сделан отлогий въезд; в таком виде она существовала весьма долго.

Дом наш, при его постройке после покупки места, стоял не под горой, а даже выше уровня прилегавшей к нему с передней его стороны земли, так как последняя была лишь по времени поднята насыпкой. В него вошли для жительства 22 декабря 1827 г.; стал он 25 000 руб. асс. и по-строен из леса, доставлявшегося водой по Москве-реке; при этом он был обшит тесом, снаружи имел ставни, за-пиравшиеся замками; комнаты внутри ничем оклеиваемы не были.

В таком виде он существовал до 1848 года, когда комнаты были оклеены обоями (без штукатурения стен); затем в 1868 году задняя холодная пристройка, занимавшаяся задними сенями, чуланами и ретирадами, была обращена в теплую с устройством в ней 2 жилых комнат, ватерклозетов и духовой печи; потом в 1873 году дом был оштукатурен внутри и снаружи, изменен фасад, вместо голландских печей сделано общее духовое отопление, сделаны новые дубовые оконные рамы (в парадных комнатах в 3 стекла вместо прежних 8-стекольных); наконец перестроено парадное крыльцо, с превращением занимавшегося им помещения из холодного в теплое и приданием ему одинаковой высоты с домом (до того времени оно доходи-

ло лишь до верхнего этажа), вследствие чего, — как в среднем, так и в верхнем этаже пристройки образовались жилые помещения.

Когда для штукатурки была снята имевшаяся тесовая обшивка, то оказалось, что лес, из которого срублен дом, едва поддавался топору и издавал смоляной запах, причем в одном углу, в котором вследствие прикосновения к нему рукомойников оказалась гниль, и потому потребовалось переменить несколько коротких дерев, трудно было подобрать подходящий по толщине лес.

Из земли, приобретенной от Невежиной по отдельной купчей (ранее бывшей Сандунова), выходившей узким концом перед частью соседнего владения, перешедшего 19 июня 1828 г. от Невежиной к Василию и Петру Никол. Усачевым (ныне наследниц Хлудова), часть (25 саж. по улице а всего 134 кв. саж.) была продана 13 июля 1831 г. Усачевым, кажется, за 3 000 руб. асс.; затем 18 ноября 1852 г. была продана из этой земли еще дальнейшая часть (33 саж. по улице) жене колл. секр. Варваре Александр. Назимовой (муж ее состоял в то время местным квартальным надзирателем) за 850 руб. сер.; Назимова выровняла ту землю посредством подсыпки ее, так как до того времени проданная ей земля составляла скат, шедший до линии южной стороны нашего дома. Тогда ворота находились возле дома внизу и от них продолжался забор по направлению к Яузе, от северной стороны дома были тогда также однообразные ворота на так называемый «маленький дворик» (в то время ни террасы с северной стороны, ни выдающегося из общей линии дома помещения, пристроенного впоследствии для расширения кухни, не существовало); ворота эти открывались только зимой с целью вывоза нечистот. Место впереди линии, на которой стоит дом наш, было тогда не огорожено, представляя из себя луг, даже самый решетчатый палисадник был сделан лишь

в 1854 году, а начало устройства находящегося ныне перед домом сада относится к 1869 году. Бывало, на лугу перед домом паслись коровы; заходили часто и чужие, которые прогонялись дворником; в Ильин день на лугу сиживали в разных местах группы разных лиц, побывавших на гулянье у праздника (гулянье уничтожено весьма недавно; с проложением конной железной дороги, впоследствии снятой, оно было перенесено первоначально на улицу, идущую мимо церкви Илии Прор., а затем переведено на Девичье поле; ранее же на Садовой помещались палатки, качели, коньки, а при существовании откупной системы — и знаменитый колокол для продажи водки; на монастыре шла торговля ягодами).

По имевшимся сведениям на сказанной неогороженной земле вблизи берега Яузы был еще один пруд, которого я не помню.

Впоследствии к нашей земле была присоединена от площадки, существующей сзади на Полуярославском переулке, для урегулирования сего последнего, часть ее в количестве 195 ¾ кв. саж., которая была продана нам по постановлению Городской думы от 28 сентября 1873 г.; деньги за нее в сумме 351 руб. 50 коп. внесены в Городскую управу 2 сентября 1880 г.; но купчей до сих пор не выдано; возбужден был даже в недавнее время Городской управой вопрос об урезке той земли сообразно новому плану регулирования Полуярославского переулка.

Постройки, находящиеся на нашей земле, относятся, по возведению их, к различному времени. Описываю все, какие я застал; излагаю это с возможной подробностью в видах пояснения значащегося на планах и имеющихся изображениях.

Дом наш, как уже сказано выше, построен, вместе с каменной кладовой (со сводами), в 1827 году; он был в прежнее время окрашен диким цветом, крыша зеленая.

Вблизи берега Яузы находилось деревянное строение, крытое железом, с мезонином над половиной его; в этом строении до постройки дома жил мой отец с семейством, занимая одноэтажную часть его, в которой, при существовании в 1830-х годах набивной фабрики, помещались резчики манеров; в другой же части находились принадлежности красильни; в 1841 году в мезонине была поставлена щеточная машина (для чистки плиса), для чего перед частью строения с мезонином был устроен под шатром конный привод, а в 1856 г. в жилой части здания была поставлена колотильная машина и впереди здания на открытом месте устроен для того другой конный привод; к строению этому примыкала холодная красильня, часть которой, составлявшая как бы продолжение того строения, так что мезонин находился над серединой его, была покрыта железом, другая же часть имела крышу тесовую; первое строение было сделано в 1815 или 1816 году вместо сгоревшего во время нашествия неприятеля. Повыше их (уровень земли был значительно покатый к реке) находились 2 отдельных деревянных здания, крытые тесом: 1) кухня для рабочих, на чердаке которой водились голуби (ранее были там разные козырные и турмана), с пристройкой (на один скат), в коей помещалась отбельная, и 2) более длинное, где помещались вначале (когда отец мой с семейством жил в береговом здании) погреб, сарай для экипажей и конюшня: в мое же время оставался из всего этого только погреб для рабочих, а остальное употреблялось для склада разных принадлежностей; затем в 1841 году там была поставлена клеильная машина для плиса с маленьким паровым котлом для нагревания ее, а в 1858 году устроена запарная для набивных полушерстяных платков; незастроенное место ниже последнего здания было занято вешелами для летней сушки товара.

Направо и налево от означенного берегового строения, (еще ближе к берегу) находились холостые деревянные

постройки, крытые тесом: на запад — сарай для красильных материалов и терка для сандала, а на восток — опальня для плиса. Все эти строения были одновременные по их постройке и сломаны при возведении в 1862 году каменного 3-этажного корпуса (постройка последнего начата 25 мая).

К кладовой примыкал небольшой сарай для домашних принадлежностей и далее, с выступом вперед, деревянное крытое тесом строение (с передней стороны оно имело галерею и перед ней коновязь), в котором помещались погреб, сарай для экипажей и конюшня, а за ним коровник, — все это заменено в 1870-х годах существующим каменным зданием, отодвинутым на одну линию с кладовой.

По той же линии далее стояла деревянная сушильня, крытая тесом, — высокое строение с летней сушильней сверху; при ней ранее была стоявшая отдельно снаружи дымовая труба; за ней следовал сарай для всякого скарба. Сушильня эта была выстроена первоначально в конце 1818 года, а затем перестроена в 1842 году.

В сентябре 1861 года она была сломана и на месте ее поставлено существующее здание в каменных столбах, продолженное впоследствии каменной холодной пристройкой.

На другом конце двора к Полуярославскому переулку существовали следующие здания:

Вблизи северной стороны — 2-этажный корпус, низ каменный, а верх деревянный, прежде был покрыт тесом и лишь впоследствии железом; построен он был осенью 1832 года во время устройства набивки бумажных платков. В марте 1901 г. корпус этот, будучи занимаем столярной мастерской Борисова, сгорел и теперь остается в виде нижнего этажа.

Рядом с ним деревянное одноэтажное здание с мезонином, крытое железом, построенное в 1815 или 1816 году, которое, по исправлении его в 1870-х годах, существует поныне, а затем, по южной стороне земли, одноэтажное

строение, занимавшееся фабричными принадлежностями, а к самому пруду красильня и, наконец, на восточной стороне пруда одноэтажное строение, сделанное осенью 1832 года для помещения отбельной при набивной фабрике; все эти строения с течением времени сломаны.

В прежнее время все находящиеся на заднем конце постройки были отделены от прочего двора решетчатым забором с воротами, вследствие чего при объяснении чего-либо относящегося к заднему концу двора употреблялось выражение «на том дворе».

Находящаяся на дворе, не доходя заднего конца, небольшая деревянная постройка сделана из строения, существовавшего некоторое время при большом каменном корпусе.

Наконец новый каменный дом посредине двора построен в 1896 году.

Большой пруд не был прежде огорожен со стороны двора, хотя и существовали иногда надолбы: по берегу было много текших открыто родников; сад же, называвшийся «большим», был ближе пруда и тянулся по южной стороне его во всю его длину, состоя, с половины пруда до конца, из густой односторонней липовой аллеи (к стороне Яузы); в саду были яблони и кусты малины, смородины и крыжовника, а также кое-где и цветы; огорожение пруда от двора произведено было приблизительно в 1865 году, и затем берег обращен в сад. По рассказам, во времена процветания Колосовых, берег пруда был в хорошем виде, разделан ступенями, на которых росли кусты; но с упадком Колосовых он был отдан под устройство огорода, и на нем были сделаны гряды, после чего он и оставался уже в том неблагоустроенном состоянии, в каком я его стал помнить. Я слышал, что Колосов хотел произвести очистку пруда, хотя он, по своей глубине и проточности, не имел никогда тины, но за то просили в то время 5 000 руб., и потому дело не состоялось.

Кроме береговых не особенно больших родников в конце пруда существовали 2 сильных родника, из которых один проходил под строением (сгоревшим в 1901 году) и втекал в пруд (в северо-восточном углу его) довольно низко, а другой, существующий и поныне, тек на высоком расстоянии от уровня пруда. Водой из этого родника, до расширения мытищинского водопровода (т. е. до конца 1840-х годов) пользовались все окрестные жители; к нему, в видах противопожарных, был даже устроен, по требованию полиции, широкий по берегу съезд с двух сторон.

Соседями нашими, на моей памяти, с северной стороны выше нас по горе были: в передней части Усачевы, а в задней — Николай Вас. Маклаков; кроме того, в самом конце гнездилось (отделенное, видимо, от Маклакова) маленькое владение, переходившее в разные руки (где помещалась в течение некоторого времени красильня шелка) и носившее в последнее время название «петушиный двор» по случаю проживания там разного сброда; строение это как-то сгорело.

Когда Усачевы купили землю Маклакова (это было в самом начале 1840-х годов), то, имея отличный сад, но не имея воды, они вздумали перерыть наш большой родник, для чего ими выше его на маклаковской земле была устроена водокачка с конным приводом; родник наш потерял в значительной степени свою силу, что особенно выражалось во время производства качки, но это продолжалось недолго. Со смертью П. Н. Усачева (умершего от холеры 18 июня 1848 г.) поддержка сада стала падать, а в 1854 году имение Усачевых было продано Герасиму Ив. Хлудову; им была проведена вода в дом и сад из мытищинского водопровода, и имевшаяся водокачка была уничтожена. Тем не менее, в силу других обстоятельств — понижения почвенной воды (последовавшего, как говорят, от устройства артезианских колодцев) количество вытекающей из родника

воды значительно сократилось, и он, после многократных расчисток, понизился настолько, что в настоящее время втекает в пруд почти на уровне его поверхности.

В большом пруду всегда водилась рыба — караси, окуни, пескари, карпы (попадавшиеся при ловле величиной в аршин и даже несколько более), не говоря о массе плотвы; от отца слышал я, что во времена Колосовых было однажды посажено в пруд большое количество стерлядей, но в один несчастный год они все заснули. Бывало, ловля рыбы производилась неводом, который во всю ширину пруда проводился в длину его; большая рыба при приближении невода прыгала через него, смотреть на такую ловлю собирались соседние охотники. Рыба есть и теперь, но, вероятно, не в большом количестве, и притом крупной не видно; невода давно уже у нас нет, и потому ловится иногда кое-что (караси) вершами. Пруд наш настолько славился своей чистотой, что в 1849 году, по случаю царского приезда в апреле для освящения большого кремлевского дворца, в нем помещались от живорыбного торговца И. Е. Мочалова садки с предназначавшейся для двора рыбой — стерлядями и осетрами (в Москве-реке по случаю половодья держать их было тогда нельзя).

Колка на пруде льда отдавалась всегда занимавшимся этим промыслом ледоколам за плату от 30 до 50 руб. в год; так это шло до зимы 1852–53 гг., когда она была предоставлена содержавшему в Сыромятниках пивоваренный завод Николаю Федор. Мамонтову на 2 зимы по 150 руб. за каждую; с того времени плата эта не понижалась, а еще возвысилась. На пруде издавна существовали купальня и лодка: купальней пользовались не только мы сами (во время детства мы купались по нескольку раз в день, плавая и снаружи), но, с разрешения нашего, и некоторые соседи: так П. Н. Усачев ходил купаться ежедневно, утром и вечером, для чего из его сада была устроена на наш двор калитка

(остающаяся до сего времени); ключ от нее имелся и у нас для предоставления нам удобства к посещению того сада.

Кроме «большого» сада, на юг от дома нашего (к Яузе), отделявшись от него проездом в ворота, существовал всегда «маленький» сад с беседкой вблизи забора к реке (беседка эта была ранее, на моей памяти, в большом саду при начале аллеи, но была перенесена оттуда вследствие того, что в ней постоянно были обворовываемы дверные и иконные приборы); в нем были правильные дорожки, затем, так же как и в большом саду, яблони, малина, смородина и крыжовник. Бывший при нем пруд, называвшийся «маленьким», хотя был также проточный, но вследствие того, что он был мелкий (впрочем, в детстве я однажды, тянувшись за чем-то с берега и сорвавшись, тонул в нем) и на берегу его росла громадная старая ветла, согнувшаяся стволом, и накрывала его до середины, он был весь в тине; вода в нем была чрезвычайно холодная: на берегу был родник, водой которого пользовались рабочие; из рыбы в нем водились караси, пускавшиеся в него после ловли их в большом пруде; он засыпан нами в недавнее время.

Положение южной половины нашего двора (в направлении к реке), впоследствии значительно подсыпанной, было низкое с постепенным уклоном. При возвышении уровня реки во время половодья весьма часто вода входила к нам на двор; во время половодья 1849 года Яуза сливалась, как в записи значится, 12 апреля с большим прудом, стоявши не менее как на ½ арш. выше берега, который был огораживаем досками, чтобы не ушла рыба; то же повторилось в 1855 году; забор между садом и соседним огородом, бывший довольно ветхим, был большею частью повален, вследствие чего пришлось после того сделать его весь вновь и переменить столбы; но вода следующего 1856 года была еще выше: она доходила до самых ворот, бывших возле нашего дома, а на месте нахождения теперь

3-этажного корпуса — до линии его южной стороны. Большой пруд составлял с рекой одно озеро; забор, сделанный вновь в предшествующем году, поднимался водой целыми звеньями, так что был повален весь и остался на месте благодаря лишь тому, что был связан, а в особенности, что за ним были насажены ветлы, удержавшие его от разноса. По Полуярославскому переулку вода доходила до находящегося у нас здания с мезонином; после того чрезвычайно высокая вода была еще в 1867 году; она не достигала воды 1856 года, как было видно по имевшимся у нас отметкам на ближайшем к реке строении (опальной), лишь на 5 вершков; несмотря на произведенную пред тем некоторую подсыпку сада в прилегающей к реке части, река сливалась с большим прудом через край; 15 апреля все заборы были опять подняты (столбы выворочены водой из земли). После того были приняты меры к более значительному возвышению береговой части земли, что постепенно и было произведено.

В прежнее время, в обыкновенные половодья, находящаяся против нас через Яузу земля, занимавшаяся огородом, была всегда заливаема вплоть до Сивяковского переулка.

Яуза тогда (на нашей памяти) представлялась далеко не тем, чем она является теперь; бывало, в установленное время, на ней трогается и идет лед (как и на Москве-реке); помню, как однажды Высокий мост был сломан льдом и середина его повисла над водой; то же было и с Полуярославским мостом; впоследствии как у того, так и у другого моста были сделаны перед быками ледоотводы; во время ледоходов езда по этим мостам, в видах безопасности, приостанавливалась; при бывавших же сломах Высокого моста это продолжалось в течение долгого затем времени; притом редкое половодье проходило без того, чтобы у нас не унесло плот, и даже были случаи, что то же самое встречалось и с устраивавшейся на зиму на реке

мытельной, как это, например, было в 1864 году. В Яузе вода была хорошая; можно было купаться, что приходилось с плота делать и мне. Все это теперь забылось; с устройством газового завода по реке плывет какой-то масляный слой, она почти не замерзает, а о ходе льда нет и помина.

До приобретения от Невежиной земли (нынешней нашей), когда не было видов на возможность покупки ее вследствие назначения не соответствовавшей ей цены, отцом моим и дядей была куплена у моек, купца Семена Трифон. Добрякова (как полагать можно по сведениям о владениях за 1818 год) земля, составлявшая длинную полосу — от Сыромятников до Яузы (в количестве 3 078 кв. саж.), имевшая в 1-м конце ширину лишь 8 ¾ саж., а в другом 19 саж., числившаяся в Басманной части 4-го кв. под № 435 (по плану 1804 г. значится за купцом Дмитрием Насоновым — рогож. ч. 1-го кв. № 79, после поставлен № 82). После покупки владения Невежиной, та земля была продана Якобсону, возле земли которого (также длинной полосы) она находилась; земля Якобсона перешла впоследствии к Костомарову, которым открыт по ней проезд, переданный затем городу и обращенный в переулок.

Нынешняя земля наша состояла до 1782 года в 9-й части, а затем, как из указателя Москвы 1793 года видно, числилась в 18-й части 1-го квартала под № 50, далее по планам 1803 года — в Рогожской части 1-го квартала под № 67, в 1818 году — Басманной части 4-го квартала под № 448, с 1833 года — той же части 5-го квартала под № 641, а с 1863 года — под № 824 и, наконец, 1882 году перешла Яузской части во 2-й участок, с оставлением при ней того же номера.

По церковному распределению она принадлежала в 1737 году (так же, как принадлежит и в настоящее время) приходу церкви Илии Пророка на Воронцовском поле. Между тем в переписи дворов 1745 года и в купчей (на имя

П. В. Колосова) 1762 года, а затем и на плане 1763 года, она показана в приходе Троицы в Сыромятниках; к случайной ошибке отнести этого нельзя, ибо не следует забывать, что в то время лицевой стороной земли представлялась обращенная на восток, т. е. выходившая на нынешний Полуярославский переулок, а потому, при возможности нахождения в указанное время заселенной части земли в конце, прилегающем к сказанной лицевой стороне, могло быть, что жившие на ней были отнесены к Троицесыромятническому приходу (все соседние, со стороны Сыромятников, дворы принадлежат доныне этому приходу) или же что земля числилась и в том и другом приходе (от нынешнего Троицесыромятнического священника Барбарина я слышал, что в тамошних церковных записях прежнего времени он встречал в числе приходских дворов владения Колосова; наконец, я помню (лет 50 назад), что тамошнее духовенство в Рождество Христово и Пасху всегда посещало наш дом, причем я слышал тогда, что оно считало наш задний (по теперешнему положению) двор принадлежащим к его приходу.

Подобно этому следует сказать и о земле, находящейся перед нашим домом (прирезанной к владению Невежина из-под Земляного вала и бывшего около него проезда). К какому приходу принадлежала та часть ее, которая составляла пустое место, этим едва ли кто-либо тогда и интересовался — вероятно, ни к какому: но в верхней части ее — на Земляном валу были в начале XIX столетия дом и другие постройки Сандунова; владение его, как видно из исповедных росписей, в 1811 году упоминалось в Грузинском приходе, а в 1814 году — в Ильинском (за все время существования его с 1807 до 1817 г.). Во всяком случае, остается не требующим доказательств то, что отношения нашего владения к Грузинскому приходу были близкими (как это сохранилось без изменения и до сих пор — с апреля

1896 года я состою там даже, по недостатку лиц из прихожан, церковным старостой); тамошнее духовенство посещало наш дом искони не только в праздники Рождества Христова и Пасхи, но и 22 августа (в день празднования Грузинской иконы Божией Матери).

Принадлежавшей отцу моему, кроме того, недвижимостью была лавка в большом иконном ряду (городской части 1-го кв.) под № 10 и 11, купленная им вместе с дядей 1 апреля 1826 г. у московского купца Николая Серг. Бирюкова за 2 500 руб. асс. (пошлины были взяты с 6 500 руб. — видимо, по существовавшей оценке ее); лавка эта, отдававшаяся внаем за 300 руб. сер., поступила в 1858 году к сестре моей Ольге Александровне в приданое при выходе ее в замужество, а ею продана, при возникновении вопроса о переустройстве рядов, арендовавшему ее в течение долгого времени (как у отца моего, так и у нее) московскому купцу Сергею Осип. Матвееву за 5 000 руб. сер.

Принадлежащий ныне нам дом, состоящий в том же приходе Илии Пророка, на Покровском бульваре (Яузской части, 2-го участка, под № прежним 310, новым 346), куплен мной с братьями 29 февраля 1880 г. у почетных граждан Дмитрия и Николая Александр. Крестовниковых за 160 000 руб. сер.; главная, передняя часть земли находилась во владении рода Крестовниковых с 20 июня 1795 г., а задняя часть, занятая садом, с 19 мая 1811 г.

Постройки, находившиеся в передней части двора (к Садовой ул.), занимались всегда для собственного дела; имевшиеся же в задней части (к Полуярославскому пер.), кроме времени, когда они, в начале 1830-х годов, употреблялись для набивной фабрики бумажных тканей, а затем с 1858 года для набивной же фабрики шерстяных товаров и, наконец, для потребностей шерстопрядильни (спальни рабочих, квартир и т. п.), отдавались внаем разным лицам и потому составляли, хотя и незначительную, статью дохо-

да. Так, по церковным книгам за 1826–28 гг. значится при доме нашем жильцом колл. сов. Иван Петр. Мартень, о том, чем он занимался, я никаких сведений не имею; помню далее, как рассказ, что у нас был жилец Шель, работавший что-то, он был, вероятно, первым наемщиком по прекращении нами набивного дела; затем, на моей памяти, строения те отдавались одновременно двум лицам: двухэтажный корпус был тогда отгорожен от остального двора решеткой и его занимал Петр Ив. Корнеев, работавший в нем кисею (дело числилось на имя его матери — купчихи Анны Мих. Корнеевой); помню, что рабочие его уходили обедать и ужинать в другое место, где у него была фабрика со всеми принадлежностями. С апреля 1839 года наем его прекратился, одновременно с этим дом с мезонином и все остальные постройки отдавались Ивану Ив. Мельникову. По церковным книгам он значится у нас с 1837 года, а по домовой книге числится выбывшим в конце 1840 года, занятий его не помню. После того с начала 1841 до осени 1842 года показан по домовой книге наемщиком московский купец Иван Алексеев, которого решительно припомнить не могу; за ним, как жилец в доме с мезонином, был недолго (с осени 1843 до весны 1844 года) Лев Ив. Бюнтинкс, имевший заведение для приготовления каких-то деревянных фабричных принадлежностей. Потом все помещения в задней части двора арендовал Петр Осип. Гужон для шелкоткацкой фабрики. Он был жилец хороший, помню, что он был человек очень скупой и что он уничтожал водившихся голубей, употребляя их в пищу; характера был он горячего, размотчиц, отдававшихся ему помещиками по контрактам, сек за провинности; он перебрался от нас, в видах расширения дела, в Сыромятники в дом Кокушкина (владение это вошло в состав земли Дома призрения бедных Г. И. Хлудова). После него в 1817 и 1818 гг. был наемщиком Василий Никифоров, имевший

ткацкое производство бумажных товаров, а затем недолго, также для ткацкого дела, Иван Гавр. Каширин, который выехал по невозможности получить разрешение на перевод фабрики к нам. После того, в начале 1850 года сняли все строения Осип и Клавдий Осипович Даме для крашения шелка. Дело было у них самое ничтожное, а так как платеж наемных денег они скоро прекратили и, по неимению дров, стали жечь в занимаемых ими строениях полы и накаты, то с ними пришлось до срока уничтожить заключенный договор. Далее наемщиками правой стороны были Леонтий Борисов и Николай Леонт. Пономарев, занимавшиеся, в самом малом размере, набивкой кисеи; денег также не платилось. В двухэтажном же корпусе нижний этаж занимался в то время столяром Семеном Трофимовым; это продолжалось до отдачи этого корпуса в том 1852 году для шелкоткацкой фабрики Константину Павл. Шерышову, арендовавшему его до начала 1857 года; при его фабрике проживали: приказчик Иван Степ. Башкиров и, в качестве так называемого «мальчика», Александр Макс. Молчанов (с 1859 года торговавший в малом суровском ряду набивным товаром, по упадке же его дел определенный в 1896 году на должность смотрителя дома, завещанного купеческому обществу Ф. Н. Самойловым, и умерший 20 мая 1901 г.). По переводе Шерышевым фабрики корпус этот занимался в течение некоторого времени И. С. Башкировым, а в 1858 году был употреблен нами для набивного дела, прочие же здания были в ноябре 1853 года отданы Августу Либишу, имевшему красильное заведение, и, наконец, с лета 1855 года Амвросию Матв. Штефко, занимавшемуся крашением шерстяной пряжи; он прожил у нас до конца 1858 года и был последним наемщиком.

Деятельность нашего рода, по переселении его в Москву, имела в течение всего времени промышленный характер, основываясь на крашении и, частью, на набивке изделий

из волокнистых веществ, и только нам, притом в самое последнее время, пришлось прекратить ее и перейти к другим занятиям.

Так, после первоначального состояния деда моего Егора Ив., как выше сказано, сперва учеником, а затем мастером в заведении крашения шелка Колосовых, им, после расстройства дел последних, была заведена на том же месте собственная красильня; когда это произошло, я не знаю, хотя и видно, что это было до 1812 года; по возвращении в Москву после нашествия французов. Когда он с семейством, до возведения построек на прежнем месте (принадлежащем нам), проживал в Сыромятниках в доме П. А. Жирнова (ныне хлудовский Дом призрения бедных), то и там производилось крашение, а затем, по переезде оттуда на прежнее место, возобновилось тут в 1816 году; начальным собственным занятием было крашение шелка, к которому в 1820 году присоединилось крашение бумажной пряжи, сделавшейся с 1827 года единственным производством (крашение шелка окончилось в 1826 году). Независимо от того мать моего отца занималась крашением «спорков» (т. е. бывших уже в употреблении материй), для чего она имела одного или двух рабочих; я слышал, что на добываемые этим путем средства она вела все домашнее хозяйство. Дело крашения бумажной пряжи шло в то время весьма хорошо, конкуренции не было; отдававшими в крашение пряжу были все главные ткацкие фабриканты, как братья Крестовниковы (по имеющимся записям счета с Крестовковыми за крашение бумажной пряжи составляли в конце 1820-х годов около 35 000 руб. в год, что по тому времени представлялось суммой весьма значительной), Алексей Алекс. Мазурин, Гаврила Никит. Урусов, братья Солдатенковы и разные другие. Дело приносило хорошую пользу; выгодность его видна из того, что уже в самом скором времени (в 1824 году) представилось

возможным приобрести в собственность землю, заплативши за нее 25 500 руб. асс., что, с существовавшим лажем, составляло более 30 тыс. руб., и вслед затем выстроить дом, ставший 25 тыс. руб., — по тому времени это составляло весьма значительную сумму; затем в 1830 году к красильному делу была присоединена набивка бумажных тканей (пике, кашемировых платков и т. п.), которая, однако же, существовала недолго и, после смерти моего дяди, была (в 1834 году) прекращена. В то же время в конце 1831 года начато крашение плиса и полубархата, сопряженное с отделкой его, а также крашение без отделки нанки, демикотона, кашемира и миткаля; отделка плиса и полубархата, равно как и подготовка его к крашению, производились в то время еще самым примитивным способом: суровый товар перед опалкой подвергался (для поднятия ворсы) ручной чистке щетками, подклеенный товар просушивался на чугунных валах, нагревавшихся посредством вкладывания в них раскаленных чушек. Дело это шло в таком виде до 1841 года, когда были поставлены машины: щеточная, приводившаяся в действие конным приводом, и клеильная с медными барабанами, нагревавшимися паром; плис и полубархат в 1830-х годах красились преимущественно в разные цвета, а с 1812 года более в черный. В числе главных давальцев и в этом случае были Крестовниковы, но недолго было удовлетворительным это дело, ибо вскоре после того в начале 1840-х годов Александр Козм. Крестовников устроил для плиса в Сыромятниках (в доме Васильевой) собственное красильное заведение; работа у нас через это значительно уменьшилась, тем более что и из фабрикантов, бывших нашими давальцами, некоторые стали сокращать, а другие даже прекратили это производство, перешедши на выработку других товаров, а взамен того начали появляться совершенно новые торговцы плисом, сделавшиеся впоследствии главными производителями его, причем

самая выработка этого товара из прежней фабричной превратилась в «мастерскую», производимую в деревнях, а вместе с тем возникла по этому предмету и большая конкуренция. Кроме Ильи Федор. Брехова, занимавшегося крашением плиса уже и ранее пользовавшегося известностью, явились разные новые содержатели заведений, преимущественно по крашению черного плиса; самое крашение последнего приняло иной характер: вместо употребления для отделки такового (глянцевания) желтого воска его стали смазывать гусиным салом и олеином, что стало применяться вообще к низким сортам товара, начавшим составлять главную часть производства; у торговцев явились выражения «отделка под воск» и «под сало»; плата за крашение низких сортов сделалась весьма низкой. Дело, попавши в такие руки, где начали приобретать значение близкие отношения к приказчикам, которых у нас существовать не могло, сокращалось у нас последовательно, сделавшись к 1850 году весьма незначительным. Так как в самом ткацком деле возникали изменения и многие фабриканты, работавшие одни бумажные ткани, начали употреблять для ткачества также шерстяную пряжу, то еще в 1845 году было начато нами также крашение шерстяной пряжи, но дело это не приобрело развития и встречалось более как случайное. С 1850 года А. К. Крестовников действие своей красильни прекратил; это давало надежду на усиление работы у нас, но обстоятельства сложились иначе — им в то же время была начата постройка бумагопрядильной фабрики, а 26 ноября того же года он умер и, вскоре после его смерти, преемниками его было решено приступить к ликвидированию всего ткацкого дела; вследствие этого все существовавшие с ними сношения прекратились. В конце 1850 года было начато нами также крашение черных кашемировых платков; делом этим занимался тогда один П. В. Свешников; дело

это было недурное, только, конечно, ограниченное по размерам; тут давальцами явились, сверх Крестовниковых, новые лица, преимущественно украинские торговцы; но и в этом деле вскоре явилась конкуренция — работавшие суровый кашемир Маркины завели красильню и стали снабжать украинских торговцев, которым они поставляли суровье, окрашенным товаром. Далее, с 1855 года, мы стали красить также демикотон с отделкой его; последнюю составляла отколотка, производившаяся руками. Такой способ отделки казался нам, однако, неудовлетворительным, и нам пришла мысль поставить колотильную машину, чего для демикотона нигде употребляемо не было, хотя для миткаля это уже существовало. В то время в крашении миткаля первое место, как по изящности цветов, так и отделке, занимал Гук в С.-Пб., ему отдавался для крашения товар и московскими фабрикантами. С целью увидеть, как производится отколотка у Гука, я отправился в конце июля 1855 года в С.-Пб., но, пробывши там целую неделю, добраться до дела не мог, и лишь через посредство технологического института получил чертеж имевшейся у Гука колотильной машины. Механик шепелевских заводов Д. А. Шульгин вызвался тогда изготовить для нас такую машину, придумавши сделать тукмаки (служащие для колочения) из чугуна на железных скалках, а приводил машину в движение обыкновенным конным приводом в 2 лошади, с устройством, для регулирования равномерности движения, большого чугунного махового колеса; но машина эта, со всеми упомянутыми приспособлениями, оказалась, к сожалению, никуда негодной: железные скалки начали ломаться с первого раза, приведение в действие махового колеса требовало напрасно излишней силы и при обыкновенном конном приводе, было совершенно невозможным (для миткалевых колотилен, кроме Гука, где действовал паровой двигатель, употреблялись конные

приводы, стоявшие в наклонном положении, причем лошади шли по колесу и своею тяжестью приводили его в действие), поэтому маховое колесо пришлось снять тотчас же, а затем выбросить и все тукмаки, заменив их деревянными пестами, т. е. переделавши всю машину совершенно.

При таком состоянии дела, когда крашение, которым мы занимались, стало вообще в положение необеспеченное относительно постоянства работы, вследствие усилившейся конкуренции, имевшей, при ограниченности производства вообще, существенное значение, явилась мысль устроить собственное ткацкое дело. Обстоятельства же слагались в таком виде: Крестовниковы в 1853 году окончили свое мануфактурное дело и передали остатки для распродажи приказчику своему Ивану Влад. Шестакову, который торговал ими еще в нижегородских ярмарках 1854 и 1855 гг.; на ярмарку же 1856 года лавка была сдана ими работавшим суровый кашемир братьям Кокориным, начавшим в 1855 году отдавать нам в краску платки; а так как изделия Крестовниковых пользовались по качеству своему известностью и на них существовал определенный круг покупателей, то Кокорины расторговались в ярмарке черными платками в лучшем виде, несмотря даже на то, что работавшийся ими товар был низшего качества; это побудило нас начать с осени 1856 года выработку собственных кашемировых платков такого достоинства, какое имели крестовниковские, путем раздачи пряжи так называемым «даточникам» или «мастеркам», с устройством лишь дома клейки, выдачи в размотку и сновки; к концу 1856 года у нас появился первый свой товар (платки) и первым покупателем на него из иногородних в январе 1857 года был саратовский торговец Иван Герас. Кузнецов; несколько времени спустя мы стали работать тем же порядком и свой демикотон. Начиная с Нижегородской ярмарки 1857 года лавку Крестовниковых стали занимать уже мы, а затем она была

передана им нам совсем (за 1 500 руб.), и я бывал в ярмарке постоянно по своему делу до 1867 года включительно. Почти одновременно с начатием нами выработки своих черных платков, а именно в 1857 году, встретилось еще то, что арендовавший у нас корпус, выходящий на Полуярославский переулок, К. П. Шерышов, работавший полушелковый атлас, перевел фабрику в купленный им собственный дом, а так как товар шел у него хорошо, то и было решено предоставить заведовавшему его фабрикой И. С. Башкирову начать в небольшом объеме выработку такого товара от нашего имени в оставшемся свободном корпусе, для чего ему и был выдаваем потребный для работы материал (шелк и бумажная пряжа); но эта проба продолжалась недолго, так как сбывать товар этот представлялось затруднительным и предполагавшаяся польза при сбыте его каким-либо местным торговцам сокращалась до самого незначительного размера. К прекращению этого повело тем более то, что в начале 1858 года, когда крашение посторонних товаров у нас чрезвычайно сократилось, остававшись преимущественно для собственных черных платков и демикотона, арендовавший у нас постройки на заднем конце двора А. М. Штефко предложил нам завести с его участием набивку полушерстяных платков, бывших в то время в ходу, для чего корпус, занятый шелковым ткачеством, был необходим. Изъявивши согласие на такое предложение, мы приступили к осуществлению этого после Пасхи того же года, но, прежде нежели пришлось начать набивку, так как ей предшествовала резка манеров, требовавшая долгого времени, Штефко поступил в колористы на такую же фабрику к г. С. Васильеву (в Сыромятниках — ныне там Дом призрения бедных Г. И. Хлудова), и мы остались действовать собственными средствами, без каких-либо практических указаний относительно составления красок, равно как и требований покупателей. В конце 1859 года

для торговли этим товаром нами была снята палатка в зеркальном ряду (войдя в ряд с Ильинки первая на левой стороне, над лавкой Тулупова, выходившей на улицу), но по отсутствию знакомства с иногородними покупателями торговать для нас было очень затруднительно, тем более что в этом деле существовали фабриканты, имевшие большее производство с большим выбором рисунков и уже приспособленных покупателей, что для нас при новости дела и ограниченности его было невозможным, Поэтому палатка эта была не более как пристанищем, а не местом, способствовавшим для производства торговли. Ввиду этого после Нижегородской ярмарки 1860 года нами был приглашен для продажи товара состоявший приказчиком у Шелаевых Алексей Федор. Шерунов, и мы сняли палатку в ветошном ряду (в 1-м прясле от Ильинки на правой стороне), которую мы занимали до прекращения нами торговли набивным товаром. Выработка черных платков и демикотона поддерживалась нами до 1861 года; между тем набивное дело при существовании указанной конкуренции со стороны фабрикантов, имевших значительно большее (вдвое и втрое) производство, оставалось для нас чрезвычайно тяжелым, ибо мы не могли иметь постоянных первоклассных покупателей, и если они являлись, то это было более случайностью и притом в небольших размерах, тогда как при сбыте товара торговцам среднего сорта стали являться потери в долгах, и дело не могло приносить ожидавшейся пользы. Поэтому возникло вскоре сомнение в целесообразности его дальнейшего расширения, хотя в видах облегчения общих расходов последнее и оказывалось, необходимым. Так как с целью задуманного ранее увеличения набивного дела в 1863 году был нами построен двухэтажный корпус с холодным верхом для летней сушильни (холодный верх был обращен вскоре в теплое помещение), являвшийся

удовлетворительным фабричным помещением, а в то время представлялось выгодным прядение шерсти (выработка аппаратной пряжи), то было нами решено приняться за это дело, как имевшее местный сбыт солидным покупателям, и в 1864 году было приступлено к устройству его, а в следующем году начата и самая работа. При устройстве прядильни имелось уже в предположении не только не расширение набивного дела, а возможное его прекращение; случай же к этому представился тотчас же: в 1865 году А. М. Штефко решился начать с братом своим (Францем Матв., занимавшим должность колориста у А. П. Шелаева) собственное дело и открыть такую фабрику в Павловском Посаде, ввиду же того, что для начатия набивки требовалась заготовка манеров, на что было необходимо значительное время, хотя тогда уже вследствие введения и употребления отливки контур вместо набора их из латуни, оно и сократилось, — явилась возможность передать ему все наше обзаведение, с условием зарабатывать следующую за то сумму посредством отдачи ему в набивку сурового товара и вычета долга частями из причитающейся за набивку платы. В 1867 году в Нижегородской ярмарке дело было у нас уже совсем ничтожное, а в 1868 г. там производилась лишь распродажа оставшегося товара; затем на следующие ярмарки лавка была сдаваема для торговли другим лицам и, наконец, в 1871 году продана Козьме Емельян. Прохорову (за 6 000 руб.); в то же время была покончена торговля набивным товаром и в Москве.

Выработка аппаратной пряжи, хотя и устроенная у нас в небольшом размере, давала в первое время хорошую пользу: за пряденье оставалось от 10 до 12 руб. и даже более, но, как это всегда бывает, неумеренные выгоды привлекают к себе желающих воспользоваться ими; вскоре выработкой этой пряжи начали заниматься лица, имевшие суконные фабрики, кроме того, стали являться новые

фабриканты; наконец, некоторые из ткацких фабрикантов устроили у себя свое пряденье, тем более что последнее не требовало больших затрат, и результатом всего этого оказалось понижение цен настолько, что за обработку могло оставаться уже только 7 или даже 6 руб.; сверх всего этого прядильные фабрики возникли в Привислянском крае, тогда как в половине 1870-х годов тамошние ткацкие фабриканты были покупателями этой пряжи в Москве. Все эти обстоятельства, ввиду явившегося у нас иного занятия, а именно участия в Московском торговом банке и прикосновенных к нему делах Московского торгово-промышленного товарищества, привели нас к заключению прекратить его совершенно, тем более что, занимаясь делами торгового банка, я не имел уже времени посещать покупателей и проводить с ними время в трактирах, как это требовалось по примеру других. С Пасхи 1885 года фабрика была остановлена, а затем последовательно были распроданы ее принадлежности, и таким путем окончилось наше личное фабричное занятие, просуществовавшее, хотя и в различных видах, на одном месте в течение более 75 лет.

Теперь, когда прошло почти 18 лет после совершенного окончания нами последнего из перечисленных дел, стоит взглянуть на положение, в каком все эти дела находятся в настоящее время. Крашение бумажной пряжи не только крупными ткацкими фабрикантами, но и большинством средних, производится на их фабриках; выработка плиса и полубархата в встречавшемся прежде виде исчезла совершенно — на месте полубархата вырос какой-то «Манчестер» и «вельветин», неотличимый от бархата; крашение шерстяной пряжи существует теперь в незначительных размерах, давальцами же пряжи являются фабриканты средней руки и торговцы; демикотон если и производится, то фабрикантами, работающими коленкор и имеющими собственное крашение; черные кашемировые платки отошли в область

преданий; полушерстяные набивные шали переменили совершенно свой характер, заменившись шерстяными и бумажными, и остались предметом производства каких-нибудь 2, много 3, фабрик, и то при выработке других изделий; наконец выработка самой аппаратной шерстяной пряжи для сбыта ее ткацким фабрикантам при возникновении и усилении выработки тех товаров, для которых она употреблялась в Привислянском крае, и притом в более изящном виде, а затем при замене той пряжи во многих случаях вигоневою (работаемой из хлопка с ничтожною примесью шерсти, большею же частью даже без всякой такой примеси), совершенно утратила то значение, какое она имела в 1860-х и 70-х годах. Вот как может перемениться постановка всего дела за 50 лет, не говоря уже о том перевороте, который произошел за последнее 25-летие, когда для существования дел небольших потерялась всякая возможность.

Притом из лиц (разумея дома их), с которыми в течение всего сказанного времени пришлось иметь дела, осталось на виду самое ничтожное меньшинство, и то в большей части его — на других отраслях деятельности; большинство же исчезло из торгово-промышленного мира совершенно; такая же участь постигла и лиц, имевших однородные с нами производства.

Говоря о занятиях нашего рода, нельзя не упомянуть и о некоторых состоявших при них лицах. Так, в должности приказчиков были: в 1820-х годах и начале 1830-х — Иван Петр. Шерапов, пользовавшийся со стороны отца моего доверием; он умер в преклонном возрасте 18 сентября 1836 г. и погребен в Покровском монастыре; на могиле его поставлен нами в недавнее время памятник; с начала 1837 до средины 1839 года — Козьма Антон. Сумин, оставивший занятия вследствие некоторых недоразумений; в 1860-х годах — упомянутый выше А. Ф. Шерунов, вследствие неправильного образа жизни он давно уже находится

в не вполне нормальном состоянии и осенью минувшего 1902 года помещен в Солодовниковскую богадельню; ему теперь около 70 лет; затем означенный выше И. С. Башкиров (бывший приказчик Шерышева); он находился у нас при прядильной фабрике в течение последнего времени его жизни, окончившейся в августе 1886 года; погребен он на Пятницком кладбище; он был уроженец Курской губернии; тип хохла; чрезвычайно малого роста; был человек вполне добросовестный, но нелегко усваивавший себе то, что для него представлялось неизвестным; после него вдова его с детьми проживала у нас до смерти ее, последовавшей в 1901 году.

Наконец, остается сказать о жившем у нас в течение долгого времени (с весны 1814 до лета 1863 года) московском мещанине Садовой большой слободы Василии Ив. Ожогине; это был тип своего рода; отец его Иван Роман. был московским купцом, торговавшим в серебряном ряду; он происходил из переславль-залесских купцов и значился в московском купечестве по 1-й ревизии 1782 года, в 1797 же году перечислен уже, по расстройству дел в мещане; по ревизской сказке 5-й ревизии 1795 года (11 августа) Василий Ив. показан 3 лет; он был высокого роста, худощавый, имел вид угрюмый; в молодости, видимо, брился, но, как я его знал, он выстригал лишь изредка бороду тупыми ножницами; лицо у него было большей частью вымарано краской, что в особенности происходило от того, что он постоянно выпачканными в краске руками утирался и нюхал табак; он был человек вполне честный, но вследствие своей слабости не мог выйти на какое либо выделяющееся положение и в течение всего долговременного нахождения его у нас оставался в среде исполнявших всякие другие работы, из коих ему поручались, впрочем, некоторые требовавшие особого доверия; на него возлагалось обыкновенно сношение с канцеляриями местного

полицейского квартала и части (в том числе и поздравление с праздниками), а также хождение в существовавшую контору адресов; теплой одежды (меховой) он не носил никогда, несмотря на проявлявшиеся со стороны моего отца, в особенности в более позднее время его жизни, заботы о приобретении для него таковой; его постоянной одеждой была чуйка; головной наряд его составлял громадный картуз со свертком в нем оберточной бумаги, под который укладывалось все носимое в канцелярию квартала и контору адресов; в молодости он любил посещать театр (известный в то время актер Ожогин был с ним из одного рода); характера он был серьезного с некоторым юмором; но при веселом настроении (в кураже) он густым басом произносил многолетия (что составляло обычное явление), а также иногда пел арию из «Русалки»; я слышал от него, что во время нашествия французов он оставался в Москве и, когда было разрешено разбирать из казначейства медную монету, он забрал также один мешок, но, несши его на плече по Красной площади, был остановлен неприятельским солдатом, который заговорил с ним на неведомом ему языке и, не получивши ответа, ударил его по лицу и отнял ношу; в начале 1860-х годов он стал слепнуть, потерявши в 1863 году почти совершенно зрение, вследствие чего и был тогда помещен в состоящую при Московском мещанском училище богадельню, где 16 августа 1870 г. (в 1-м часу ночи) и умер. От отца, свидетеля происшествий 1812 года, приходилось в течение длинного ряда лет слышать многое об ужасах того времени. Он был близок к среде, интересовавшейся современным ходом дел; посещал греческую кофейную (находившуюся, сколько я помню из его рассказов, на Никольской ул.), где получались разные газеты, русские и иностранные, и куда собиралась молодежь для чтения их. К несчастному М. Н. Верещагину (жившему в доме отца,

против Симеона Столпника, на Николоямской ул., принадлежащем ныне поч. гр. Тюляеву) был он в самых близких отношениях; от Верещагина он имел и переведенное им воззвание Наполеона к князьям Рейнского союза, которое сжег тотчас же, как только услыхал об аресте Верещагина. Воззвание это я знал с малолетства, так как отец читал его на память, прежде нежели оно было где-либо напечатано. Никто из той среды, к которой принадлежал Верещагин, не мог, по словам отца, быть не только обвиняем, но даже и заподозреваем в какой-либо неблагонамеренности все были проникнуты преданностью к отечеству и враждой к Наполеону; отец был поклонником императора Александра I и с крайним негодованием отзывался как о Наполеоне, так и Ростопчине. Верещагин решился не выдавать почтдиректора Ключарева, от детей которого был получен номер газеты, содержавший это воззвание Наполеона, и исполнил это, приняв на себя заведомо ложную роль сочинителя его. Отступление русских войск возбуждало уныние в среде москвичей и порождало общее крайнее негодование против Барклая-де-Толли; но при назначении главнокомандующим Кутузова дух поднялся и явилась уверенность в русские силы; уверенность эта не упала даже и после Бородинского сражения, так как все, убеждаемые издававшимися Ростопчиным афишами, в которых возвещалось, что Москва де будет отдана без боя, ждали нового сражения на Поклонной горе. Когда даже стали ежедневно провозить через Москву раненных под Бородиным, а затем стали спешно проходить, направляясь чрез Яузский мост частью по Николоямской улице на Владимирскую дорогу, а частью через Таганку на Коломенскую, самые войска, подававшие всем совет уходить из Москвы и сообщавшие, что неприятель идет по пятам, тем не менее распространялся слух, что Кутузов ведет войска в обход неприятеля, каковому распространению способствовало в значительной

степени то, что ростопчинские афиши продолжали поддерживать проводившиеся в них дотоле мысли, а им придавалось значение. В таком колебательном состоянии все находились до 1 сентября; когда же сделалось известно, что снят полицейский караул, то все уже упали духом. При таком положении дела 2 сентября толпа явилась к дому, где жил Ростопчин (на Лубянке), и стала заявлять требование, чтобы он вел ее на Поклонную гору, как он обещал в издававшихся им афишах, и тогда-то он, вышедши к ней, велел, в видах личного спасения, вывести Верещагина и сказал: «Вот изменник, от которого Москва страдает, возьмите его, я сейчас приеду в генерал-губернаторский дом». По нанесении Верещагину нескольких ударов саблями толпа потащила его волоком на Тверскую; знакомый моему отцу квартальный поручик (так назывались помощники квартальных надзирателей), бывший в это время на дежурстве при генерал-губернаторском доме, говорил отцу, что, когда Верещагин был притащен на Тверскую, то было заметно, что он еще был жив. Отец не мог без слез рассказывать об этом.

Воззвания Ростопчина, постоянно повторявшиеся, имели то последствие, что большинство жителей Москвы, не веря в возможность вступления неприятеля, лишилось средств вывезти свое имущество. Что значат полицейские будочники (нынешние городовые), — говорил отец, — между тем какое влияние произвело снятие этого караула; едва успело это последовать, как явилось полное своеволие; не неприятели, а свои русские стали являться с различными требованиями — денег, вина и проч., и не стало возможным в том отказывать. Спешно пришлось принимать меры к удалению; все, что можно было захватить, было семейством отца уложено в тележку, металлическая посуда была брошена в имеющийся на дворе пруд, в который бросали разные металлические вещи даже и посторонние лица; некоторое имущество было зарыто на дворе и заложено

дровами; его не нашлось, однако впоследствии, вероятно, оно было вырыто своими (сведений о брошенном в пруд не осталось, хотя на моей памяти приходилось попадать багром в пруде на что-то металлическое).

Затем, 2 сентября, около 2 часов дня отец мой с его матерью, братом, сестрой и несколькими малолетними родственниками отправился по Стромынке — тогдашнему тракту на Владимир; «мы, благодарение Всемогущему (значится в записях отца), выехали или вышли из Москвы 2 сентября не более за час до входа неприятеля». Когда же они выбрались за Преображенскую заставу, то вспомнили, что дома была оставлена необходимая посуда; тогда брат моего отца, выпрягши лошадь, отправился на ней верхом домой, но, приехавши к своей квартире, он застал уже там французов, которые хотели его остановить и сделали по нем даже выстрелы, однако же он успел от них ускакать. Настолько скоро могли они проникнуть в местность, противоположную их вступлению и довольно отдаленную от центра.

По рассказам остававшихся, французы, нашедши принадлежавшие моему отцу книги, в числе которых были некоторые на французском языке, доискивались, кому они принадлежат, так как они забирали знающих этот язык в переводчики и проводники и чрезвычайно замучивали исполнением таких обязанностей.

Строение, в коем жил мой отец, вскоре сгорело; жар от горевших в окружности зданий был настолько силен, и в особенности, когда горел находившийся по другую сторону Земляного вала винный завод (на месте нынешнего сахаро-рафинадного завода, принадлежащего Московскому товариществу), что дед мой, остававшийся в Москве, укрывался от него, сидя по шею в пруде (не следует забывать, что это было в сентябре), после чего он проводил все время в землянке, сделанной на огороде, на противоположном берегу Яузы.

При прибытии в первый день выхода из Москвы на ночлег, — рассказывал отец, — появилось уже большое зарево — Москва загорелась; зарево было видно к вечеру и в несколько следующих дней путешествия. Во Владимир прибыли они, как значится в записях отца, 9 сентября, после чего, не встретив сочувствия в Батыеве со стороны бывших родственников, направились 25 того же месяца в село Поречье (Ростовского уезда) к одному знакомому, нанимавшему у Колосовых под огород береговую около пруда землю. Приехав туда 1 октября, пробыли там до начала рождественского поста (я помню — вдова того огородника Дарья Матвеевна в 1840-х годах, являвшись в Москву, всегда проживала у нас); оттуда перебрались они в сельцо Кутузово, из коего возвратились 19 марта 1813 г. в Москву и поселились в доме московского купца Петра Андр. Жирнова (по записям расходов дед принялся за дело в доме Жирнова в феврале 1813 г.), состоявшем в Сыромятниках, Рогожской части, 1-го квартала, и там прожили до 28 декабря 1816 г., а тогда переехали опять в дом Невежина (на занимаемое нами место).

От отца слышал я, что при выезде из Москвы у него было денег 1 000 руб. асс., которых достало на существование в течение всего сказанного времени и даже оказался еще остаток. За наем помещения в доме Жирнова, точно так же, как и в доме Невежина, платилось по 1 200 руб. асс. в год, при этом слышал я, что устройству дела после разорения значительное содействие было оказано неким Михаилом Вас. Холкиным; какое отношение имел он к отцу — я не знаю; известно лишь, что он был московским купцом, по книге 6-й ревизии 1811 года числился 23 лет, умер 14 марта 1821 г., погребен в Покровском монастыре, причем моим отцом был поставлен на могиле его памятник, который, к сожалению, бывшим там экономом Пименом, вместе со многими другими памятниками, снесен и, таким образом, следы места погребения утратились.

Отец рассказывал, что после пожара 1812 года расстояния между отдельными местностями города чрезвычайно сократились; от нашего места было возможным ходить в город (Китай-город) в прямом направлении, заботясь при этом лишь о том, чтобы не попасть где-либо в погреб или колодезь.

Мать моя была увезена на время нашествия неприятеля в Зарайск, где и пробыла в течение всего этого времени.

Слышал я, что в начале столетия (а может быть, уже и в конце предшествующего) в среде населения Москвы стало замечаться сильное ослабление религиозности, явно выражавшееся в незначительности числа присутствовавших в храмах при совершении церковных служб; но явилось тяжелое испытание 1812 года, и в духовном настроении населения произошла резкая перемена храмы, даже и по восстановлении разоренных, стали оказываться переполненными со стороны молящихся.

Упоминаемые мной выше соседи наши с северной стороны — почетные граждане Усачевы были торговцы чаем, занимавши в то время первое место в этой торговле, а московский купец Маклаков имел отбельное заведение бумажных тканей. Усачовы принадлежали к числу простых русских людей; отец мой помнил, что когда они, в раннее время их жизни, торговали фруктами, то сами на лотках (на голове) разносили проданный товар. Они жили в одном доме, в котором лицевую половину занимал старший брат, бывший и в торговом деле главным, вернее единственным, двигателем его, а половину, выходившую на двор, младший. Первый из них, Василий Николаевич, был женат 2-м браком на Марье Ивановне, от которой имел сына Козьму, ослепшего в раннем детском возрасте и вскоре после того умершего, и дочь Александру, вышедшую впоследствии в замужество за некоего Петра Петровича Куманина (носившего название «Pierre de Paris» и

окончившего свое житие в Вологде, куда он был выслан за его деяния); после ее смерти, последовавшей несколько лет назад, остались весьма значительные средства, поступившие на разные благотворительные дела (у Василия Николаевича была дочь от 1-го брака, давно умершая, которую я не знал). Василий Николаевич имел крутой характер, был известным в Москве лошадиным охотником; в конюшне его находилось до 30 дорогих лошадей. Младший брат Петр Николаевич был женат также 2-м браком на Надежде Фоминичне (она состояла прежде гувернанткой при его детях и была иностранного происхождения, хотя вероисповедания православного); как от нее, так и от 1-й жены у него было 2 сына и 5 дочерей. В противоположность старшему брату он был человек весьма простой, мягкого характера, страстный любитель сада, который был им устроен с систематической распланировкой, с образцовыми при нем оранжереями и поддерживаем в настолько выдающемся состоянии, что пользовался общею известностью и был посещаем даже посторонними лицами; сад при доме их существовал и ранее. По рассказам отца, во время владения землей этой Невежина в саду держались олени, что, вероятно, происходило оттого, что компаньоном Невежина в производившейся им торговле чаем был холмогорский купец Сорокин — уроженец севера; с садом этим был соединен по приобретении Усачевыми соседнего владения Маклакова и находившийся при этом владении большой густой сад, но последний оставался в диком неблагоустроенном виде; отличие его от главного сада ясно видно и теперь. Усачевы пользовались такой известностью, что даже самый Высокий мост со стороны простонародья назывался «усачевским» в предположении, что он был выстроен ими, так как первоначальное устройство его совпадало со временем постройки их дома; главное участие в постройке теплого Ильинского храма и отделке его при-

надлежало им (по тогдашним слухам, ими было употреблено на это до 200 тыс. руб. асс.); с 1839 года в течение 9 лет они занимали должность церковных старост; благолепие храма поддерживалось ими в это время лучшим образом. С домом Усачевых мы были в хороших отношениях; мать моя была весьма близка с Марьей Ивановной, доколе Василий Николаевич жил в этом доме (он выехал в купленный им на Маросейке дом в середине 1840-х годов); мне приходилось бывать там вместе с матерью, обстановка была богатая. Усачевы вели жизнь, считавшуюся по тому времени открытой; я помню, что день именин Петра Николаевича (12 июня) у них справлялся торжественно — бывало много гостей, в саду играл оркестр военной музыки, которая была слышна далеко и привлекала из окрестности народ, собиравшийся против нас на улице; все это кануло с его смертью. Старший сын его (от 1-го брака) Петр Петрович, встречавший притеснения со стороны мачехи при слабохарактерности отца, состоял в последнее перед смертью отца время на службе в Петербурге и лишь после того возвратился в Москву, где уже прожил до смерти, последовавшей лет 10 назад; он был высокого роста, в очках, носил бороду, что в то время не употреблялось, с членами своего семейства, как я слыхал лично, объяснялся на французском языке; до конца жизни он оставался холостым, устранялся от всякого общества, имел при себе только слугу и легавую собаку (хотя охотником не был); из доставшихся ему после отца средств скопил он, по слухам, через приобретение на большую сумму московско-рязанских акций, когда они имели совершенно низкую цену, весьма значительный капитал, который поступил после него надела благотворения; на его средства устроено какое-то богоугодное заведение в Сергиевском Посаде; он и погребен в Троице-Сергиевой лавре (прочие Усачевы похоронены в Новоспасском монастыре). Младший же

сын (от 2-го брака) Василии Петрович был женат, но неудачно, начинал небольшую торговлю чаем, которая, однако же, была неуспешной и скоро окончилась, имевшиеся средства иссякли незаметно, и он умер в весьма нестарых годах, находившись в крайне стесненном положении. Смертью их покончился род Усачевых в мужском поколении. Маклакова я вовсе не знал; где помещалась его отбельня также не помню; думаю, что она была внизу, на прилегавшем к нам месте, называвшемся впоследствии «петушиным двором»; промывка отбеленного товара производилась на Яузе с плота у Полуярославского моста, куда рабочие носили товар по улице; земля Маклакова состояла в Троицесыромятническом приходе, в котором остается задняя часть владения наследниц Хлудова и сейчас.

Перечисляя соседей, нельзя ограничиться только ближайшими, нелишне сказать и о других лицах, принадлежавших в прежнее время по одному с нами Ильинскому приходу. Приход имел тогда несколько иное против нынешнего значение; тогда между прихожанами существовала в некоторой степени общность относительно местных приходских интересов, утрачивающаяся в современном населении все более и более. Привожу то, что было на моей памяти до середины 1850-х годов.

Соседний с Усачевыми дом (ныне Орешникова) принадлежал подполковнице (говоря языком того времени) Екатерине Алекс. Матовой; это была старая вдова, барыня из мелкопоместных, с буклями, имевшая крепостную прислугу и ходившая в церковь в сопровождении лакея (в изношенной ливрее), притом в темное время года с фонарем для освещения пути; ее повар предоставлялся для обитателей нашего края устроителем стола в именинные дни и при других потребных в том случаях; кроме того, он занимался раскрашиванием лубочных картинок и потому во времена нашего детства от него были приобретаемы для нас рисо-

вальные кисточки, хотя употреблявшиеся им и были более пригодны для малярной работы, нежели для рисования.

Следующий затем дом (ныне Илышева) был какого-то чиновника Петрова, а потом Дмитрия Дмитр. Филимонова; он служил в Опекунском совете, жил вдвоем с женой; помню, что у него проживал временно еще молодым человеком шурин его Николай Вас. Калачев (бывший впоследствии сенатором).

Первый за Сыромятнической улицей дом (ныне Живаго) принадлежал тогда Лукутиным; они, происходивши из старинного купеческого рода, были в то время в упадке; Александр Сем. Лукутин состоял где-то на государственной службе, кажется, в Опекунском совете.

По другой стороне Садовой улицы прилегающий к входу на церковный монастырь дом (ныне Козлова) состоял во владении Василия Борис. Угрюмова; это был худой, чисто бритый старик, видом вполне соответствовавший его фамилии; во время начатия постройки нынешней теплой церкви он был церковным старостой; у него была молодая сравнительно с ним жена и, как я слыхал, он предоставил ей пользование домом и оставленными им средствами при условии, если она не вступит в замужество.

Земля от церкви до Садовой (ныне дома Козлова и Мыслина) составляла одно владение Григория Дав. Давыдова, занимавшегося кондитерским (называемым теперь официантским) промыслом; он был устроителем свадебных пирушек и похоронных обедов для нашего околотка и в течение 19 лет после Усачевых был церковным старостой.

Напротив его, на Воронцовской улице, 2-й от угла дом (ныне Моргунова) принадлежал княгине Екатерине Гавр. Бибарсовой (на углу земля, недавно прикупленная Моргуновым, была тогда в другом владении — ранее чиновницы Дмитриевой, а затем Марьи Александр. Мазуриной); Бибарсова, по рождению Жеребцова, была фрейлиной

Императрицы Марии Феодоровны; она, как известно, была в замужестве за А. А. Чесменским (побочным сыном графа Орлова-Чесменского), женившимся на ней от живой жены; когда же по Высочайшему повелению вследствие просьбы последней делу о таком вступлении Чесменского в брак дан был законный ход, она спешно вышла замуж (при жизни Чесменского) за некоего князя Якова Бибарса; я знал ее уже в преклонном возрасте, причем она была уже вдовой; она располагала хорошими средствами, приобретенными ею от Чесменского; ей принадлежал мышегский чугунный завод (в Калужской губернии); она постоянно посещала церковь, ездивши в карете на хороших лошадях, с ливрейным лакеем; выезжая в церковь, наряжалась в несколько одеяний, из которых была разоблачаема находившейся всегда при ней горничной; при доме ее имелась большая дворня; кроме того, при существовавшей тут же конторе жили и разные заводские служащие; она пользовалась в приходе большим почетом, держала себя весьма не гордо — по входе в церковь, помолившись, раскланивалась всегда, по прежнему обычаю, на обе стороны; в Светлое Воскресенье по окончании ранней обедни на паперти христосовалась с нищими; у нее проживал временно брат ее Харлампий Гавр. Жеребцов, проигравший в карты все состояние; после смерти ее вскоре все разрушилось.

Крайний в приходе по Воронцовской улице дом (ныне Чуркиной) принадлежал Дмитрию Ефим. Власову; он был крупный украинский торговец, имел большое семейство: 4 сыновей и, кажется, 8 дочерей; Власовы жили весьма весело; дети учились в Петропавловских училищах; сам он был знатоком церковных порядков и всегда пел на клиросе, хотя имел пренеприятный голос; дела его расстроились совершенно в 1849 году; в доме его проживал дядя его жены Дмитрий Дмитр. Свечников (которому ранее принадлежал этот дом), певший также старческим голосом на

клиросе и даже читавший Апостол; он был строгим блюстителем церковного устава.

Рядом 2-й от угла дом (ныне Волковой) был во владении Григория Вас. Бабашева, торговавшего также в Украине, жившего чрезвычайно скромно и скопившего таким путем хорошие по тому времени средства; он жил в маленьком одноэтажном каменном домике, который лишь перед самой смертью расширил и надстроил; у наследников его дела пришли в совершенный упадок.

По Введенскому переулку 2-й от угла дом (ныне Прохоровой) принадлежал Гаевским; это были какие-то дворяне, появлявшиеся в церкви только Великим постом для говенья.

Далее 4-й дом (ныне Елагиной) был во владении Ерофея Никиф. Малютина; дети его Павел и Александр Ероф. принадлежали к числу лиц образованных; он торговал красной бумажной пряжей и обладал весьма хорошими средствами.

Соседняя с ним земля (ныне 2 владения — Набиркина и Вонзблейна) была незастроенной на Введенский переулок, имевши лишь какие-то постройки в глубине двора; земля эта принадлежала, как значилось на воротах, «из дворян губернской секретарше Соколовой» и носила название «Соколиное гнездо»; тут жили разные жулики, которые, при делавшихся иногда облавах, наводняли партиями, перескакивая через заборы, прилегавшие соседние сады; сама владелица жила в другом принадлежавшем ей доме в Полуярославском переулке; муж ее, Тихон Ив. Соколов, занимался сочинением прошений; о нем говорилось, что он живет под именем умершего лица, так как он за какие-то деяния должен бы был находиться в странах более отдаленных; оба они, муж и жена, были в весьма почтенном возрасте, ходили всегда, летом и зимой, обвязанными и закутанными из опасения простудиться. 2-й дом на Дегтярном пер. (ныне Грибовых) принадлежал Ивану

Алекс. Воскресенскому; это был врач средней руки, практиковавший преимущественно в среде купечества.

Дом, прилегающий по тому же переулку к нашему владению на Покровском бульваре (ныне Васильевой), состоял за отцом нынешней владелицы Макаром Иван. Ларионовым, торговавшим ватой; это был невысокого роста, скупой, плешивый старик, которому по направлению нисколько не соответствует его наследница, допустившая при своем доме устройство пристанища для людей, не имеющих определенных занятий, в виде коечно-каморочных помещений.

Крестовниковы, которым принадлежал крайний из входящих в состав прихода дом (ныне наш), были издавна, как выше сказано, весьма близкими к нашему дому. Близость отца моего проявлялась в особенности к пережившему других братьев Александру Козьмичу, выражавшись в самых дружеских отношениях, поддерживавшихся без изменений в течение всего времени их жизни; Александр Козьм. отличался высшею добросовестностью; как я себя помню, отец мой отправлялся к нему постоянно каждый праздник после ранней обедни, с ним вместе бывал в городе и тем же порядком возвращался к полудню назад; смерть его, явившаяся неожиданно, произвела не только на отца, но и на всех нас крайне тяжелое впечатление, равносильное потере самого близкого родственника.

Остальные находящиеся в нашем приходе дома принадлежали в то время следующим лицам:

1) Крайний на Садовой к Сыромятнической ул. (ныне С.-Пб. страхового общества) — купцу Купферу.

2) Первый за. Сыромятническим пер. угольный дом (ныне Конькова) — чиновнице Михайловой, а следующий за ним (теперь соединенный с угольным в одно владение) — Кащеевой, муж которой был где-то квартальным надзирателем.

3) Следующее владение по Сыромятническому пер. (ныне Хуторева) — мещанке Масленниковой.

4) Дальнейший затем дом (ныне Молчановой) — купчихе Григорьевой.

5) Крайний в приходе на противоположной стороне Садовой ул. (ныне Евангелическо-лютеранской школы для бедных и сирот) — полк. Обухову.

6) Соседний с ним (ныне Минина) — купчихе Блохиной.

7) Угольный дом на Воронцовской ул. и Введенском пер., между Бабашевым и Гаевскими (ныне Мыслина) — мещанке Масловой.

8) Находящийся напротив его на другом углу (ныне Рахманова) — поч. гр. А. Ф. Рахмановой, пользовавшейся особым почетом у рогожских старообрядцев и называвшейся ими «адамант благочестия».

9) Соседний с ними дом (ныне Орловых) — купчихе Китаевой, а затем дворянину Книриму.

10) Следующий за ним (ныне Морозовых) — беспоповцу Елисею Савв. Морозову.

11) Находившийся между Гаевскими и Малютиным дом (ныне Бухгейма) — купцу Михайлову.

12) Угольный на Введенском и Дегтярном переулках дом (ныне Сырейщикова) — поч. гр. Ленгольду.

13) На Дегтярном пер. дома (ныне наследников Ясиной и Гальмана) — разным владельцам, переменявшимся весьма часто.

14) Угольный на Садовой ул. и Грузинском пер. (ныне отдельных 3 владельцев — Красавиной, Погребова и Емельяновых) мещанке Щегловой.

10) Находившийся позади владения Филимонова на Полуярославском пер. дом (ныне Мухина) — мещанке Ивановой, муж которой имел тут лаковое заведение, распространявшее смрад от варки масла.

Перечисляя прихожан, нельзя не упомянуть о поч. гражд. Михайле Ив. Косове, хотя и не состоявшем домовладельцем, но прожившем в приходе на одном месте,

до самой смерти, в течение 40 лет; он вел ранее крупную торговлю игольным товаром, отчего приобрел хорошие средства; я помню его в преклонном возрасте, когда он уже никаких торговых дел не имел; он был невысокого роста, гладко бритый, волосы на голове оставались у него в виде самого узкого бордюра; верхний костюм употреблял он своеобразный, носивши бессменно старомодную синюю шинель с капюшонами в несколько рядов; рассказывалось, что в молодости он постоянно посещал театр, когда играла известная в то время актриса Воробьева, в которую он был влюблен (хотя она его вовсе не знала), и, сидя в райке, плакал от умиления; он остался всю жизнь холостым, жил вдвоем с экономкой, занимавши весь верхний этаж в доме священника; жильцом представлялся он не только нетребовательным, но даже не допускавшим во все время найма каких-либо исправлений, а еще менее переделок; занимавшееся им помещение он предпочитал другим, в особенности потому, что из него был видим Симонов монастырь, на который он ежедневно, влезавши на стол, молился; после его смерти остался хороший капитал, из которого, сколько помнится, 30 тыс. руб. сер. поступили в пользу церкви.

Самый церковный причт в нашем приходе были тогда в следующем составе:

Настоятелем был с 1834 года священник Тимофей Ив. Постников; он был человек добрый, не мудрствовавший лукаво, старавшийся поддерживать со всеми мир и согласие, пользовавшийся любовью и уважением со стороны прихожан; пробыл он до смерти, последовавшей в 1854 году, оставив добрую память в среде духовных детей, которыми были тогда почти все прихожане.

Дьяконом был поступивший еще в 1792 году Федор Петр. Орлов; я помню его весьма древним; голос он имел старческий; по отсутствию зубов чтение его было крайне невнятно, в особенности относительно ектений, и притом более пространных, из которых удобопонятными являлись

лишь начала и окончания; он оставил службу в 1846 году, имевши около 80 лет от роду, и был заменен Иваном Федор. Селезневским — молодым человеком, имевшим слабый голос и умершим скоро от чахотки; на место последнего поступил тогда Иван Петр. Сокольский, обладавший весьма хорошим баритоном (он оставался до смерти, последовавшей в конце 1870-х годов).

Дьячком был вошедший в состав причта в 1707 году, первоначально в качестве пономаря, Федор Михайл. Птицын, бывший, как я его помню, в преклонном возрасте; он имел дрожащий грубый голос (бас) и оставался до конца 1840-х годов; после смерти место его перешло к подысканному в мужья для престарелой дочери его, который в средине 1850-х годов был устранен от должности.

Пономарское место занимал с 1823 года женатый на дочери того же Птицына Григорий Афанас. Малинин; это был тип старого причетника — высокого роста, весьма плотный, имевший смелый вид, густые бакенбарды, окаймлявшие довольно толстое лицо, и повязанную всегда белым платком шею; он обладал весьма хорошим голосом (тенором) и соблюдал должный порядок в службе, знавши церковный устав надлежащим образом; помню, как, при окончании ранней литургии в 1-й день Пасхи, он, с поднятыми на лоб очками, вооруженный ножом, в сопровождении мальчишки с крошней, отправлялся в холодную церковь на раздел принесенных для освящения пасх, куличей и яиц; начинал он с края — заносился нож чуть не на половину кулича или пасхи, но сзади протягивалась рука с откупным воздаянием, принявши которое, он проходил по очереди далее; там же, где откупа не давалось, он отхватывал крупную часть, отделял яиц и все это сваливалось в крошню; теперь это отошло уже здесь в область преданий.

Наконец принадлежность причта составлял так называемый трапезник, которым был (с 1833 года) всегда

улыбавшийся низенький старичок Тимофей Владимиров, очень искусно звонивший на колокольне и, вследствие того что он ранее, как говорили, занимался серебряным мастерством, имевший трясущуюся голову.

Продолжительность состояния на одном месте и в одной должности была присуща в прежнее время не только лицам, составлявшим церковный причт, для которых занятие места имело до некоторой степени наследственный характер, но до конца 1840-х годов она встречала большое применение и к службе в местной полиции; ближайшие к населению полицейские чины, начиная с квартальных надзирателей и кончая будочниками, оставались несменяемыми, исключая случаев личного стремления к переходу, что встречалось однако редко, или каких-либо казусных обстоятельств, в течение долгого времени на одном месте и таким путем приобретали оседлость, делаясь для местности непременною принадлежностью. Таким был и у нас квартальный надзиратель тит. сов. Егор Филип. Долгов, который заслуживает воспоминания. Это был по внешнему виду гоголевский городничий (каким последний изображается), но лишь иного свойства по его действиям; он был человек непритязательный, близкий к жизни местных обывателей, оберегавший их при всяких встречавшихся случайностях и потому пользовавшийся общим с их стороны расположением; он имел в Сыромятниках (в Сусальном пер.) небольшой домик, в котором и жил (владение это перешло впоследствии к дочерям его Голицынской и Картамышевой). Самые будочники проживали в существовавших для них помещениях (будках) вместе с семьями бессменно в течение ряда лет занимаясь в свободное время сподручными мастерствами, в особенности же теркой встречавшего тогда большое потребление нюхательного табаку, которым они снабжали невзыскательных местных обывателей.

О будочниках вообще и о результатах их деятельности можно здесь, кстати, сказать несколько слов (для этого не найдется другого места): они носили тогда одеяние из серого солдатского сукна и, стоявши у будок на карауле, имели в руках алебарды — оружие, подобное тому, с каким изображаются валеты на игральных картах; оружие это было уничтожено после коронации 1856 года вследствие, как тогда говорилось, юмористического отзыва о нем со стороны кого-то из бывших при коронации иностранных представителей; в ночное время будочники (если только они не дремали, что бывало далеко не всегда) окликали проезжающих словами «кто идет?» и мирные граждане давали ответ «обыватель», а военные — «солдат». За обшлагом самого одеяния они имели всегда при себе толстую бечевку и мел; производившим буйства или какие-либо беспорядки этой бечевкой связывались сзади за локти руки, а на спине изображался мелом круг с крестом, и таким образом связанные, так же как и подбиравшиеся на улицах пьяные, отправлялись в полицию (отводились, говоря современным языком, «в квартал»), а оттуда препровождались в так называвшуюся «сибирку» в местном полицейском частном доме или, как также выражалось, «на съезжем дворе»; на следующий день такие арестованные в награду за их деяния или были назначаемы на какие-либо внутренние при частном доме работы, как катать белье у частного пристава, набивать погреба льдом и т. п., или были выгоняемы с кругами на спине на чистку городских площадей, после чего им давался отпуск — коротко было и просто.

Бывало в праздники, на противоположном от нас берегу Яузы, устраивались стенки (т. е. кулачные бои), участвовавший в которых народ рассыпался в разные стороны при появлении еще издали полиции; переполох происходил в особенности, когда при этом оказывалось присутствие самого квартального; но тогда полиция держалась вообще

строго политики невмешательства в территориальном отношении и, если на противоположной стороне улицы, принадлежавшей к другому кварталу, учинялись какие-либо беспорядки, хотя бы угрожавшие опасностью, будочник оставался спокойным зрителем происходившего перед его глазами.

Завершаю первую часть воспоминаний моих краткими сведениями о быте нашем во время моего детства, юношества и вообще первой молодости, а также о некоторых современных тому происшествиях.

Раннейшее из сохраняемого мною в памяти относится ко времени, предшествующему 1810 году, ибо я помню время, когда у нас арендовал фабричное строение Корнеев (это было до апреля 1839 г.); помню, как старшие брат и сестра обучались еще дома, а брат поступил в училище 9 августа 1839 г., и как в 1-й день поступления его, вместе с посылкой ему обеда, я отправлялся к нему в училище (был несен рабочим на руках); помню приказчика нашего К. А. Сумина и его жену, выбывших 21 июня 1839 г.; помню рождение брата Александра 20 октября 1839 г.; помню, наконец, няньку мою Аксинью Ив. и смерть ее, последовавшую 8 декабря 1839 г.; таким образом, я могу утвердительно сказать, что мною сохранено в памяти кое что встреченное на 5-м году моей жизни.

Начну с того, что был я нрава задорного, отличался резвостью, чему содействовало то, что меня особенно баловали, хотя я повторю опять, что родители относились ко всем нам с одинаковой любовью. Старшие сестра и брат учились первоначально дома у некоего Ивана Вас. Колышкина; какими знаниями обладал он, не ведаю, но занимался он с ними также и первоначальным ознакомлением их с французским языком; помню, что он писал и рисовал весьма хорошо; он состоял после преподавателем в уездном училище в городе Богородске; затем сестра была от-

дана в находившийся недалеко от нас (против дома наследниц Хлудова) пансион Изабеллы Ив. Бельфельд; по перенесении же последнего в другое место была переведена она в Петропавловское женское училище, а брат поступил в такое же мужское. Я же никаких посторонних учителей не имел; обучала меня первоначально мать, так что на 4-м году от роду я читал свободно по-русски; после того я был подготовлен далее, в том числе обучаем и иностранным языкам при содействии сестры и брата, что продолжалось до поступления моего в то же училище 15 апреля 1844 г.

В раннем возрасте был я однажды болен, по тогдашнему определению, горячкой; продолжалась болезнь весьма долго; помню хорошо, как, когда меня нашли возможным спустить с кровати, я не мог стоять на ногах. Лечил меня занимавший долгое время должность частного врача (в Басманной части) Густав Ив. Гофман, который пользовал у нас в доме при всяких встречавшихся потребностях; он имел свой дом в Токмаковом переулке, перед смертью принял православие, вследствие принадлежности к православному вероисповеданию его жены, и назван Сергием; погребен он вместе с женой и дочерью в Покровском монастыре. Потом в 1841 году со мной случилось следующее происшествие: у нас в прежнее время всегда имелись козел и козы; козлят, бывало, употребляли мы в пищу, равно как пили и козье молоко; однажды (это было летом) я, бывши на дворе и побежавши от козла, упал на камень и переломил в правой руке, вблизи кисти, две кости; боль была ужасная; был приглашен костоправ Василий Александр. Нечаев (живший в Воробинском переулке, близ Серебрянических бань, в своем доме); рука была завязана в лубки и ежедневно, первоначально у нас дома, а затем в его квартире, была перевязываема с растиранием бобковой мазью; это продолжалось 40 дней, причем в течение

половины времени руку приходилось держать на подвязке; теперь могут удивляться существованию такого приема лечения, а тогда другого не было; самого названия «костоправ» теперь давно уже не встречается. С Нечаевым нашей семье пришлось иметь дело еще в другой раз — несколько позднее, когда мой младший брат Владимир, бывши лет трех, упал со стула и переломил ключицу; тогда действия Нечаева были неудачны и пришлось прибегнуть к другим мерам — обратиться к помощи Федора Ив. Черепахина. Жили мы всегда чрезвычайно скромно, избегая всяких излишних расходов; посторонних лиц у нас не бывало никогда; собирались лишь обедать запросто некоторые невзыскательные родственницы в дни именин отца и матери (30 августа и 6 февраля), в Ильин день и во вторые дни Пасхи и Рождества Христова; накануне именин матери всегда бывала у нас дома всенощная. Точно так же и родители наши ездили куда-либо весьма редко — если это бывало, то преимущественно при встречавшихся экстренных обстоятельствах; на Масленицу возили нас обыкновенно 2 раза в театр, большею частью в денные спектакли, что повторялось и на Святках, но более трех раз в год это не допускалось; несмотря на то, я имел случай видеть многое пользовавшееся тогда известностью — игру Мочалова, Щепкина, Бантышева и даже приезжавшего однажды в Москву Каратыгина. Мы имели всегда, на моей памяти, своих 2, а иногда 3, лошадей, которые употреблялись как для езды, так и для развозки товара; ранее при жизни дяди, как приходилось слышать, их бывало и более, так как он ездил парой на пристяжку; из экипажей у нас была также коляска и парные сани с запятками. И вот летом отправлялись мы, бывало, несколько (хотя очень не много) раз в Сокольники, в том числе на майское гулянье (тогда парка там еще не было), и в Петровский парк (в котором тогда был театр, а также летний ресторан, слывший под

названием «Воксал»); кроме того, ездили кататься на Святках, на Масленице и Пасхе под Новинское, а зимой иногда в воскресные дни — на набережную Москвы-реки; бывали мы иногда, что случалось не каждый год, в Останкине, Кузьминках и Кускове, а также в Дворцовом и Нескучном садах. У нас был кучер Никифор Афанасьев, ездивший с нами и возивший также товар; он жил у нас с 1825 года (ушел совсем в 1864 году); его знали все, с кем мы имели дело; помню, как сейчас, что когда он, сидя на козлах коляски, выезжал из сарая, то нагибался (настолько высоко было сиденье); то же делалось им и при проезде в ворота, у которых сверху была тогда перекладина; при выезде на парных санях, если в них помещалась моя мать с старшей сестрой, на запятках становился иногда старший брат мой; на мою долю доставалось это очень немного раз; бывало, также пускались мы вечером зимой проехаться по более оживленным улицам, как Кузнецкий Мост, Тверская и т. п., где встречалось большее освещение разных магазинов; можно себе представить, какое это было освещение в сравнении с нынешним, но и это было тогда интересным; для этого запрягалась лошадь в пошевни (большие лубочные сани, в которых возили товар), и в них засаживались мы всей нашей семей; летом делали мы, старший брат и я, вместе с отцом экскурсии пешком в разные местности Москвы, нередко довольно отдаленные; так, например, ходили смотреть, как закладывался фундамент для храма Спасителя и были возимы для того камни с пением оставшейся у меня в памяти песни: «как был у бабушки серый козел... был да ушел, ушел, ушел»; доходили иногда до Сокольников, до Дворцового сада и т. д. При таких путешествиях отец рассказывал о бывшем ранее в том или другом месте; так, помню я, что когда приходилось проходить по дороге мимо места нахождения теперь вокзала Николаевской железной дороги, то по направлению

к Крестовской заставе шло поле и только вдали была видна церковь Знамения Божией Матери; отец говорил, что на его памяти тут был полевой двор и производилась стрельба из мортир, для чего в дальнем конце около Камер-коллежского вала ставился, как мишень, бочонок на шесте; многое сообщалось им и относительно других местностей. Затем имелась у нас повозка (она была куплена дядей моим для путешествия в Киев), которая, кажется, цела и теперь, употреблялась она для ежегодных поездок в Троице-Сергиеву лавру, а также иногда и в какие-нибудь загородные местности (в последний раз в ней ездили мы в 1850 году в Царицыно, где ранее быть не приходилось); тогда она запрягалась тройкой, а при неимении 3 лошадей — парой, на пристяжку; такие путешествия, — не считая одного, в котором я участвовал, когда мы ходили пешком, а повозка сопровождала нас, — совершались таким образом: выправивши на поездку из местного квартала разрешительное свидетельство, выезжали мы часа в 3 утра, у заставы будили находившегося в кордегардии чина, которому предъявлялось то свидетельство, давался двугривенный на чай и, по получении дозволения, поднимался шлагбаум; в Больших Мытищах останавливались пить чай, а на полпути в Братовщине (а иногда далее в Талицах) — кормить лошадей; так как всегда считалось обязательным заезжать в Хотьков монастырь, то с Рахманова делался поворот на проселочную дорогу, которая после дождливой погоды бывала весьма дурна; лужи, вследствие глинистой почвы, оставались подолгу; рассказывалось тогда, что тут нарочно поддерживалась дурная дорога и что этим пользовались крестьяне соседнего помещика Калантарова, занимавшимся вытаскиванием за хорошую плату застрявших экипажей; насколько это верно — сказать трудно; в Хотькове служили панихиду по родителям преподобного Сергия, заходили потом к келье схимницы

Марфы Герасимовны, занимавшейся плетением кружев на коклюшках; говорили, что она не для всех открывала оконную форточку, так что некоторые не могли добиться объяснения с ней, и что если она кому-либо давала кружев, то это было предзнаменованием смерти; поэтому я боялся подходить к ней близко, хотя видел ее издали; затем направлялись в лавру, куда прибывали часов в 6 вечера; на следующий день, по отслушании ранней, а иногда и поздней литургии и молебна преподобному Сергию, пускались в обратный путь, но уже по прямому ярославскому тракту, на коем возле часовни, находящейся в 9 верстах от лавры, ели иногда блины, которые там пеклись, потом ехали до Пушкина, где давали некоторый отдых лошадям, и уже поздно возвращались в Москву. Удивительным может теперь показаться, что на выезд в Троицкую лавру требовалось разрешение полиции; но подобное встречалось и в других случаях -по открытии Николаевской железной дороги для получения билета в течение долгого времени требовалось предъявление паспорта, на который даже был налагаем штемпель для избегания выдачи одному лицу нескольких билетов.

С родителями мы жили, как я уже говорил выше, душа в душу; у нас не было чего-либо секретного от них; мы делили с ними и радости и всякие невзгоды, а последних встречалось более, нежели первых; мы звали их «папенька» и «маменька» и говорили им «вы» (отец мой, отзываясь о своих родителях, называл их «батюшка» и «матушка», брата — «большой», а сестру — «масёр»; мать же своих родителей звала одинаково с нами); во взаимных же отношениях между собою мы, братья и сестры, говорили младшие старшим — «вы», а старшие младшим — «ты», что сохранилось и до сих пор; при этом старшая сестра, видимо ради особого почета, называлась всеми «сестрица», а остальные — уменьшительными именами.

О состоянии моем в училище много изложено довольно подробно в моих «воспоминаниях»; прибавлю лишь, что я принадлежал там к числу самых смирных учеников и не подвергался никогда никаким наказаниям.

Старший брат мой, по выходе из училища (он оставался в высшем классе не один год в видах большего приобретения знаний, при встречавшемся разнообразности преподавания в одном году в сравнении с другим), с осени 1846 года принялся за занятия, вместе с отцом, в красильне, продолжавшиеся до Пасхи 1849 года, когда явилось обстоятельство, изменившее такое положение. Этот промежуток времени оставил в памяти тяжелые, как лично к нам относившиеся, так и общие, воспоминания. В конце 1847 года заболел мой отец; болезнь, признававшаяся тогда горячкой, возобновлялась у него после некоторого поправления и даже выхода наружу два раза, в последний из них она выразилась в самом тяжелом виде, так что терялась всякая надежда на выздоровление; все мы были в страшном унынии; мать, горячо любившая отца и потому пораженная ужасно таким его состоянием, не отходила от него ни днем, ни ночью, не смыкая почти глаз (нас было шестеро и старшему брату не было еще 17 лет, а мать была к тому же беременной; самая работа в красильне, ввиду слухов о тяжелой болезни отца и малолетства детей, стала приостанавливаться); болезнь же отца до полного поправления продолжалась более 1 ½ месяца. При таком положении обстоятельств был один из неразъяснимых в обыкновенном порядке случаев, своевременно замеченный и заслуживающий занесения в настоящие воспоминания. Когда однажды мать моя, бывши в самом удрученном состоянии и долго молившись, вышла в соседнюю комнату и, севши на кресло, задремала, то ей представилось, что к ней подошел какой-то старый человек и сказал ей так (что она ясно помнила): «не плачь, он (т. е. отец) не умрет, ты проживешь с ним 2 000 дней»; но коли-

чество точно она припомнить не могла; помнила лишь, что говорилось о 2 тысячах; она тотчас же очнулась; об этом она передала тогда же нам, и мною это было записано в памятную книжку (находящуюся у меня в целости), а было это ночью с 7-го на 8-е января 1848 года. Со страхом ждал я приближения 2000-го дня, который наступал с 29-го на 30-е июня 1853 года, когда в Москве была холера, хотя и не в сильной степени; но этот день миновал и все это некоторым образом забылось; между тем что же обнаружилось, когда скончалась моя мать (в ночь с 11-го на 12-е ноября 1854 года), тогда пришлось увидать, что смерть ее последовала ровно через 2 500 дней после того, как она видела приведенный выше сон; она помнила тогда и передала буквально слышанное ею, что она проживет с отцом; помнила что речь шла о двух (а не скольких иных) тысячах, но не могла припомнить этого более подробно, и вот явилось круглое число дней ее жизни после того времени; можно поэтому сказать только то, что существует многое неразрешимое умом человеческим, что приписывается часто случайности, тогда как в таких проявлениях кроется нечто иное, нам неведомое.

Страшным, но уже не для нас одних, а для всех, был затем 1848 год; еще накануне его — в конце лета 1847 года пошли слухи о появлении в нижних приволжских губерниях идущей из Персии холеры; люди, пережившие время свирепствования ее в 1830 году, не без страха относились к получавшимся известиям и рассказывали об ужасах существовавшего положения, когда заболевших забирали насильно из квартир и увозили в холерные больницы, а умерших заливали известью и хоронили в закрытых гробах; осенью она не замедлила показаться и в Москве; стали приниматься различные меры предосторожности и, хотя она начала проявляться, притом в значительной части случаев со смертельными исходами, тем не менее

с наступившими морозами она стихла совершенно, и думалось, что все уже кончено. Между тем в конце весны она нежданно появилась, разразившись уже со страшной силой; смертельные исходы заболеваний, при чрезвычайной краткости течения болезни, стали оказываться преобладающим явлением; борьба была бессильной. Паника сделалась общей; несмотря на тогдашнюю несравненно меньшую против нынешней густоту населения, последствия болезни обнаруживались на каждом шагу; выхода со двора невозможно было обойтись, чтобы не встретить нескольких покойников; по пути и там и сям видны были в домах следы смерти; ежедневно получались сведения о смерти кого-либо из родственников, соседей, знакомых или вообще известных лиц; во всех церквах были совершаемы молебствия, для которых в некоторых случаях жители нескольких приходов соединялись вместе, после чего с иконами были обходимы все дворы, это происходило, как я думаю, в самом конце мая или первых числах июня, так как помню, что это было перед окончанием ученья, а для меня это был в училище последний год; только на помощь Божию была надежда при существовавшем отчаянном положении, и вот, как помню, в июле массы молящихся стали стекаться в церковь Николая Чуд. в Хамовниках на поклонение прославленной тогда чудотворениями иконе Божией Матери «Споручницы грешным»; только в августе болезнь начала стихать и осенью прекратилась совершенно.

Вышедши в 1848 году из училища, я занялся дальнейшим изучением английского языка у преподавателя Штейнгауза, с которым у меня велся взаимный расчет, заключавшийся в том, что плату за каждый данный мне часовой урок в 2 р. 50 коп. асс. я покрывал отчасти, переводя для него на русский язык, за ту же плату, с писанного им листа составленные им на немецком купеческую арифметику и бухгалтерию и переписывая переведенное набело

по 52 ½ коп. асс. (15 коп. сер.) за лист; занятия эти английским языком продолжались и в следующем 1819 году; кроме того, я продолжал по возможности изучение и некоторых других предметов, не входивших в курс преподавания в училище.

Так как я окончил курс в училище хорошим учеником и был достаточно освоен с иностранными языками, в особенности с немецким, то существовавшая относительно дальнейшего направления моего мысль заключалась в помещении меня в какую-либо, конечно хорошую, иностранную контору; мысль эта поддерживалась и Штейнгаузом, обещавшим похлопотать об устройстве меня в конторе известного тогда дома «Ценкер и Колли»; но такая попытка не имела успеха; из родственников наших, имевших сношения со здешними иностранными домами и выразивших желание оказать содействие в этом деле, П. И. Сорокоумовский обращался к преемникам Глогау — Иордану и Кинену; но результат был отрицательный — мест нет; В. А. Ганешин объяснялся по этому предмету с доверенным Альберта Гр. Марка — Мих. Як. Яковлевым (пасынком упоминаемой мною выше Е. А. Яковлевой), но ответ был такой, что он представляется при делах Марка единственным русским (к тому же только при торговле) и что нет примеров, чтобы русские были принимаемы в контору. Далее Штейнгауз передавал мне, что следовало бы узнать у Вогау, у которого, по имеющимся сведениям, можно получить место; между тем по справкам оказалось, что это дело почти вовсе неизвестное, а потому поступление туда не могло быть интересным; наконец, он указал на возможность поступить в маклерскую контору Юлия Федор. Шульца, где, по его мнению, представлялось средство познакомиться с разными лицами; но такое предложение было совершенно несоответственным цели. Какие же обязанности предстояло исполнять в такой конторе — разносить повестки, что ныне делают рассыльные,

или, что хуже того, отворять и затворять двери для приходящих в контору? Шульц был маклером государственного банка и нотариусом, тут затрагивалось уже самолюбие, а время между тем проходило, и существовавшее самомнение подрывалось и падало.

Прежде чем перейти к изложению дальнейшего, совершившего переворот в моем положении, приходится невольно взглянуть на перемену, произошедшую в том, что тогда представлялось идеальным и что признавалось малозначительным; где те дома, которые считались в сказанном отношении первенствующими? Марк погиб, Ценкер стушевался, Иордан и Кинен уехали за границу; остался Колли, но вовсе не в виде иностранной конторы; что же, наоборот, стало из неизвестного почти тогда; дома Вогау? — о Кнопе в то время еще совсем не было и помина: он был приказчиком — вот полувековой результат.

А обстоятельство, изменившее весь строй, было таково: после Пасхи 1849 года заболел состоявший при амбаре Ганешиных приказчик Андрей Тим. Грищенко (надобно заметить, что, не смотря на значительность их дела, у них при торговле был только один приказчик и 2 артельщика — настолько экономно велось в то время дело); вследствие этого В. А. Ганешин обратился к моему отцу с просьбой отпустить моего старшего брата на время болезни Грищенко для исполнения его обязанностей. Интересовавшись воспользоваться случаем к ознакомлению с ведением дел, принадлежавших к другой совершенно области против тех, которыми занимались мы, ввиду того что красильное дело, как мною было сказано выше, стало тогда значительно падать, на отпуск брата было изъявлено согласие, и он 20 апреля приступил к сказанным временным занятиям, вследствие чего мне, продолжавшему еще некоторым образом учиться, пришлось в то же время заняться временно вместо брата своим делом. Но Грищенко,

проболев месяца 2 или 3, умер, и брат мой остался у Ганешиных; 15 января 1850 г. он перебрался на жительство в их дом на Девичьем поле (помню, с какой грустью проводил я его, не расставаясь ранее никогда). С Пасхи того года, вследствие перевода бухгалтера их главной конторы С. И. Макарова на такую же должность в контору, состоявшую при фабрике, на брата, сверх занятий в городском амбаре, было возложено и ведение главных торговых книг (иначе говоря — исполнение обязанностей главного бухгалтера, хотя помощников в конторе, как и в амбаре, никаких не существовало); затем после смерти В. А. Ганешина (в 1866 году) он вступил в дело участником, а с преобразованием торгового дома в товарищество на паях сделался директором. Таким образом, поступивши для временных занятий, брат пробыл при делах Ганешиных в течение 40 лет до их прекращения, проживши при этом на Девичьем поле до 1864 года.

Сказанная происшедшая в 1849 году метаморфоза изменила совершенно мое положение; о поступлении моем куда-либо была уже отложена всякая забота, и я остался неожиданно при своем деле — исполнять то, что лежало на обязанности брата.

Вначале все мои действия ограничивались занятиями дома; но в 1851 году я приступил к установлению личного знакомства с давальцами — лицами, с которыми мы имели дело, направившись 8 мая того года в первый раз в городские ряды и начавши затем посещать но утрам также разные фабричные конторы, в которые, по отдаленности их от нас, я путешествовал большею частью на возах с отправляемой пряжей; далеко не интересным было такое занятие — представлялось необходимым заискивать расположение различных приказчиков, от которых всегда зависело многое, а оно могло быть приобретаемо средствами, к которым я прибегать не мог, тогда как в то время красильное дело находилось в значительной части случаев в руках люда

серого, совершенно близкого по его внутренней обстановке к приказчичьему миру; к этому надобно прибавить, что и большинство самих хозяев, с которыми приходилось иметь дело, принадлежало к той же среде, которой поэтому была вполне сродни та же обстановка; притом оно относилось преимущественно к среде раскольничьей, державшейся тогда весьма замкнуто и обособленно, где свои единомышленники, занимавшиеся крашением (а их было достаточно), пользовались видимым предпочтением; непрерывное хождение по трактирам с хозяевами и приказчиками, с выхода в город после полудня до самого закрытия лавок, а иногда и после того, было обычным явлением (закрытие лавок называлось всегда «заборкой»; запирать лавку — «забираться», а происходило это оттого, что ранее лавки не затворялись дверями, а забирались отдельными досками; такая система, относительно мелких помещений, называемых шкафчиками, существовала еще весьма недавно; приведенные же выражения остались и при введении дверных затворов); указанное выше состояние не могло, конечно, вызывать сочувствия к нему и потому являлось стремление к перемене занятий; но без знакомства с другими видами промышленной деятельности прибегнуть к чему-либо было для нас крайне трудно.

Младшие братья мои, по окончании учения, занимались при старшем брате, в амбаре Ганешиных (на правах вольных практиков, т. е. безвозмездно) — Александр Александрович в течение 3 лет до 1858 года, а Владимир Александрович, после него, в течение года; затем первый из них находился при своем фабричном деле до его совершенного прекращения и притом во время существования у нас набивного производства исполнял обязанности колориста, а последний со времени открытия нами лавки был до конца своей жизни при торговле. Время, следовавшее за начатием мною занятий при своем деле, было переполнено как грустными события-

ми, до нас лично относившимися, так и чрезвычайно тяжелыми обстоятельствами, имевшими общее значение.

В ноябре 1850 года, как мною уже было выше сказано, последовала смерть Александра Козьмича Крестовникова, отразившаяся на нас крайне удручающим образом.

Затем, в апреле 1852 года, явилась неожиданно тяжелая болезнь старшей сестры моей А. А. Бахрушиной, происшедшая вследствие простуды после родов; болезнь эта, принявши крайне серьезный характер (в течение более месяца существовало умопомешательство), при существовавших между нами самых близких сердечных отношениях, поразила нас всех до чрезвычайности, а для матери нашей, остававшейся при сестре безотлучно во все время болезни, имела, по заключению врачей, те роковые последствия, которые свели ее в могилу.

Безмерно тяжким было горе, испытывавшееся нами при следовавшей за этим в течение 2 ½ лет болезни матери; тягость его ощущалась уже в самом начале, когда известным в то время доктором Е. И. Иноземцевым было выражено о необходимости производства операции (но невозможности исполнения этого ввиду существования тогда холерной эпидемии); тем не менее тогда являлась еще надежда на устранение болезни принимавшимися иными средствами; когда же стал ясно обнаруживаться род ее — рак (мать всегда боялась ужасно этой болезни ранее, когда слышала о проявлении ее у кого-либо), то надежда стала слабеть и пришлось хвататься за всякие предлагавшиеся меры; так, вспоминаю одну из позднейших — только что изобретенное в то время за границей лечение Ландольфи, страшное по причиняемой боли, представлявшее собой операцию, совершаемую химическим путем; ужасно было при этом видеть, что все предпринимавшееся оказывалось совершенно безрезультатным.

Приступая затем к перечислению тяжелых обстоятельств, имевших общее значение, нельзя прежде всего пройти

молчанием совпадавшее с рассматриваемым временем господствование в Москве военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского, равно как одновременно с тем — в 1850 году издание нового таможенного тарифа, облегчившего значительно доступ изделиям иностранного производства.

Старожилам московским хорошо памятно то нелегкое для Москвы время, когда после долгого управления столицей благодушного князя Д. В. Голицына, слывшего в последние годы при разговоре о нем просто под названием «светлейший», и состояния, хотя и кратковременного, в той же должности также весьма добросердечного князя А. Г. Щербатова, правителем Москвы был назначен знаменитый граф А. А. Закревский. С первыми появившимися слухами о таком назначении вспомнился известный многим образ действий его в бытность министром внутренних дел, когда им, как говорилось, был подвергнут телесному наказанию один из городских голов, пошли толки о предстоящей грозе, которые и не замедлили подтвердиться тотчас же по вступлении его в новую должность. Граф Закревский был прислан, как сообщалось, для того, чтобы «подтянуть» Москву. Но если это было даже и так, то в каком отношении могло это требоваться в 1810-х годах? Закревский, видимо, принял это во всей широте такого выражения. Первое, на что он обратил свой натиск, были старообрядцы и купечество, из последнего в особенности фабриканты и заводчики — одним словом, люди, в то время более нежели далекие от чего-либо имеющего политическое значение. Страх в этой среде сделался общим; каждый, пользовавшийся мало-мальски известностью, ждал ежечасно, что явится казак (как это тогда делалось) с вызовом по какому-либо доносу или жалобе на суд графа; образовалось повсюду шпионство; власть полиции усилилась — квартальные надзиратели стали, под разными

предлогами, чаще и чаще обходить дворы, в особенности такие, где помещались фабричные заведения, и собирать дань; выработалась каста привилегированных ходатаев, имевших доступ к генерал-губернаторскому управлению; из среды близких к графу людей явились посредники, занявшиеся ловлей рыбы в мутной воде; рабочему народу была дана возможность являться со всякими жалобами на хозяев прямо в генерал-губернаторскую канцелярию; вследствие этого в среде рабочих возникло возбуждение и они при всяких недоразумениях, ранее прекращавшихся домашним образом, стали обращаться к хозяевам с угрозами, что пойдут жаловаться «граху» (как они называли Закревского); престиж хозяйской власти был поколеблен совершенно, а всевозможным доносам и жалобам не было и конца; вызовы на личную расправу стали делаться и на утро и на вечер, при этом вызванным нередко приходилось по 5, 6 часов дожидаться со страхом решения своей участи, не зная даже повода, послужившего к вызову. Внушавшийся страх усиливался тем более господствовавшими слухами, что Закревский был снабжен бланками и потому мог принимать небывалые репрессивные меры; такие слухи находили для себя подкрепление в произведенной им внезапно высылке сына торговца Эйхеля (молодого человека) в Колу за учиненный им в немецком клубе беспорядок, заключавшийся в посыпке чемерицей пола в танцевальном зале. Хотя образ действий Закревского и стал впоследствии несколько мягче, в особенности с наступлением нового царствования, тем не менее присущий ему деспотизм находил постоянное место для своего проявления.

Дерзость в обращении с являвшимися к Закревскому лицами была отличительной чертой в его действиях; с лицами купеческого сословия он вел разговор обыкновенно на «ты» (я помню поэтому, что когда отцу моему пришлось,

вскоре по выходе Закревского, подавать прошение заменившему его графу С. Г. Строганову, то отец, передавая о деликатности в обращении, указывал на то, что гр. Строганов говорил на «вы»). Требование унизительного раболепства, оскорбительного для каждого порядочного человека, не находило границ; в подававшихся прошениях, требовавших удовлетворения в силу закона, писалось об оказании «особой милости», «начальнического милостивого внимания» и т. п.; выражалось постоянно гнусное подобострастие; недоставало лишь, наподобие употреблявшегося в давно прошедшее время, наименования себя полуименами, с эпитетами «холопов», «людишек» и др. такого рода. Закревский был тип какого-то азиатского хана или китайского наместника, самодурству и властолюбию его не было меры; он не терпел, если кто-либо ссылался на закон, с которым не согласовались его распоряжения. «Я — закон», говорил он в подобных случаях, и это выслушивалось не одним каким-либо лицом и неоднократно, а многими и при разных обстоятельствах. Отношение Закревского к дворянству и различным привилегированным корпорациям мне из личного опыта не было известно; не стану касаться и отношений его к старообрядцам по незнанию их в подробностях; я ограничусь лишь сообщением материалов для характеристики того времени на основании сведений из купеческого быта.

В то время городских учреждений, подобных нынешним, не существовало; во многих случаях исполняемое ныне городом отправлялось тогда купеческим обществом, средства которого были, однако же, весьма ограниченны; доходы с имуществ были крайне незначительны; при являвшихся пожертвованиях, в которых встречалась потребность в силу чрезвычайных обстоятельств, их не доставало на покрытие текущих расходов по делам призрения и образования; в 1848 году, по случаю холеры, венгерской войны и др. причин, вызывавших расходы со стороны

купечества, оно было вынуждено прибегнуть даже к установлению на 3 года особого сбора, тем более что Закревский тотчас по вступлении своем начал «в сильных выражениях» (так значится в приговоре уполномоченных московского купеческого общества) изъявлять городскому голове негодование свое на недостаточность употребляемых купечеством (добровольно жертвуемых!) средств на сказанные надобности и, таким образом, новые расходы возникали беспрестанно.

Для получения подробных сведений относительно занятия отдельными лицами более выдающегося положения в среде купечества и обладания более значительными средствами он взял орудием письмоводителя купеческого отделения Дома градского общества (нынешней Купеческой управы) Вас. Гр. Некрасова, состоявшего там на службе в течение долгого времени и потому знавшего точно быт купечества. Некрасов, находясь на службе у купеческого общества, явился тогда, помимо этого, соглядатаем от генерал-губернатора за всем происходившим в среде купечества; несколько лет спустя он перешел совсем на службу в генерал-губернаторское управление.

С 1819 года в городские головы вступил поч. гражд. Клавдий Афанасьевич Кирьяков, человек развитой, получивший приличное по тогдашнему времени образование. Закревский, не удовольствовавшись теми пожертвованиями, которые купечеству приходилось делать то на тот, то на другой предмет, вызвал однажды голову и поручил ему предложить обществу сделать пожертвование на устройство богадельни для увечных воинов (нынешний Измайловской). Кирьяков заявил об этом собранию уполномоченных; но средства и без того были уже исчерпаны; уже на покрытие сделанных расходов только что был установлен помянутый выше сбор, и от нового пожертвования пришлось отклониться; между тем в среде уполномоченных нашлись лица,

которые отчасти из несочувствия к Кирьякову, отчасти из желания выслужиться, довели через образовавшихся посредников до сведения графа, что они были бы не прочь сделать от себя лично пожертвование на богадельню. Тогда Закревский начал вызывать к себе купцов, начиная с более крупных (подробные сведения о них он, как выше сказано, получал от Некрасова); первым вызванным, принятым им лично, он объявил о необходимости устроить богадельню для раненых. «Я обращался, — сказал он им, — к вашему голове; но он донес мне, что купечество на это не согласно; между тем некоторые из вас выразили мне готовность сделать пожертвование; приятно вам будет, если по городу будут ходить калеки и просить милостыню; не нашли вы никого выбрать в головы, как такого дурака». «Подписывайте!» прибавил он, указывая на изготовленный для того лист и уходя. Надобно было подчиниться такому приказу, и подписка пошла. В дальнейшем она производилась уже в его канцелярии; при этом для купцов высших гильдий (тогда было 3 гильдии) была определена норма, ниже которой нельзя было подписывать (добровольно!), иначе угрожал ось доложить о том графу, и, конечно, для избежания такой чести каждый отдавал требуемое, хотя бы это и было для него трудно. Я помню передававшееся относительно принадлежавшего ко 2-й гильдии купца П. В. Лукутина, который по вызове его в канцелярию Закревского вознамерился, было, подписать меньшую против определенной сумму — кажется, 25 руб.; тогда управляющий канцелярией объявил ему, что этого принять нельзя; когда же он объяснил что пожертвовать более для него затруднительно (не надобно забывать, что тогда 25 руб. представляли далеко не то, что они значат теперь), то ему было сказано, что если он человек бедный, то не только может ничего не подписывать, но даже получить пособие. Вот до какой дерзости доходили по примеру Закревского его

подчиненные! Купцов 3-й гильдии избавили от явки туда, они были вызываемы для приношения пожертвовании в существовавшее тогда купеческое отделение Дома градского общества; являться сюда было легче, так как тут собирали деньги лица, выбранные из купечества. Кирьяков тогда же вынужденным нашел оставить службу.

Впоследствии, когда было введено новое положение об общественном управлении 1862 года и было избрано по 100 выборных от каждого сословия, К. Л. Кирьяков вышел старшим по баллам в среде выборных от купечества, бывши избран почти единогласно; но он тотчас же отказался от этого избрания.

Конечно, не в таком виде представлял Закревский Государю о сделанном купечеством добровольном (?) пожертвовании, так как за него была объявлена Высочайшая благодарность.

Грубое обращение Закревского с купечеством не прекращалось почти до последнего времени его управления. Так, даже после коронования покойного Государя Императора Александра Николаевича, когда купечеством было изъявлено желание сделать в экзерциргаузе угощение войскам, прибывшим на коронацию, и для того были назначены из среды купечества распорядители в помощь городскому голове, которым был тогда Алексей Иванович Колесов, Закревский, явившись туда и увидевши последних, обратился к ним (хозяевам) с вопросом: «Вам что здесь нужно?», получивши же ответ, что это — назначенные распорядители, крикнул: «Вон отсюда!», оставивши лишь одного городского голову. Пришлось им тогда путешествовать пешком в мундирах до отыскания экипажей или найма извозчиков, которых, ни тех, ни других, поблизости не находилось.

По сообщавшимся тогда сведениям, сказанный поступок Закревского сделался известным Государю и к обеденному столу во дворце, к которому были приглашены

представители купечества, Закревский приглашен не был. Возможностью же к доведению о том до сведения Государя, как тогда передавалось, послужил следующий случай: на бывшем во дворце балу один из иностранных представителей, прибывших к присутствованию при короновании, упал и повредил при этом ногу, для лечения его был приглашен Федор Ив. Черепахин (московский купец, фабрикант, в то же время состоявший костоправом императорских театров), который был в числе изгнанных из экзерциргауза распорядителей и потому воспользовавшийся случаем передать кому следует о сказанном поступке Закревского.

Относительно фабрик Закревский с самого начала его вступления стал принимать различные стесняющие производство меры, приводя в основание их устранение наплыва в Москву рабочего люда, сокращение потребления дров и воспрепятствование порче воды и воздуха; в этом направлении он на первых же порах сделал распоряжение о немедленном уничтожении имевшихся на реках плотов, без которых в то время фабрики набивные и красильные существовать вовсе не могли. Помню, что когда фабриканты, имевшие при их заведениях плоты на Москве-реке в Хамовнической части, явились к нему с просьбой по этому предмету (я слышал это от участвовавшего в том В. А. Ганешина), то он, не давши объясниться, крикнул на них: «Что же вы хотите, чтоб вам позволили морить народ? Я не позволю». И когда некоторые из явившихся, указывая на невозможность при уничтожении плотов существования их фабрик, обратились к нему с просьбой о дозволении утруждать ходатайством о том Государя Императора, то он, не слушая их, с тем же азартом продолжал: «я не позволю, не позволю»; между тем, по сделанному ему внушению свыше, приведение такой крутой меры в исполнение было отсрочено официально

на год, а затем оставлено негласно совершенно; тут, как было слышно, помогали до некоторой степени бывший гражданским губернатором Иван Григорьевич Сенявин, не разделявший образа действий Закревского и имевший случай сообщать об его резких выходках в С.-Петербург. Далее Закревским были введены крайние стеснения к передаче заведений от одного лица другому, даже незначительных по объему и действовавших посредством ручной работы. Распоряжения его такого рода коснулись однажды и нас; в 1819 году, по освобождении у нас фабричного корпуса, отдававшегося тогда внаем под ткацкое производство, корпус этот был взят в аренду имевшим в Москве фабрику И. Г. Кашириным; руководствуясь существовавшим дотоле порядком, он перебрался к нам (фабрика была небольшая — станов на 50) и подал прошение о переводе; но в разрешении этого ему было отказано, вследствие чего он в течение 3 месяцев производил работу с закрытыми на улицу ставнями (имевшимися при окнах), что, конечно, было совершено не без ведома местной полиции и далеко не безвозмездно, после чего, однако же, он должен был выбраться. Затем, по представлению Закревского, последовало издание в 1849 году существующего поныне закона, воспрещающего устройство не только в Москве, но и в уезде, бумагопрядилен, шерстопрядилен и некоторых др. фабрик, оказавшегося давно не соответствующим общему положению дела и в следовавшее после издания его время нарушавшегося многократно в отдельных случаях, частью через комитет министров, частью обходом его через испрошение разрешений на устройство фабрик под другими названиями; тем же законом было закреплено распоряжение Закревского о подаче ему полугодичных сведений о состоянии фабрик, давным-давно не исполняемое (вначале он принимал эти сведения, так же как и всякие прошения, лично — это его интересовало; посылать

по почте признавалось тогда невозможным, а в канцелярии его приема не было). Потом был учрежден особый комитет для наблюдения за фабриками и заводами под председательством назначенного генерал-губернатором лица, давно уже прекративший свою деятельность и совершенно забытый (о нем было вспомянуто лет 15 назад, и возникла мысль об его восстановлении; но воскресить его было признано бесцельным, и потому возникшее предположение оставлено окончательно, а при издании позднейших фабричных законов упразднение его получило надлежащее утверждение); наконец, тем же законом всем содержателям существовавших уже фабрик и заводов было предписано испросить разрешение на продолжение действий тех заведений, что, конечно, влекло за собой расходы и давало возможность к кормлению; такие требования стали предъявляться еще до издания того закона и, по распоряжению Закревского, были выведены из городской и Мясницкой частей все находившиеся там аппретурные заведения, исключая Кириллова (в Зарядье), Константинова (в Ипатьевском переулке) и Самцова (возле церкви Спаса на Глинищах), хотя такие заведения паровой силы не употребляли, а близость их к рядам (они находились большею частью в Зарядье) имела существенное значение как для них, так и для отдававших в отделку товар; переселены же они были преимущественно в Лефортовскую часть. Точно так же, еще до издания закона 1849 года, Закревский ввел обязанность подачи ежемесячных сведений о количестве находящихся на фабриках рабочих с означением числа прибывших, выбывших и остающихся; сведения эти доставлялись назначенным для каждой части липам; по Басманной части исполнял такую обязанность содержатель пивоваренного завода (в Сыромятниках) Н. Ф. Мамонтов; на мою долю выпадало доставлять ему такие сведения; но это продолжалось недолго. Остается

еще сказать, что вскоре после того был учрежден комитет под председательством самого генерал-губернатора по делу развития торфяной промышленности; при выдаче разрешений на открытие, так же как и на продолжение действий фабрик, стало поставляться обязательным употребление вместо дров торфа, которого между тем вовсе почти не было, и имевшийся был далеко не везде пригодным для такой замены; торговал им чуть ли не один Я. М. Никитинский, добывавший его из Сукина болота (за Симоновым монастырем); мера эта, однако же, вызывала необходимость и для не располагавших возможностью употреблять торф иметь для вида кучу его, делавшегося, конечно, от лежания на дожде совершенно негодным к употреблению. Самый комитет тот оказался, видимо, мертворожденным; что он делал, я не знаю, но лет поболее 10 назад явилась почему-то мысль восстановить его; я был приглашен на заседание его по должности председателя отделения Совета торговли и мануфактур; но о прежней деятельности его, как оказалось, не нашлось почти никаких сведений; на том дело и стало.

Многое из приведенного выше впоследствии выяснилось: для получения разрешений на открытие фабрик стало требоваться отправление к посреднице Марье Михайловне П-кой с известным приношением, выражавшимся при делах некрупных в 3 сотенных; в других случаях посредником стал являться камердинер графа Матвей Иванов, с которым было можно отделываться меньшей суммой (100 руб.).

Это — выдающиеся случаи из отношений Закревского к целому купеческому обществу, а также и к отдельным членам его, составлявшие для последних в то время обычное явление; между тем можно привести на память частные эпизоды из его действии, могущие служить дополнением для характеристики того положения, в котором находилось население столицы.

Я уже говорил, что графу Закревскому доносилось о всем происходившем. «Был в то время в Москве богатый фабрикант, старообрядец, пот. поч. гражд. Иван Афанас. Быков, живший в своем доме, занимаемом ныне Константиновским межевым институтом; он был человек лет за 60; у него был сын Иван (лет около 40) — слабой жизни. Однажды Закревскому было донесено, что поч. гражд. Иван Быков в понедельник на 1-й неделе Великого поста учинил буйство в каком-то публичном заведении, перебивши стекла и зеркала; посылается тотчас же казак вызвать поч. гражд. Ивана Быкова; является старик в назначенное время, спрашивает у того, у другого, о причине вызова — никто ничего не знает, а, может быть, и зная, не говорят; ждет он часов 5, 6; наконец вызывают к графу в кабинет. Не успел он образумиться, как начал на него Закревский кричать, ругая его, с прибавлением непечатных слов: «Как-де ты, старый черт, в твои года и в такие дни, когда надобно думать о спасении души, забрался туда-то, да делаешь безобразия; я тебя туда ушлю, куда Макар телят не гоняет» (это было его любимой поговоркой). Обомлел старик; но наконец разинул рот: «Ваше с-ство». «Молчать!», кричит Закревский; опять хочет объяснить ему Быков; но тот не дает ему сказать ни слова. «Вон!», крикнул, наконец, граф, прибавляя: «если ты мне еще попадешься, то я с тобой расправлюсь». Вышедши из кабинета, обратился Быков к дежурному с пояснением, что граф его бранил, а он совсем не знает за собой никакой вины, что, наверное, это относится к одноименному с ним сыну его, а потому стал просить, нельзя ли доложить о том графу; направил его тот к камердинеру Матвею Иванову; поднесено было приличное воздаяние; доложил Матвей графу; позвали опять старика. «Что тебе еще надобно?» — спрашивает Закревский; объяснил Быков, что он в приписанном ему нисколько не виновен, а что, вероятно, произвел это буйство его сын.

«Как, — закричал Закревский, — у тебя такой сын и ты с ним не справишься, а еще смеешь меня беспокоить», звонит дежурному — «Велеть, — говорит, — взять его в Тверскую часть» (это был тогда у него самый употребительный прием наказания). Взмолился Быков, начал на коленях упрашивать о помиловании; ничто не берет; просил, просил; едва умилостивился Закревский, разразившись крепкой непечатной бранью и пригрозивши ему на случай, если он опять попадется. Вышел старик с горем — и деньги дал, и чуть было не угодил в кутузку; а было уже около полуночи, и дома-то надумались о том, что с ним случилось.

Был тогда довольно крупный фабрикант Борис Ив. Шухов (фабрика его была на Немецкой улице; она перешла после к Ф. С. Михайлову); по жалобе на него какого-то рабочего получил он однажды вызов явиться экстренно к Закревскому в тот же день вечером; человек он был тучный и из робких; отправившись туда к назначенному времени, струсил он чрезвычайно и дорогой с ним сделался апоплексический удар, от которого он и кончил жизнь.

Закревский вмешивался в дела всякого рода; жена его принимала участие в Совете детских приютов, от которого рассылались по домам издававшиеся им справочные книжки, а также билеты на устраиваемые им лотереи (билеты эти присылались обыкновенно известным из среды купечества лицам в запечатанных пакетах по нескольку десятков; отказ в принятии считался невозможным); однажды (рассказывал это В. Д. Аксенов) был доставлен такой пакет Василию Дмитр. Ватсону, бывшему членом известного тогда торгового дома «Ватсон и Дрейер»; В-н без всякой церемонии отослал пакет обратно в Совет детских приютов; вдруг получает вызов к Закревскому, который раскричался на него, говоря, что он явился в Россию без штанов, а здесь нажил деньги, и что он мог бы не принимать билетов, а не посылать их обратно; — такое нахальство было обычно.

Интересный рассказ слышал я от бывшего письмоводителя купеческой управы Александра Аким. Надикто-Резунова, умершего в декабре прошлого 1902 года, о свидании его с Закревским; рассказ этот, слышанный мною дважды разновременно, заслуживает занесения в летопись.

В то время, о котором идет речь, Резунов был письмоводителем в купеческом отделении бывшего Дома градского общества (замененном в 1863 году Купеческой управой); городским головой, который председательствовал тогда кроме шестигласной думы также и в Доме градского общества, как в купеческом, так и мещанском отделениях, был Алексей Ив. Колесов; тогда, относительно предоставления прав на принадлежность к купечеству лицам, состоявшим в расколе, были принимаемы различные ограничительные меры, и сообразно этому состоялся закон о внесении в выдаваемые раскольникам купеческие свидетельства жен их только тогда, если они приписаны в купечество по 8-ю ревизию включительно; между тем Закревским в данном Дому градского общества предписании по этому поводу было выражено: «если они приписаны до 8-й ревизии». Ввиду такого разногласия между законом и полученным предписанием городским головой было решено испросить на то разъяснение у генерал-губернатора. «После того как это было сделано, — рассказывал Резунов, — в одну из пятниц получаю я повестку явиться в понедельник утром к графу; измучился я в ожидании этого дня; явившись туда, встречаю там в приемной и письмоводителя мещанского отделения Дома градского общества; не знает и тот, зачем он вызван; но выходит один из чиновников канцелярии с бумагой (оказавшейся означенным выше представлением головы), обращается к письмоводителю мещанского отделения с вопросом, известна ли ему та бумага, и, по получении отрицательного ответа, объявляет ему, что он может удалиться; оставшись один, смот-

рю я на Тверскую часть и думаю, что скоро придется мне отправиться туда, как это нередко случалось с вызывавшимися на расправу; по некоторым обождании зовут меня в кабинет графа. Только что отворивши дверь и сделавши первый шаг, споткнулся я на какой-то бывший порог или приступок. «Что тебя черт несет! — окрикнул меня Закревский, стоявший, обратившись лицом к двери, — это твоя бумага, о чем ты меня спрашиваешь, что тебе нужно?» — говорит он, показывая на лежавшую на столе бумагу. На мой ответ, что это представление головы, он сказал: «Знаю я это; но ведь ты писал ее?». Тогда я стал объяснять о встреченном недоразумении относительно выражений «до ревизии» и «по ревизию включительно». «Что же ты не понимаешь, что «до» и «по» — одно и то же», — с ударением на эти слова говорит он (Закревский был человек недостаточно грамотный и потому различия уразуметь сам, конечно, не мог); никакие пояснения касательно употребления в последнем случае выражения «включительно» не имели никакого успеха; он повторял одно и то же, не давая возражать. Входит в это время в кабинет управлявший его канцелярией д. с. с. Корнилов (бывший впоследствии управляющим делами комитета министров и умерший несколько лет назад членом Государственного совета). «Разрешите, Федор Петрович, наш спор», — говорит Закревский; посмотревши представление, Корнилов ответил, что он указываемого различия не видит. «Ну вот, — говорит граф, — ты один хочешь быть умнее всех». Является еще начальник секретного отделения д. с. с. Шлыков; его также пригласил Закревский принять участие в разрешении разномыслия. Шлыков, прочитавши представление, объяснил, что различие действительно существует и что слово «включительно» придает иное значение. Выслушавши это и старавшись еще несколько подтвердить свои суждения, Закревский, наконец, показывая на меня, сказал: «Ну вот,

Фёдор Петрович, он — умник, а мы вышли дураки», а затем, по выходе их, обратился ко мне, говоря: «Счастлив ты на нынешний раз, слышал я о тебе много, если ты мне еще попадешься, то я тебя упеку», причем он прибавил его обычную поговорку о Макаре; «Вон!» — крикнул он, сопровождая это отборным непечатным выражением. Вылетел оттуда Резунов ни жив, ни мертв и, позабывши там что-то — калоши ли, даже не шляпу ли, бежал без оглядки до трактира в Охотном Ряду, где поджидал его, в ожидании решения его участи, товарищ его — письмоводитель мещанского отделения.

По окончании крымской войны в Москве появился на сцене Василий Александр. Кокорев; он водил знакомство с лицами, считавшимися проникнутыми либеральным направлением, а потому и сам был причисляем к ним; купивши дом Лопухиных в Большом Трехсвятительском переулке (ныне М. Ф. Морозовой), он отделал находившееся вблизи главного дома строение, сделавши над ним башню и обративши его в какой-то склад кустарных изделий (не для продажи), с надписью на нем снаружи славянскими буквами: «Хранилище народного рукоделия»; донесли Закревскому о такой затее Кокорева, и надпись эта, признанная по упоминанию в ней о народе либеральной, была по распоряжению графа уничтожена.

Приходилось, кроме того, слышать о многих случаях, представляющих собою отрицательную сторону деятельности Закревского, преобладающую в чрезвычайной мере над стороной противоположной; но в видах беспристрастия приведу и слышанное об его распоряжениях в последнем направлении, где деспотический образ действий его мог принести пользу.

Был в то время в Москве ростовщик (Х. С.), занимавшийся преимущественно выдачей денег дворянам под залог ценных вещей; однажды им была выдана такая ссуда

(кажется, тысяч в 10) под бриллиантовые вещи одной иногородней помещице, которая, явившись в срок для уплаты долга, кредитора дома не застала, а, обратившись к нему на другой день, получила ответ, что вещи ее накануне, вследствие неуплаты в срок денег, уже проданы; тогда пораженная этим, тем более что вещи те были фамильные и имели несравненно высшую стоимость против размера ссуды, бросилась она к Закревскому. С. был тотчас же вызван и Закревский, получив от него такое же объяснение о совершенной уже продаже вещей, велел ему тут же написать письмо домой о присылке тех вещей и дождаться у него возвращения адъютанта, посланного с письмом; вещи вскоре были привезены и переданы Закревским владелице их, а деньги, предоставленные от нее на оплату долга, вследствие того что С. сказал, что он деньги уже получил, Закревский оставил у себя, объявив, что они будут переданы в какое-то благотворительное учреждение. Для ростовщиков, обставляющих себя с формальной стороны, такой прием практичен; но случаи, подобные приведенному, бывали чуть ли не единичными.

Все изложенное выше происходило в действительности и это было в начале 2-й половины XIX столетия; можно поэтому судить, какое впечатление производили на современников сказанного различные преобразования, начавшие вводиться в 1860-х годах.

Из некоторых отзывов о Закревском, появлявшихся впоследствии, приходилось встречать указания на то, что в действиях его повинны главным образом его жена Аграфена (или, как она именовалась, Агриппина) Федоровна и известная в то время дочь его Лидия Арсеньевна, на которых он не мог наготовиться средств для их расходов, что заставляло его прибегать к различным займам; но это не может служить ему ни малейшим оправданием, в особенности если принять во внимание то положение, которое

занимал он, и то доверие Высочайшей власти, которым он пользовался. (На имя Закревской были приобретены крупные владения: в Леонтьевском пер. (ныне Сороко-умовского) и в Старой Басманной (ныне Карзинкиных)).

Я видел его один раз, он был в Нижегородской ярмарке 1858 года; проходивши мимо лавки, в которой я торговал, и увидавши на вывеске известную ему фамилию Крестовниковых, он обратился ко мне с вопросом, московские ли это или какие-либо другие; но я только после узнал, что это был знаменитый бич Москвы (хотя в то время уже смирившийся в некоторой степени), а потому я его вовсе не приметил, так что точно представить его себе не могу.

Слышал я после, что когда Закревский был уволен, а было это 23 апреля 1859 года, то отличавшийся остротами князь А. С. Меншиков, при известии о таком распоряжении, сказал: «В день Георгия Победоносца всегда выгоняют скотину».

Одновременно со сказанным внутренним гнетом, тяготевшим над населением Москвы и преимущественно над местным торгово-промышленным сословием, наступило тяжелое положение, общее для всей России — началась турецкая война; за ходом ее я следил во всех ее подробностях, записывая все происходившее. При самом начале ее, осенью 1853 года, успешные действия против турок за Кавказом вместе с разгромом турецкого флота при Синопе, когда еще было совершенно недавним произведенное усмирение Венгрии, поддерживали во всех слоях общества уверенность в силу русского оружия; уверенность эта не терялась даже особенно и при появлении сведений о вмешательстве Англии и Франции, хотя, при снятии осады с Силистрии, стало уже возникать некоторое опасение. Незнакомы с нашими средствами были, видимо, и такие лица, которым это подобало бы знать. Так, когда неприятель высадился в Крыму, слышал я тогда из достоверных ис-

точников, что граф Закревский высказал бывшим у него нескольким лицам, что «Меншиков скоро сметет неприятеля», так велика была самонадеянность. Когда же сделались известными результаты (в значительной степени скрывавшиеся) неудачного сражения на Алме, где неприятель поражал нас из штуцеров, которых у нас не было, а затем последовали бомбардирование Севастополя и кровопролитное сражение на Инкермане, то печальное состояние дел обнаружилось в настоящем его виде и произвело полный общий упадок духа; грустным настроением проникнут был каждый русский при тех неудачах, которые шли бессменно; под Севастополем дело затягивалось; просвета не виделось, что более и более усиливало такое настроение; в январе 1855 года было объявлено о созыве ополчения — мера чрезвычайная, не применявшаяся с 1812 года. И вот, при таком напряженном состоянии, на 2-й неделе Великого поста (в пятницу), появился бюллетень о болезни Государя, за подписью докторов Мандта, Карелля и Енохина. Хотя содержание бюллетеня и было неопределенно и не вызывало само по себе на какие бы то ни было серьезные рассуждения, но по необычайности такого явления тягостное чувство еще более усилилось. На другой день был напечатан новый бюллетень от следующего числа, который также не давал о состоянии болезни надлежащего понятия. Затем в воскресенье, 20 февраля, около полудня я получил от одного из родственников письмо, в котором упоминалось, как об известном уже мне, об «общем горе, которое чувствует каждый русский человек». Известие, хотя и столь неопределенное, было поразительно для всех нас; мы были у ранней обедни, но ничего слышно не было; что произошло, было неясно, тогда как существовало какое-то «общее горе». Между тем вскоре было получено оповещение из церкви о назначенной присяге, а в 2 часа глухой благовест в большой

Ивановский колокол (он был обтянут, как говорили, черным сукном) возвестил о том всему городу. В нашей церкви собралось к присяге много народа; дьякон Сокольский едва мог прочитать манифест, захлебываясь от слез; все присутствующие плакали, многие даже навзрыд. Горе действительно чувствовалось тяжким и общим.

Прошло почти полвека с тех пор; дух в населении значительно изменился; в то время нравы не были в том состоянии растления, в какое они попали в последующее затем время; поэтому в смерти Государя, при том тяжелом положении, в котором находилась Россия по случаю неудачной войны, все сознавали гнев Божий и видели ниспосланное наказание.

На другой день стало известно, что во время благовеста к присяге оборвался висевший на Ивановской колокольне колокол «реут» (он был без ушей) и пролетел вниз, пробивши несколько сводов и задавивши несколько человек из живших в колокольне звонарей и членов их семейств. Это было принято также как какое-то недоброе предзнаменование для нового царствования.

Странным может показаться теперь, что о смерти Государя мы узнали лишь чрез 2 дня, хотя железная дорога уже существовала с 1851 года и у генерал-губернатора было сведение о том в субботу, но в воскресенье продолжали молиться еще о здравии Государя; настолько секретно держалось это, в видах соблюдения формализма, до получения официального извещения — манифеста.

Запоздалое получение всех известий было тогда обычным; ходом военных действий крайне интересовались все; между тем до начала 1855 года телеграф существовал лишь между Москвой и С.-Петербургом; известия с театра войны пересылались с курьерами (от которых иногда оставались кое-какие общие сведения о происшедшем); затем они распубликовывались в «Русском инвалиде» и, лишь по

получении его в Москве, перепечатывались в «Московских ведомостях» — единственной, не считая «Полицейских ведомостей», газете, выходившей в то время в Москве, притом только 3 раза в неделю (по вторникам, четвергам и субботам), так что из «Инвалида», полученного в Москве в эти дни, напечатанные известия попадали в «Московские ведомости» не на другой день, а в день выхода следующего номера. Петербургские газеты вообще получались тогда весьма немногими, а потому приходилось ходить по трактирам, в коих они имелись (в одном, конечно, экземпляре), и высиживать там долгое время в ожидании освобождения читаемого кем-нибудь номера «Инвалида» или «Северной пчелы», в которую также на другой день по выходе «Инвалида» попадали напечатанные в нем известия. Последовавшие затем события были одинаково безотрадными; даже отбитие штурма 6 июня не могло вызвать какого-либо поднятия упавшего духа — благоприятного исхода видно не было, тем более что люди, на которых возлагалась надежда, гибли, а в способность оставшихся терялась вера; сражение на Черной речке произвело тяжелое впечатление, а падение Севастополя было довершением всего этого; известие о нем пришло 30 августа; помню, мы все плакали, читая его.

Происшедший затем неудачный штурм Карса, — после того, что уже совершилось, — был принят как естественное явление в ряду наших неудач, и самое падение его не могло произвести ослабления в существовавшем общем унынии.

Наконец весть о заключении мира — мира тяжелого, не соответствовавшего придававшемуся силам России значению и духу народному, была принята, хотя и с сокрушением сердечным, но с покорным сознанием роковой неизбежности последовавшего. Это чувствовалось во всех слоях населения, и во всяких производившихся переменах против прежнего усматривались последствия состоявшегося

тяжелого соглашения; так, даже относительно изменения цвета государственного штандарта из белого в палевый в народе выражалось убеждение в происхождении такого изменения оттого, что Россия сделалась уже державой не первостепенной.

Летом 1856 года начались приготовления к коронации; в течение более месяца нам приходилось, ежедневно по вечерам, видеть из дома, а еще более с моста, приготовлявшийся фейерверк: громадные фонтаны ракет поднимались высоко и с сильным слышным у нас треском рассыпались кучами опускавшихся разноцветных парашютов. Въезд Государя в Кремль из Петровского дворца я смотрел с предоставленного мне места на одной из эстрад на Тверской-Ямской, вблизи Садовой. Въезд был торжественный; при проследовании в Спасские ворота Государь, как передавалось, снимал, следуя древнему обычаю, находившуюся на нем каску. Потом я был при сожжении фейерверка на площади перед Кадетским корпусом, находившись там вместе с братьями в толпе, наполнявшей все пространство перед зданием корпуса. Началось тем, что с балкона была пущена по протянутой проволоке ракета, названная в программе бабочкой, но имевшая в действительности характер какого-то огненного змия; целью этого было зажжение поставленных вдали щитов; когда зажегся щит, на котором был изображен молящийся Сусанин, то музыка заиграла «Славься»; зрелище было трогательное. После того были пускаемы ракеты, подобные тем, которые мы видели ранее при приготовлении фейерверка; об этом мы слышали от смотревших издали, тут же видеть было ни для кого невозможно, так как вследствие тихой погоды над головой стоял дым, слышен был лишь страшный треск, а на находившихся на площади падала сверху дрань. Более на торжествах я не был нигде.

Я упоминал выше, что всякая разлука с домашними была для меня, как и вообще для всех нас, чрезвычайно

чувствительной; происходило же это оттого, что ни я, ни другие члены нашей семьи, кроме поездки в Троицкую лавру, никуда не отлучались из Москвы никогда. Первый шаг в отступление от этого порядка сделан был мною в июле 1855 года, когда я решился пуститься в С.-Петербург, чтобы побывать на фабрике Гука. Отправился я с почтовым поездом (тогда о скорых и курьерских речи не было), который выходил днем (кажется, в час) и шел, как я думаю, 20 часов; ехал же я за 7 руб. в 3-м классе; спать лежа, конечно, было нельзя, да я и не спал — настолько интересовало меня все попадавшееся на пути. С.-Петербург по величине зданий отличался значительно от Москвы; особенно странными показались мне 3-этажные дома с глухими боковыми стенами (на соседние владения), стоявшие, как башни, рядом с низкими домами, чего в Москве тогда вовсе не употреблялось; но я видел там также во всей неприкосновенности Апраксин и Щукин дворы, состоявшие внутри из деревянных балаганов, подобные которым я встречал впоследствии лишь в Нижегородской ярмарке; пробыл там я неделю, остававшись до 1 августа, чтобы посмотреть начинавшееся с этого дня уличное газовое освещение, составлявшее для нас редкость; побывал в Исаакиевском соборе, который освящен еще не был (пускали туда сторожа за плату), а затем в Петергофе, Царском Селе и на Кронштадтском рейде; оттуда видел на горизонте простым глазом (зрение у меня было хорошее) мачты стоявшего неприятельского флота (в самый Кронштадт тогда не пускали; помню, что в это время происходило бомбардирование Свеаборга); тем же порядком возвратился я и назад.

Далее, с изменением рода нашей деятельности, отправился я в 1857 году в первый раз на Нижегородскую ярмарку, поехавши с экстрапочтой. В тяжелом настроении ехал я туда, не зная никаких покупателей и не имея никакого руководителя; для меня все было ново; мне хотелось дорогой узнать о том или другом, но спутник

мой — петербургский пушной торговец Лелянов (отец нынешнего тамошнего городского головы) спал всю дорогу и только изредка просыпался на станциях для дальнейшего поддержания своего состояния; в ярмарке я поместился, как мной было выше сказано, в лавке Крестовниковых, а находилась она в выходящем на канаву (к мечети) панском гуртовом ряду лит. Ч. и Ш. (тогда ряды означались литерами); в помещении над лавкой — в палатке часть большую занимали Крестовниковы, приходивши ночевать из мыльного ряда, где лавки были деревянные и не дозволялось держать огня; так продолжалось это до 1861 года — времени постройки ими в мыльном ряду каменной лавки; вместе с Александром Конст. Крестовниковым, находившимся в ярмарке постоянно во все время ее продолжения, бывал всегда один из его братьев (Николай или Сергей Конст.), а иногда временно и двое; кроме того наезжали к ним на временное квартирование некоторые знакомые лица; со мной же бывали братья: в 1858 году — Александр, а с 1859 года — Владимир. Вечернее время проводили мы всегда одинаково все вместе за чаем, не отлучаясь никуда, причем передавались разные полученные известия, а Александром Конст., посещавшим ярмарку без перерывов с конца 30-х или самого начала 40-х годов, рассказывалось многое юмористического свойства из прежней ярмарочной жизни. Наши беседы продолжались большею частью до тех пор, когда проходила по улице команда с барабанным боем и криком «гаси огонь», а происходило это в 11 часов. Хотя в окнах палатки имелись внутренние ставни, тем не менее выражалось всегда опасение относительно того, чтобы в щели не оказался видимым свет, так как нарушение этого правила влекло за собой потерю права на занятие лавок, которые тогда составляли казенную собственность; теперь все это давно совершенно изменилось.

Соседями нашими были: с одной стороны — шуйский фабрикант Алексей Александр. Посылин; товар его фаб-

рики (набивной) шел на Кавказ и в Азию, торговля у него начиналась лишь к концу ярмарки (около 20 августа), когда были распродаваемы марена, кавказские вина и персидские товары; от него бывали в ярмарке 4 приказчика и 2 рабочих; а с другой стороны — московский Александр Ив. Шилов, занимавший 3 лавочных номера; он торговал комиссионным порядком клинцовскими сукнами и ситцами ивановского фабриканта Полушина; выезжало от него в ярмарку 14 человек, хотя дело его, по слухам, было едва ли много более против Посылина; сам он являлся в ярмарку, когда она бывала уже в ходу; он был человек с хорошими средствами и весьма своеобразный; в числе служащих его выезжали в ярмарку 2 главных бухгалтера — один русский, а другой немец, с 2 такими же помощниками; тогда передавалось, что у него торговые книги ведутся на двух языках — русском и немецком, хотя он сношений заграничных не имел (он сам, как приходилось слышать, объяснялся на довольно ломаном немецком языке); между другими торговцами, занимавшими поблизости лавки, было немало иногородних — ивановских, шуйских и т. п., многие из них выезжали в ярмарку с женами, проживавшими в течение всего ярмарочного времени; целью этого было как собственное развлечение, так и надзор за поведением мужей; в то время в числе посещавших ярмарку лиц были еще и такие, которые, до перевода ярмарки в Нижний (в 1818 году), езжали «к старому Макарью». Размер оборотов в то время был совершенно иной против нынешнего; торговля в ярмарке на 100 тыс. руб. сер. представлялась делом весьма большим; интересным был существовавший тогда порядок собирания сведений об оборотах; делалось это около 1 августа, когда ярмарка была только что в начале, а между тем в сведениях требовалось означение, на сколько товара привезено, сколько продано и что осталось; при этом многие скрывали оборот из подозрения, что это требуется для

какого-нибудь обложения с его размера. До устройства железной дороги путешествия в ярмарку после 1857 года были совершаемы мною в 2-этажных почтовых каретах (мальпостах), возивших тяжелую почту и бывавших в пути около 2 ½ суток (вместо назначенных 2 суток), а из ярмарки — как в этих экипажах, так и в тарантасах; рабочие и не перворазрядные приказчики обыкновенно отправлялись при товаре (на тройках, шедших 7 дней, и даже на одиночках, бывавших в пути 10 дней и более, смотря по состоянию дороги); шоссе содержалось в крайне неисправимом виде; в дождливые лета встречалось, что в некоторых местах оно было до того разбито, что для возможности проезда были устраиваемы гати, т. е. шоссе было укладываемо хворостом; лошади бывали замучены, и почтовым экипажам приходилось подолгу ждать смены их на станциях. При таких обстоятельствах по всему пути приходилось обгонять тянувшиеся вереницей подводы с товарами, нередко завязшие в грязи; помню случаи, что мы вынуждены бывали вылезать из мальпоста и помогать лошадям, чтобы его вытащить; надобно заметить, что для отправки товаров в Нижний тогда существовали еще и другие способы, представлявшие большие выгоды, хотя и требовавшие для провоза значительно большее время. Так, тотчас после половодья приходили по Москве-реке барки с хлебом, дровами, сеном и пр.; на них погружался для обратного следования разный товар, назначавшийся в ярмарку; плавание это продолжалось не менее месяца; затем в июне привозились в Москву из Украины какие-то грузы на волах хохлами, отправлявшимися потом с забранными товарами в Нижний, куда они прибывали также через месяц (в Москве они останавливались не на постоялых дворах, а просто в Замоскворечье и Рогожской на улицах); в последние годы перед открытием Нижегородской железной дороги многие из отправлявшихся в ярмарку, ввиду за-

труднительности проезда, стали направляться в тарантасах на Ярославль, а оттуда на пароходах — в Нижний, хотя это и требовало более долгого времени; тем же порядком стало совершаться и возвращение из ярмарки.

Из первых ярмарок, проведенных мною, особенно тяжелыми воспоминаниями отличается бывшая в 1860 году. Торговля шла тогда чрезвычайно дурно; денежная выручка была весьма слабой; большое количество товара оставалось непроданным, когда главная часть ярмарки миновала и видов на сбыт уже не имелось. Погода в течение всей ярмарки стояла чрезмерно жаркая; при таком положении я решился 15 августа отправить брата Владимира в Москву, оставшись с взятым на ярмарку приказчиком и бывшим при мне фабричным прессовщиком. В этот день, когда солнце было весьма высоко, была видима ясно на светлом небе, невдалеке от него, какая-то звезда (что это было — не знаю), обращавшая на себя внимание многих по необычности такого явления, возбуждавшего толки об его значении. С следующего дня погода вдруг переменилась — стало холодно, пошел мелкий дождь, а к вечеру появились слухи об обнаружении на сибирской пристани холеры и уже со смертельными исходами относительно нескольких человек из работающего там люда (следует заметить, что болезнь появлялась и в ярмарку 1859 года; но тогда это было в самом конце, когда уже многие разъехались, и потому она скоро прекратилась); начиная же с утра 17 августа, когда в ярмарочном соборе пришлось встретить приготовление к одновременному отпеванию 3 лиц уже из каменных корпусов (тогда каменные постройки были только внутри канавы), дело стало вдруг принимать грозное настроение. В следовавшие затем дни болезнь развернулась во всей силе; исход ее был преимущественно смертельный и притом весьма скорый (от 3 до 6 часов с начала заболевания), так что во многих случаях не успевалось даже принимать

какие-либо меры. В рядах оказывались и там и сям умершие, и уже не из рабочего люда, бывшего в худшей обстановке и нередко небрежно относившегося к санитарным условиям; в окнах многих помещений, имевшихся над лавками, виднелись зажженные свечи; сообщалось беспрестанно о смерти то того, то другого из знакомых лиц; непрерывно проносили умерших из рядов для погребения в город; возле нас у Посылина умер ночью приказчик, с которым вечером приходилось рассуждать о происходившем; явился общий упадок духа; стихла обычная ярмарочная музыка; прекратились присущие ярмарке безобразия. 20 августа был совершен по ярмарке крестный ход; собор был переполнен молящимися; хотя погода была ненастная, но масса народа сопровождала ход. Я не выдержал присутствия духа — передавши взятое мною в мальпосте на 24 августа место и поручивши бывшим со мною приказчику и прессовщику запаковывать немедленно оставшийся товар и отправляться в Москву, я того же 20 августа вечером уехал в тарантасе с подысканными случайно спутниками; провожавший меня до места отправления прессовщик, которому я наказывал быть наивозможно осторожнее, после моего отъезда заболел и, через 6 часов, на другой день его не стало. Смерть его, при том грустном настроении, в котором я выезжал из ярмарки, произвела на меня тяжелое впечатление, тем более что, кроме того, многих москвичей и известных мне иногородних пришлось тогда не досчитаться.

При существовавших тогда средствах сообщения положение было безвыходное; при упадке духа было невозможно оставаться; но в то же время и на проезд требовалось более 2 суток, а в дороге болезнь представляла еще большую опасность.

Изменение в способах сообщения произошло некоторым образом в следующем 1861 году; тогда в 1-й раз была открыта железная дорога до Владимира и лишь оттуда до

Нижнего, и обратно до Владимира приходилось ехать в тарантасах, хотя товары везлись еще по-прежнему; тем же порядком отправлялись мы в ярмарку и в 1862 году; но из ярмарки, вследствие открытия с 1 августа сквозного движения, ехали уже все прямо по новой дороге; при таком сообщении явилась возможность к поездке во время ярмарки на побывку в Москву, чем и я не замедлил тогда же воспользоваться.

В заключение приведенных мною воспоминаний, связанных с временем моей первой молодости, остается сказать, что в 1864 году последовал крупный переворот в жизни нашего семейства: с одной стороны — в начале его моя женитьба, а в конце смерть отца и младшего брата, а с другой — начавшиеся вслед за тем мои общественные занятия изменили совершенно существовавшее дотоле положение наше, как семейное, так и общественное, и вызвали в деятельности нашей то направление, которое проявилось в последующее время.

Этим может закончиться начальная часть моих воспоминаний.

Воспоминания мои, приводимые в настоящем 2-м выпуске, относятся к двадцатилетнему периоду, оканчивающемуся 70-ми годами прошлого столетия, причем в некоторых случаях пришлось, по связи с происходившим, касаться и раннейших обстоятельств.

К воспроизведению в печати воспоминаний о позднейшем не представляется еще возможности, так как и при передаче помещаемого в этом выпуске встречалась уже необходимость обходить многое по близости рассматриваемого периода к настоящему времени.

Николай Найденов. Июль 1905 года.

Часть II

Вторая часть моих воспоминаний начинается шестидесятыми годами прошлого столетия — временем крупных преобразований во внутреннем строе России, временем, относиться к которому должно не иначе как с высшим благоговением. Правительством было сделано тогда, притом в самый короткий период, все, что возможно было сделать. К сожалению, его доверие к обществу, для пользы которого те преобразования предназначались, не нашло со стороны последнего надлежащей оценки; уверенность в благоразумии и благонамеренности общества не оправдалась во многих отношениях. Последствием всего этого явилось то, что вскоре за предоставлением населению различных сопряженных со сказанными преобразованиями прав началось ограничение последних вместо развития их в той или другой мере, как это могло быть ожидаемо.

Я не могу ничего говорить о самой главной реформе того времени — об уничтожении крепостного права, так как она не касалась близко той среды, к которой принадлежал я, а о том, что делалось в других слоях общества и приготовлялось со стороны правительства, в той среде было мало известно.

Поэтому я начну мои воспоминания с того, что происходило в Москве, чему я был свидетелем и в чем впоследствии был участником.

20 марта 1862 года было утверждено новое положение об общественном управлении Москвы, дававшее как городскому обществу, так и отдельным городским сословиям совершенно иное против прежнего устройство и расширявшее самый круг их деятельности. Хотя подобное этому положение, с некоторым лишь ограничением прав общественных, существовало в Петербурге уже с 1846 года, но в Москве о том не имелось почти понятия и поэтому

появление его, после существовавшего дотоле порядка, вызвало живой интерес в среде общества; во всех слоях его явилось стремление приложить труд свой к делу общественному. Интерес этот был естественным и потому, что это совпадало со временем начинавшихся преобразований в разных других отраслях внутреннего устройства, после многолетнего неподвижного существования устаревшего направления.

Для того чтобы судить о причинах такого настроения, помимо возникшего в то время общего подъема духа, необходимо обратиться к тому состоянию, в котором общественные дела находились в Москве до того времени.

Порядок, установленный екатерининским городовым положением, уничтоженный в царствование Императора Павла, хотя и был восстановлен при Александре I, тем не менее он не только не приобретал в дальнейшем надлежащего развития, но последовательно, независимо от каких-либо законодательных распоряжений, сокращался, в особенности в следовавшее затем царствование. Учрежденная городовым положением Общая дума, как высшее городское представительство, появившаяся в самом начале, не проявляла уже в дальнейшем своих действий. Для заведования делами городскими оставалась одна шестигласная Дума, принявшая значение не более как исполнительного органа по осуществлению распоряжений губернского начальства. Между тем еще до издания городового положения 1785 г., когда городскими делами заведовал магистрат, купечество имело возникшее задолго до того (в 1742 г.) свое собственное управление. Купечество собиралось на «советы» для обсуждения общественных дел; во главе гильдий стояли старшины (переименованные впоследствии в старост) с их товарищами; самое учреждение, в котором они присутствовали, носило название «Гильдия московского купечества»; учреждение это продолжало существовать, как и

общественные собрания, и по введении городового положения и во время его упразднения, причем с образованием в 1775 г. мещанского сословия, оно стало заведовать делами как купечества, так и мещанства. В 1805 году самое учреждение «Гильдия» было переименовано в «Дом московского градского общества» и разделено на 2 части — купеческое и мещанское отделения; а для собраний общественных был установлен новый порядок: для участия в них стали выбираться особые представители под названием «уполномоченных присяжных поверенных» — 120 от купечества (20 — 1-й, 40 — 2-й и 60 — 3-й гильдии) и 80 от мещанства (в самом начале выбирались, сверх того, 2 уполномоченных от первостатейных купцов).

Обсуждение дел, касающихся того или другого сословия, стало производиться раздельно; соединенные же собрания назначались лишь для дел, имеющих общее значение, и для производства выборов в должности, занимаемые в учреждениях, относящихся, по кругу их ведомства, к лицам, принадлежащим к тому и другому сословию. Во всех перечисленных учреждениях — в шестигласной Думе, Доме градского общества и собраниях уполномоченных председательствование возлагалось на градского главу (как он тогда назывался), хотя обыкновенно в мещанских учреждениях он, по многочисленности лежавших на нём и без того занятий, не председательствовал, там заменял его мещанский староста. Цеховые в сказанной деятельности участия не принимали; они имели особое устройство — ремесленную управу со старшиной во главе и свои отдельные собрания. При такой постановке дела и неосуществлении устройства городского управления в порядке, назначавшемся городовым положением, собрания купеческих уполномоченных (в некоторых случаях в соединении с уполномоченными мещанского общества) приобрели значение представительства городского; купечеству при-

ходилось исполнять различные обязанности, относящиеся ныне к городскому обществу — Думе.

В то время существовало много служб в различных учреждениях, должности в которых замещались лицами, избиравшимися из среды купечества; самое отправление службы составляло для купечества обязательную повинность (это сохранилось и до сего времени, но теперь число замещаемых должностей сделалось ничтожным); тогда многие должности представлялись для лиц торгового сословия стеснительными до крайности, одни — требуя продолжительных неотлучных занятий, другие — угрожая неопределенной материальной ответственностью при неправильности решений, что, при существовавшем тогда низком Уровне образования купечества вообще и незнакомстве с действующими законами, ставило выбираемых на службу лиц в полную зависимость от секретарей и других приказных и делало службу сопряженной с значительными по тому времени расходами.

Уполномоченные присяжные поверенные, или, как их в обиходном разговоре называли, «сословные», избирались исключительно из лиц, прошедших уже служебную иерархию и не подлежавших выбору в какие-либо должности.

Этот ареопаг, почти бесправный относительно распоряжений губернской власти, беспрекословный исполнитель ее предписаний, был страшным для принадлежавших к сословию лиц, которыми он избирался; он представлял собою мирской сход, имевший возможность миловать и тяжко наказывать; в числе членов его всегда были настоящие мироеды, руководившие всеми делами, и горе бывало тому, кому представлялся случай выдвинуться как-нибудь из толпы или не угодить кому-либо из этих набольших. Выборы делились на 3 части: 1) производившиеся ежегодно в службы годовые, которых было немного, и в числе их опасной по ответственности была лишь одна — в должности старосты в Сиротском

суде; 2) производившиеся чрез каждые 3 года, касавшиеся большинства всех существовавших служб, и 3) бывавшие через 2 года — в Коммерческий суд и контору Коммерческого банка, где служба была 4-летняя, члены сменялись наполовину через 2 года и служба представлялась безответственной, а потому считалась весьма почетной, в особенности последняя.

Большие выборы, трехгодичные, наводили страх на многих; люди одинокие и имевшие семьи нерабочего возраста нередко дрожали перед их приближением; в числе замещавшихся при таких выборах должностей особенно страшными представлялись бывшие во 2-м (гражданском) департаменте Магистрата и Сиротском суде; были также и разные другие должности, хотя неопасные в отношении материальной ответственности, но отвлекавшие в значительной степени от собственных занятий; на глазах были примеры расстройства дел вследствие отправления общественной службы; поэтому, перед наступлением выборов, опасавшиеся подвергнуться избранию старались заручиться покровительством кого-либо из влиятельных лиц из среды уполномоченных.

Процедура выборов была такова — самым выборам предшествовало составление уполномоченными списка лиц, назначавшихся для баллотировки; в таком предварительном собрании читался письмоводителем общий список всех купцов, не состоявших на службе, с указанием рода занятий и владения недвижимостью, когда таковое существовало. «Записать!», кричал кто-либо из толпы при прочтении того или другого имени; начиналась защита, восстававшая против записки; «Записать!» кричали еще другие, прибавляя такие аргументации, как «он парой в коляске ездит» или «у него каменный двухэтажный дом» или «у него жена богатая» и т. п., и, смотря по тому, кто одолевал в представлении доводов, делалось занесение

или оставлялось до будущего времени. Тут, как и при баллотировке, большое значение имели уполномоченные-мещане, действовавшие по указанию своих коноводов, все как один человек, немалую роль играл в этом случае также и письмоводитель, читавший список: фамилии и имена тех, которых он старался устранить от записки, прочитывал он скороговоркой, с искажением их иногда как бы ошибочно, переходя затем к следующим и не давая таким путем возможности сообразить прочитанное; на тех же, которыми он не был ублаготворен и на которых хотел обратить внимание, делал он заметные остановки. Мещанские уполномоченные находили для своей деятельности, в некоторых случаях, полезное применение это встречалось главным образом при выборах градского головы и первоприсутствующего в Сиротский суд; для того чтобы остаться за флагом или обеспечить себе избрание, лица, искавшие того или другого, обращались к их коноводам и за известную сумму, дававшуюся на угощение, успех достигался. В последнее перед реформой время такими мещанскими коноводами были Панфил Петр. Дуванов и Гурий Павл. Долгоусов (я помню их хорошо; к ним почтительно относились и лица, принадлежавшие к купечеству, из опасения подвергнуться со стороны их каре при выборах). Кандидатами в головы в значительной части случаев считались прослужившие в должности первоприсутствующего в Сиротском суде; и вот, в последний дореформенный выбор головы, в среде купеческих уполномоченных явилось намерение избрать на эту должность Герасима Иван. Хлудова — человека, имевшего около 40 лет от рода, крупного фабриканта, отправлявшего уже ранее сказанную службу в Сиротском суде и притом хотя не получившего высокого образования, тем не менее прошедшего несколько классов практической академии. Но так как в то время требовалось избрание на каждую должность

не менее 2 лиц, из коих получившее меньшее число баллов оставалось кандидатом (на случай совершенного оставления службы утвержденным в должности лицом), то вторым был занесен в список для баллотировки Михаил Леонт. Королев — человек уже пожилой, торговавший башмачным товаром, который хотя и был почти совершенно безграмотным, едва подписывавшим свою фамилию, но принадлежал также к бывшим первоприсутствующим Сиротского суда. Кем он был предложен — купеческими уполномоченными или мещанскими, не помню; знаю только, что первые из купеческих уполномоченных находили неудобным, помимо безграмотности, выбирать в головы «башмачника», но считали возможным пустить его в подбалльные, полагая, что там сойдет все и что он не потребуется. Выбор признавался, таким образом, обеспеченным в сказанном виде, и Хлудов сочинил уже речь для произнесения в первом собрании уполномоченных по его избрании; речь эта, собственноручно им писанная, была найдена после смерти в его бумагах (она хранится у меня). Но в это время Королева оседлал бес честолюбия; не сознавая своей полнейшей непригодности к такому делу, он, как тогда рассказывали, послал для переговоров к Долгоусову подрядить мещанских уполномоченных для действия в пользу его выбора, давши на угощение их 1000 руб., и при последовавших выборах он, к удивлению большинства избирателей, оказался старшим по баллам, вследствие чего был утвержден в должности головы, а Хлудов, наоборот, остался подбалльным.

Не следует забывать, что в то время все службы были сопряжены с большим или меньшим расходом для отправлявших их лиц; в таких же должностях, как городского головы и первоприсутствующего в Сиротском суде, расход этот был весьма значительным; занимавшие эти должности, совершенно незнакомые с законами и порядком делопроиз-

водства, имели своих частных советников (по нынешнему названию «юрисконсультов»), просматривавших дела, расход на содержание которых, как передавалось, составлял за трехлетие не менее 10 000 руб. (сумма, по тому времени, весьма значительная), не говоря о том, что, кроме этого, приходилось городским головам тратиться неизбежно при всевозможных обстоятельствах. Таким юрисконсультом у целого ряда городских голов и первоприсутствующих Сиротского суда был некий Иван Петр. Мадзолевский, служивший ранее, сколько помнится, в гражданской палате. В собраниях уполномоченные размещались по рангам — возле председателя занимали места бывшие градские головы, а затем бывшие первоприсутствующие Сиротского суда; далее сидела особняком так называвшаяся «золотая рота»; это были служившие уже в высших должностях и бывшие уже в течение долгого времени уполномоченными; прочие составляли нераздельную массу.

Кроме производства выборов, о которых шла речь, собрания уполномоченных занимались разрешением различных общественных дел хозяйственного характера; решение всех таких дел производилось на основании мнения старших уполномоченных; голосований почти не существовало; лица, недавно вступившие в число уполномоченных, большею частью не осмеливались подавать голоса; решавшиеся на это составляли редкое исключение, хотя они, как попавшие в уполномоченные (что признавалось весьма почетным), были уже гарантированы против принудительного выбора их в какие-либо стеснительные должности и могли быть выбираемы лишь с их согласия. Приходилось слышать, что когда какой-нибудь новичок из задних рядов, по своей неопытности, произносил что-либо относительно доложенного дела, то градский голова, ввиду такой дерзости, обращался с вопросом: «Кто там говорит? Поди сюда!», и говоривший прятался в толпе.

Из тогдашней жизни приходилось слышать от бывшего письмоводителя Василия Григор. Некрасова различные эпизоды.

Так, например, он рассказывал: в числе купеческих уполномоченных состоял некий Осип Иванович Шухов, торговавший «древностями и редкостями», рядом с которым занимал постоянно в собраниях место Семен Вас. Бубнов, богатый человек, содержавший трактир на Мещаниновом подворье (он содержится и теперь его внуком); однажды Бубнов за какое то деяние, кажется по духовному ведомству, был награжден орденом; вследствие этого он, нашедши для себя неподходящим заседать на прежнем месте, перебрался к «золотой роте»; это чрезвычайно возмутило Шухова и он вознамерился отомстить ему. Пришло время записи; читают в списке какого-то 3-й гильдии купца с пояснением, что он имеет съестную лавку; все молчат, но встает Шухов и, обращаясь к Бубнову, говорит: «Семен Васильевич, что же ты не говоришь, это по твоей части», тот подает знак, что он не знает. Попадается вновь подобный же торговец, Шухов обращается опять к Бубнову с теми же словами, тогда Бубнов теряет терпение и просит градского голову запретить Шухову делать ему такие вопросы. Голова предлагает Шухову обращаться к нему, если он будет находить что-либо нужным, «слушаю-с», отвечает Шухов и садится; но вдруг прочитывается о каком-то содержателе обжорной лавочки, не утерпел Шухов — вскочил: «Семен Васильевич, что же ты молчишь, ты должен знать этого». Не вынес Бубнов далее, ушел и более уже не ходил в собрания.

Говоря о выборах градских голов, приходится уклониться в сторону и коснуться того общего порядка, который существовал в прежнее время относительно употребления одежды и самого внешнего вида в среде городских жителей. Тогда все они в этом отношении делились на 2 рода — ходивших «по-русски» и «по-немецки».

Первыми считались те, которые имели волосы на голове, обстриженные в кружок (что называлось «в скобку»), с пробором в средине, бород и усов не брили, употребляли длинные сюртуки, причем некоторые из них носили сапоги «бураками», прикрывавшие собою брюки (в числе их были и такие, которые вместо сюртуков употребляли поддевки на крючках, что преимущественно встречалось у старообрядцев); последними же признавались брившие усы и бороды (допускались при этом лишь бакенбарды), имевшие остриженные на голове волосы (если существовал пробор, то он был набок) и носившие короткие сюртуки; ношение усов без бороды в то время было воспрещено, так как это составляло принадлежность только военных, и если некоторые молодые люди допускали отступление от этого порядка, то, как я это хорошо помню, ко времени царских посещений Москвы у всех таких лиц усы уничтожались из опасения, что их сбреют «на барабане» (как тогда выражалось). Пишу это потому, что по прошествии еще некоторого времени, выражения «по-русски» и «по-немецки» могут оказаться непонятными ни для кого. И вот, по существовавшему обычаю, городские головы выбирались всегда из лиц, ходивших «по-немецки». Первое нарушение такого порядка явилось вследствие случайности, когда умер Александр Васильевич Алексеев и нежданно должность головы занял кандидат его Кондратий Карпович Шапошников, при выборе которого, предназначавшегося лишь в подбалльные, на это не было обращено внимания. Но вопрос этот при следующих выборах — Андрея Петровича Шестова — поднимался со стороны не сочувствовавших его избранию (это я слышал от В. Д. Аксенова); тогда говорилось, что нельзя в головы выбирать «мужиков», хотя этот «мужик» оказался на деле, как известно, достойным по тому времени исполнения возложенной на него обязанности.

В таком состоянии городское и сословное устройство находилось при появлении положения 1862 года.

Новое общественное устройство вызывало городское население к небывалой новой деятельности, возбуждая стремление к принятию в ней участия в среде, дотоле с делами общественными не соприкасавшейся; купеческое молодое, сравнительно, поколение надеялось в предстоявшем преобразовании найти возможность к уничтожению существовавшего сословного режима — бывшей замкнутости, не допускавшей обновления и крепко державшей в руках принадлежавшую общественным собраниям деспотическую власть; напротив того, старая партия — бывшие уже, нередко издавна, сословные поверенные — относилась к происходившему с негодованием.

Общая дума учреждалась всесословная; образованию ее предшествовало избрание выборных для составления сословных собраний; небывалые ранее газетные сообщения о происходившем в этих избирательных собраниях читались с жадностью; между собиравшимися постоянно в Троицком трактире главный предмет разговоров составлял ход нового преобразования; одновременно с тем появлялись в газетах и суждения о том, какому сословию должно будет принадлежать выставление кандидата в городские головы.

Самое введение положения было возложено на губернаторскую канцелярию; ею были составлены списки избирателей; чины ее наблюдали за порядком при производстве выборов.

Как происходили эти выборы по другим сословиям, кроме купеческого, мне неизвестно; но о купеческих я имею некоторое понятие. Они были разделены на 4 участка; в то время я был купеческим сыном и потому не мог иметь на выборах права голоса; но, прочитав в положении, что участие в них может быть и по доверенности (не разо-

брав лишь, что это относилось к лицам женского пола), я взял доверенность от моего отца и отправился на выборы в соответствующий участок; это было 20 января 1803 года. Выборы производились в занятом для Думы помещении (на Воздвиженке, в доме гр. Шереметева); билеты для участия выдавались в 2 местах 2 лицами — правителем канцелярии губернатора Н. С. Четвериковым и каким-то чиновником той же канцелярии. Предъявив Четверикову мою доверенность, я получил от него разъяснение о непригодности последней. Не хотелось, однако же, мне уйти, не видавши, как производятся выборы; поэтому я обратился к другому, но уже не по доверенности; тот, поискавши в списке и не нашедши меня, признал это за пропуск (а они встречались) и снабдил меня билетом, вследствие этого я присутствовал при выборах. Там я встретил нескольких знакомых лиц, никогда ранее на выборы не ходивших, но интересовавшихся новым устройством. Городской голова Королев, управлявший выборами, представлял из себя манекена, которого двигали другие: при возбуждении вопроса о возможности баллотировать тех, которые оказались неизбранными по другим участкам, он безмолвствовал, слушая лишь, что скажет присутствовавший губернский прокурор, который в то время составлял принадлежность выборов. Но я с удивлением услыхал тут в первый раз, как Г. И. Хлудов и К. Т. Солдатенков отстаивали свое мнение по этому предмету, несогласное с заключением, данным прокурором; я не подозревал, что лица эти могут говорить встреченным мною образом, настолько это было необыкновенно в то время.

Выборы по Замоскворецкому участку от других особенно отличались веселым настроением избирателей, из коих некоторые с чрезмерным усердием занимались около буфета. Так, рассказывалось, что одного «таможнего столба» С*, пользовавшегося большим почетом в среде купечества, водили под руки для баллотирования; можно судить,

насколько сознательным могло быть такое производство выбора. Участвовавший в этом собрании Сергей Петр. Карцев (бывший с 1866 года долгое время деятельным выборным и гласным Думы) описал тогда в «Московских ведомостях» происходившее при этих выборах (под псевдонимом «Ковшов»), что вызывало в то время негодование со стороны участвовавших в них представителей купечества.

При этом можно сказать еще о том, что Василий Михайл. Бостанджогло, который после был старшиной, едва мог пройти в выборные лишь по баллотировке в 3-й раз; ни в 1-м, ни во 2-м участках (т. е. ни по Городской, ни по Басманной частям, в коих он был домовладельцем) он не мог выйти и лишь в 4-м участке, где мало было солидных кандидатов, его протащили хлопотавшие о том его приятели. Причиной такого несочувствия к нему выставлялось его честолюбие — высказывалось, что он из-за какого-нибудь ордена не побережет отца родного.

Таким путем в число выборных купеческого сословия вошло около половины лиц новых, не состоявших ранее в числе сословных поверенных.

Образовавшиеся собрания выборных от пяти городских сословий избрали затем старшин и товарищей их и из среды своей по 35 гласных в состав общей Думы.

Сословием потомственных дворян избран был в старшины князь Александр Алекс. Щербатов — сын бывшего московского военного генерал-губернатора, в то время имевший лет 35 от роду, гвардии поручик, оставивший военную службу, а в товарищи — Александр Павл. Тучков; сословием личных дворян в старшины — ст. сов. Константин Карл. Шильдбах, а в товарищи — поч. гражд. Владимир Петр. Вишняков; купеческим сословием в старшины — Федор Федор. Резанов, служивший ранее старостой в Доме градского общества и отличавшийся представительностью, а в товарищи — Сергей Михаил. Третьяков, занимавший ранее

должность старосты в Сиротском суде; мещанским сословием в старшины — Сергей Федор. Голубинский, торговавший в квасном ряду; ремесленным сословием в старшины — Михаил Иван. Кустов.

Товарищей мещанского и ремесленного я вовсе не помню.

Затем собраниям выборных всех сословий предстоял выбор городского головы и членов (по 2 от каждого сословия) в Распорядительную думу, которую теперь заменила Городская управа.

Положением 1862 г. учреждения эти были подняты весьма высоко. Распорядительная дума, и в порядке сношений и по классу (VI), присвоенному должности членов ее, была поставлена наряду с губернскими местами, а в порядке обжалования ее постановлений она была подчинена Сенату. Городской голова, председательствовавший как в общей, так и в Распорядительной думе, избирался не Думой, как это производится теперь, а выборными всех городских сословий. При этом требовалось избрание не менее 2 лиц, которые и представлялись на Высочайшее утверждение.

Порядок выборов был таков: сперва собирались выборные, по 10 старших по баллам от каждого сословия, для назначения кандидатов, предлагаемых к баллотировке; составленный список передавался затем во все собрания выборных для его дополнения, и в таком уже виде он поступал в общее собрание выборных для баллотировки записанных лиц.

При такой постановке дела тотчас по избрании выборных начались суждения о выборе головы; те сословия, которые до того времени участвовали в делах общественных, были совершенно далеки от других сословий, представители их знали лишь свою среду, не имея, за исключением ничтожного меньшинства, понятий о способности лиц, принадлежавших к другим сословиям.

Со стороны дворянских представителей был проявлен большой интерес к принятию участия в новой деятельности, по их почину были назначаемы частные совещания, на которые приглашались и передовые из среды купечества для обсуждения вопроса о выборе головы. Где происходили эти совещания, я не помню, знаю лишь от Василия Иван. Якунчикова, что одно из таких совещаний было в квартире дворянского гласного Бреверна; он участвовал в нем в числе приглашенных купцов и произнес речь, им впоследствии напечатанную, которая произвела на собравшихся особое впечатление, так как между дворянами существовало убеждение в необразованности купечества и неспособности говорить речи.

От присутствовавших на таких совещаниях приходилось слышать, что из находившихся там лиц многие, обладавшие ораторскими способностями, изощрялись в красноречии, рассуждая о предстоящей деятельности, что наших купеческих представителей, никогда того ранее не видавших, приводило в удивление (наши, конечно, молчали). Между прочим, рассказывалось, что отличался особо красноречием Дмитрий Дмитр. Голохвастов, а затем, что на одном из совещаний о потребностях города и роли будущего городского головы говорил много Илья Вас. Селиванов, состоявший тогда председателем уголовной палаты и претендовавший на главенство; он выражал мысль, что городской голова, при вступлении, должен заявить Думе программу своей деятельности, дабы, в случае неисполнения им этого, он мог быть поставлен к позорному столбу. Он писал это далее и в газетах.

В дворянской партии намечался уже кандидат из своей среды, тогда как большинство купеческой, а с ней вместе и мещанская, старались придерживаться прежнего порядка и выбрать голову из купцов; но между появившимися в среде купеческих выборных новыми лицами (считавшимися

принадлежащими к молодому поколению) высказывалась мысль, что едва ли голова из купцов будет достаточно стоек при защите интересов города при изменяющихся новым положением отношениях к администрации. Хотя в то время военным генерал-губернатором был Павел Алексеевич Тучков, человек деликатный и весьма благодушный, и притом общие условия переменились, тем не менее были еще у всех в памяти времена Закревского, а потому признавался более целесообразным выбор головы из дворян.

Цеховые, стоявшие до введения нового положения особняком и не участвовавшие в городских делах, склонялись частью также в эту сторону.

В состоявшемся затем собрании старших выборных были назначены кандидатами:

1) Отставной гвардии поручик князь Александр Алекс. Щербатов, выбранный уже перед тем в старшины потомственных дворян.

2) Надв. сов. Александр Иван. Кошелев, бывший откупщик, либерального пошиба, человек уже пожилой.

3) Ман. сов. Герасим Иван. Хлудов, бывший уже кандидатом при предшествовавших выборах, о котором сказано выше.

4) Поч. гражд. Иван Артем. Лямин, человек достаточно развитой, хотя и получивший образование лишь в низших классах практической академии; он пользовался в купеческой среде почетом, как зять бывшего городского головы С. Л. Лепешкина, и потому начал службу прямо в Коммерческом суде; был уже сословным поверенным и состоял в то время биржевым старшиной; но к этому надобно прибавить, что держал себя он чрезвычайно гордо, на что указывалось со стороны некоторых выборных, говоривших, что если он будет городским головой, то к нему доступа не будет и у него настоишься в передней.

5) Поч. гражд. Сергей Дмитр. Ширяев, бывший уже ранее городским головой; он был из не получивших

никакого образования, но человек с природным умом и большим тактом; сознавая хорошо роль головы при новом положении, он от сделанного предложения отказался.

К этому списку в собрании выборных купеческого сословия были дополнены: поч. гражд. Иван Федор. Мамонтов, избранный в то время в купеческие выборные, бывший откупщик, имевший общие дела с В. А. Кокоревым; это был человек, делам городским совершенно чуждый и хотя происходивший из податного состояния, но по своей профессии более близкий к чиновному миру, нежели к купечеству, и колл. сов. Илья Вас. Селиванов, о котором было объяснено выше.

Самые выборы были произведены 16 марта 1863 года в большом зале Дворянского собрания в 1 час дня. Производство их было весьма торжественно. Все хоры были заняты зрителями, между которыми находился и я.

Пред приступом к выборам И. Ф. Мамонтов обратился с просьбой об освобождении его от баллотирования, а так как он был занесен в кандидаты купеческим сословием, то просьба его была предложена на разрешение купеческих выборных, которыми он и был уволен. Поэтому к баллотировке были назначены остальные 5 кандидатов; баллотировка каждого производилась отдельно; распоряжался выборами — давал шары кн. Щербатов, как старшина потомственных дворян, кроме того, когда баллотирован был он сам; тогда его заменял Шильдбах.

Прежде всего было по жребию установлено, в каком порядке должны быть баллотированы назначенные кандидаты и в каком должны следовать сословия; при баллотировке соблюдался, впрочем, порядок, установленный для выборов дворянских. Затем открылось шествие; выборные каждого сословия вызывались по алфавиту, впереди шли выборные от личных дворян, всех участвовавших было 461.

Первым баллотировался И. А. Лямин. Когда шествие всех было закончено и был начат счет шаров, водворилась совершенная тишина. За счетом можно было следить на хорах по звуку от падающего шара, бросаемого в металлический лоток.

Избирательных шаров оказалось 199, неизбирательных 262 — самонадеянности Лямина был нанесен тяжелый удар.

Следующим в баллотировке шел Г. И. Хлудов, выборные следовали в том же порядке, избирательных оказалось 278 шаров, а неизбирательных — 183.

Во время счета шаров, когда считавший произнес 231, т. е. перешло за половину, раздались общие рукоплескания, повторившиеся также и при окончании счета, после чего началось поздравление его, в особенности со стороны купеческих выборных.

Далее следовал кн. Щербатов, получивший 338 избирательных шаров и 123 неизбирательных.

Первые рукоплескания явились при счете 231, затем они повторились при 279 шаре, когда он перегнал Хлудова, далее при 300 и, наконец, при завершении счета.

Неинтересно было положение Хлудова, которого тут также поздравляли вместе с кн. Щербатовым.

Таким образом, выборы состоялись — были выбраны 2 лица. Тогда Кошелев и Селиванов обратились с заявлением об отказе от баллотировки, но из среды мещанских выборных стали раздаваться требования баллотировать; спрошено было заключение присутствовавшего губернского прокурора, который высказал, что отказ мог быть сделан лишь до приступа к выборам, и баллотировка последовала.

А. И. Кошелев получил 155 избирательных шаров и 305 неизбирательных, а И. В. Селиванов, на которого выражалось негодование за измышленное им поставление городского головы к позорному столбу, 82 избирательных шара и 379 неизбирательных.

На обе последние баллотировки было потрачено непроизводительно долгое время, когда заранее можно было видеть их результаты.

Кн. Щербатов был утвержден в должности городского головы; вследствие того в должность старшины потомственных дворян вступил кандидат его Сергей Николаевич Гончаров.

Собрания выборных сословий купеческого, мещанского и ремесленного выбрали, кроме того, членов в сословные управы, которые и открыли свои действия; при этом в управы купеческую и мещанскую перешли по принадлежности все дела существовавших отделений (купеческого и мещанского) Дома градского общества.

Собрания выборных от первых двух сословий — потомственных дворян и сборного (личных дворян, почетных граждан, не состоявших в гильдии, и разных званий лиц), по неимению этими сословиями имущества, ограничивались в деятельности своей лишь производством выборов в должности, замещаемые этими сословиями.

Затем каждым из собраний выборных были избраны по 2 члена в Распорядительную думу, причем обращалось внимание на назначение для того лиц наиболее способных; Распорядительная дума образовалась, таким образом, в следующем составе:

От потомственных дворян — Николай Михайл. Строев, действ. ст. сов., бывший обер-секретарь Сената, старый чиновник, знавший все тонкости казуистики, и Павел Иван. Петров, колл. сов.; где он служил ранее — не знаю.

От личных дворян — Лука Лук. Познов, надв. сов., служивший ранее в архиве Министерства иностранных дел, человек благодушный, но малоспособный, и Иван Федот. Кравченко, тит. сов., служивший, в виде мелкого чиновника, в гражданской палате; это был тип настоящей канцелярской крысы.

От купеческого сословия — поч. гражд. Александр Конст. Крестовников, сторонник современного направления — в духе производившихся реформ, и моск. купец Василий Степ. Марецкий, происхождением из западного края, стремившийся в то время выдвинуться на сцену и только что вступивший в число выборных купеческого сословия.

От мещанского сословия — Егор Вас. Батвинский и Матвей Иван. Ананьев.

От ремесленного сословия — Петр Александр. Богомолов, цирюльник (на Воздвиженке), и Ефим Степ. Кротов, маляр, в последнее время владелец большой обойной фабрики (теперь содержимой от имени учрежденного им Товарищества на паях).

В середине 1863 года как Общая, так и Распорядительная дума открыли свои действия.

Вскоре после открытия заседаний Общей думы было разрешено допустить к присутствию в зале заседаний посторонних лиц — первоначально на это требовалось отдельное разрешение, выдавались билеты, а затем доступ стал совершенно свободным. Общая дума с самого открытия ее действий стала собираться по вторникам в 6 ½ час. веч. (как это идет до сих пор); но в то время порядок был несколько иной: заседания открывались чтением журнала последнего заседания; стенографирования тогда не существовало; в журналах же излагалось в подробности происходившее в заседаниях, с обстоятельным изложением высказывавшихся мнений; изложение имело повествовательный характер; чтение журналов занимало весьма долгое время — ½ часа и даже более; оно называлось «чтением часов»; затем в середине заседания, после рассмотрения нескольких докладов, делался короткий перерыв, в который гласные выходили в соседнюю залу, где желающие пили чай или воды.

Порядок в заседаниях был таков: городской голова помещался на конце длинного стола; по правой стороне

от него занимали места 5 сословных старшин, а по левой — 5 их товарищей, в порядке следования сословий по положению 1862 г.; гласные размещались сзади старшин и их товарищей по обеим сторонам и против головы в несколько рядов, причем у самого стола на противоположном конце с самого начала занимал место Данила Данил. Шумахер (бывший впоследствии недолгое время городским головой).

В городские секретари был избран Общей думой Василий Михайл. Лосев, а в помощники к нему приглашен городским головой Митрофан Павл. Щепкин.

В. М. Лосев, служивший ранее в губернском правлении, был главным устроителем порядков в новой Думе; он, как человек весьма деликатный в отношениях ко всем, вполне благонамеренный и осторожный, пользовался со стороны гласных общим расположением и при этом был кн. Щербатову, в то время в городских делах неопытному, правой рукой — ближайшим советником.

Думские заседания я посещал в числе слушателей почти постоянно; предметы, подлежавшие обсуждению, как и самый порядок такого обсуждения, о котором большинство городских жителей не имело никакого понятия, возбуждали, по новости дела, большой интерес.

Общая дума не только при начале ее устройства, но за все время ее существования, была совершенно не тем, чем представляется Дума нынешняя — партий не было, было общее стремление принести пользу новому делу; о той болтовне, какая стала встречаться впоследствии, и о тех резких, даже дерзких, выходках, которые появляются беспрестанно в последнее время, не было и помина; гласные из мещан и ремесленников высказывали свои мнения кратко, не пускаясь в рассуждения по вопросам, им чуждым, и не прибегая к нелепым ораторским приемам, как это стало находить место после позднейшего преобразо-

вания — с 1872 года. Тогда все дела требовали принятия делаемых предложений большинством голосов; хотя мера эта и была несколько затруднительной для постановки самых решений и требовала от председателя особой сообразительности при предложении Думе вопросов, тем не менее она клонилась к возможно большей осторожности относительно введения каких-либо новшеств и изменения того, что уже существовало. Так, я помню, в самом начале был гласный от потомственных дворян Головкин (имени не помню, он вскоре умер), сидевший вблизи городского головы сзади дворянского старшины и игравший роль какого-то прокурора; после счета голосов он постоянно осведомлялся у председателя о количестве их и, если их недоставало до ⅔, то подтверждал, что предложение не принято.

В Думе 60-х гг. были: Михаил Петрович Погодин, который, бывало, сидит с костылем в руке и, при случае, вставит какое-либо своеобразное слово; Д. Д. Шумахер, состоявший с самого начала председателем финансовой комиссии и принимавший участие во всех рассуждениях, касавшихся денежных вопросов; Дмитрий Алексеевич Наумов, бывший сначала до открытия земских учреждений и поступления в председатели губернской управы председателем Комиссии о пользах и нуждах, он объяснялся не пространно, скороговоркой, но убедительно, человек был чрезвычайно тонкий, о нем высказывалось, что в предшествовавшее царствование ему было воспрещено говорить; затем Юрий Федорович Самарин (с 1866 г.), занявший место председателя Комиссии о пользах и нуждах, всегда серьезный, невозмутимый; он систематически без отступления приводил доводы в пользу тех мнений, которых держался, оспаривать его в чем-либо не решался почти никто; наконец, кн. Владимир Александрович Черкасский (с 1869 г.), вступивший прямо в городские головы,

искусный председатель, обладавший даром слова, но отличавшийся от Ю. Ф. Самарина своей горячностью и тем, что в его суждениях можно было встретить нередко скрывавшиеся задние мысли; было в составе Думы немало и других лиц, известных на поприще различных родов деятельности. В общем можно сказать, что «то был век богатырей».

Со стороны Думы в первом составе ее было выдвинуто несколько крупных проектов, касающихся внутреннего благоустройства, приведенных ею в осуществление. Так, например, введено газовое освещение, составлявшее в то время редкость, тем более что и появившееся перед тем керосиновое, или, как его называли, фотогеновое, уже представляло собой большой шаг вперед перед прежним конопляномасляным, при котором, бывало, в фонарях зажигалось даже только по одному из имевшихся трех фитилей. Далее постройка постоянного моста на Москве-реке на месте деревянного Дорогомиловского, разбиравшегося на время половодья. Потребность в нем была существенная, так как перед Пасхой, во время ухода рабочего люда, народ массами, нередко по суткам, дожидался на берегу очереди для переправы, производившейся посредством парома; кроме того, вся заречная часть города была тогда отрезана совершенно, что представляло большую опасность в случае пожара. Этой постройкой было положено начало перестройке всех деревянных мостов, так что каждый из следовавших затем городских голов стремился ознаменовать свое главенство непременно построением какого-либо нового железного моста. Наконец той же первой Думой во время политического осложнения было Сделано заявление правительству о готовности образовать, в случае потребности, всеобщее ополчение для внутренней службы; это послужило тогда примером и другим городам сделать такие же заявления, и было первым народным

выражением по делам такого рода. Как приходилось слышать после, канцлер кн. Горчаков говорил, что заявления эти оказали услугу ходу дипломатических переговоров, показавши иностранцам народное настроение, которого они не предполагали в таком виде.

Как уже мною выше сказано, при введении нового положения многие из купечества, поставлявшего из среды своей городских голов, не желали поступиться этим правом; старая партия, в то время хотя и не в прежнем составе, но еще существовавшая, недоверчиво относилась к новой организации — вступлению в Думу нового элемента дворянского и чиновничьего, но князь Щербатов умел сразу установить полнейшее слияние всех представляемых в Думе сословий; к возможности возникновения какого-либо антагонизма на сословной почве никогда не встречалось повода.

Последнее заседание Думы пред выборами гласных в 1866 году происходило 5 марта днем без присутствия посторонних лиц; оно имело прощальный характер; городскому голове, как передавалось, была выражена благодарность; М. П. Погодин держал речь, в которой вспоминал и заслуги отца князя Щербатова.

При бывших в начале 1866 года выборах я вступил в число выборных купеческого сословия и был избран также в гласные Общей думы.

В то время старшины потомственных дворян С. Н. Гончарова в живых уже не было, а товарищ его А. П. Тучков оставил эту службу, и должность старшины исправлял занявший место товарища Михаил Илларион. Бибиков. В 1867 г. вступил в старшины кн. Дмитрий Михаил. Голицын, а с 1871 г. Александр Влад. Станкевич. Бибиков оставался товарищем во все время до упразднения этой должности в 1872 г. От личных дворян были бессменно К. К. Шильдбах и В. П. Вишняков; от купеческого

сословия — с 1867 г. старшина Василий Михайл. Бостанджогло и товарищ Иван Козьм. Бакланов, которого заменил с 1871 г. Александр Григор. Сапожников; от мещанского сословия — старшина Василий Тим. Торгашев, торговавший в Охотном ряду яйцами, тип благодушного толстяка, поступивший ранее в 1865 г. по случаю смерти Голубинского, а с 1871 г. — старшина Никифор Спар. Спиридонов; от цеховых — с 1867 г. старшина Яков Ил. Буханов, цирюльник из Сущева, в парике, остававшийся в этой должности более 25 лет.

Гласные переменились в 1866 г. в первых трех сословиях на ½, а в последних двух на ⅔ (73 прежних и 102 новых), причем от купеческого сословия вышли люди старые, выбранные в первый раз (в 1863 г.) еще по традиции, и заменились новыми, только что поступившими в выборные.

В 1867 году наступил вновь выбор головы. Кандидатом был опять кн. Щербатов, хотя он и отказывался от этого, заявляя, что утомился и едва ли будет в состоянии прослужить весь выборный срок; 2-м кандидатом был предложен колл. сов. Ю. Ф. Самарин. Тем же порядком, как и в 1863 году, в зале Дворянского собрания были произведены 21 февраля выборы; кн. Щербатов получил из 425 шаров 349 избирательных, а Самарин 300; руководил выборами при первой баллотировке дворянский старшина кн. Голицын; в этих выборах я уже был участником, а не зрителем, как это было при первых выборах.

Деятельность Думы второго состава шла в том же порядке, как и первого; но кн. Щербатов стал действительно утомляться и, прослуживши 2 года по второму выбору, решился оставить службу.

Дума стала тогда в затруднение, кого выбрать в головы на остающееся время (2 года); подходящих кандидатов в среде гласных в виду не имелось; представлялся таким Ю. Ф. Самарин; но, с одной стороны, высказывалось, что

он, по его предшествующим отношениям к администрации, утвержден не будет, а с другой — он не считался подходящим по его упорно настоятельному характеру, и притом было известно, что он не согласился бы занимать место, при котором неизбежны беспрестанные сношения с начальством. Тогда славянофильская партия указала на дейст. ст. сов. князя В. А. Черкасского, только что окончившего возложенные на него занятия по устройству внутреннего управления в Польше и бывшего свободным; кн. Черкасский был известен немногим гласным, которым поэтому пришлось основываться уже на мнении лиц, предлагавших его к избранию; сколько помнится, самый имущественный ценз, требовавшийся для занятия должности головы, был им приобретен нарочно с этой целью; при таком положении дела гласные, в довольно значительном числе, были приглашены кн. Щербатовым к себе в дом, где были ознакомлены с присутствовавшим кн. Черкасским, и, таким образом, он был предложен к баллотировке, а другим кандидатом назначен купеческий старшина В. М. Бостанджогло.

Выборы состоялись 29 марта 1869 года в том же порядке, как и прежние, и кн. Черкасский, получивший 304 избирательных шара из 441, был утвержден в должности; Бостанджогло едва вышел с 229 шарами.

О характере кн. Черкасского я говорил уже выше; хотя отношения головы к гласным вообще поддерживались до известной степени в прежнем виде, тем не менее в действиях его проявлялись нередко настойчивость и резкость, чего прежде вовсе не встречалось, и он не вызывал к себе того расположения, каким пользовался кн. Щербатов; он, занимавший уже административную роль, представлялся во многих случаях чиновником — сторонником бюрократического самовластия; тогда высказывалось, что, по его знаниям и способностям, он, вероятно, будет вскоре министром внутренних дел, к чему он, видимо, и стремился.

Дела города шли обычным порядком во все время его главенства, но в самом конце явилось обстоятельство, перевернувшее его положение.

В 1870 году, после разгрома Франции, русское правительство решилось свергнуть стеснительные для России условия, поставленные парижским трактатом 1856 года. Такой шаг правительства вызвал общий подъем духа; возникла мысль заявить о том и со стороны Московского городского управления, чему сочувствовала и местная администрация; но при этом инициаторы такого рода действий имели в виду не ограничиваться обычным засвидетельствованием чувств, вызываемых принятой правительством мерой, считая такое заявление слишком заурядным, а привести вместе с тем указание общих потребностей населения. Решаясь на это, был ли кн. Черкасский убежден, по положению обстоятельств, в благополучном исходе этого (а он был весьма предусмотрителен) или же он не находил лишь возможным отступать от взглядов той среды, к которой принадлежал, осталось неизвестным; мысль же о подаче адреса в таком духе исходила, конечно, на основании предварительного совещания от кн. Щербатова, который в действиях был весьма осторожным, но мог подчиняться влиянию партии. Адрес был написан Иваном Сергеевичем Аксаковым, умевшим превосходно в своеобразном виде излагать мысли (хотя говорить он способностью не обладал). Предварительно перед заседанием Думы для устранения каких-либо замечаний в самом заседании гласные были приглашены для выслушивания адреса, подправленного при участии гласных кн. Щербатова, Ю. Ф. Самарина, М. П. Погодина и прот. Ипп. Мих. Богословского-Платонова, в квартиру кн. Черкасского; собрание было многочисленное. Надобно заметить, что почти одновременно с правительственным заявлением об отмене некоторых статей парижского трак-

тата состоялось Высочайшее повеление о введении всеобщей воинской повинности, которое в среде купечества, бывшего свободным от отправления этой повинности, произвело большую тревогу, между тем как в составленном адресе косвенно указывалось на это мероприятие в виде сочувствия ему, хотя о предстоявшем положении дела не имелось еще никаких определенных сведений.

В проектированном таким путем адресе как на потребности народные были сделаны указания на свободу слова, свободу веры и свободу совести. По поводу этого Сергеем Петр. Карцевым (гласным от купечества) было обращено внимание на то, что помянутые указания не имеют никакого отношения к делу, послужившему поводом к представлению адреса, и потому, по мнению его, не должны иметь места, а затем мною прибавлено, что точно так же представляется излишним упоминание, хотя и косвенное, о всеобщей воинской повинности, порядок отправления которой никому еще неизвестен; но такие возражения не могли оказать влияния на исход дела.

Адрес был 17 ноября доложен в заседании Думы, происходившем без присутствия посторонних лиц, и подписан всеми, кроме меня, С. П. Карцева, Максима Ефим. Попова и Владимира Дмитр. Коншина (гласных от купечества); представленный тотчас же генерал-губернатору и прочитанный ему кн. Черкасским, он был принят с восторгом; князь В. А. Долгоруков, как передавали, расцеловал городского голову; но в Петербурге посмотрели на это иначе и адрес был возвращен назад, а генерал-губернатор вызван туда, где ему было сделано соответствовавшее внушение; вместе с тем была спета песня и кн. Черкасского. Адрес этот, находившийся в делах Думы, впоследствии был взят И. А. Ляминым и остался у него; он был напечатан в «Воспоминаниях С. М. Сухотина», принадлежавшего к славянофильской партии (кн. 2 «Русского архива» 1894 г.).

При следовавших затем в 1871 году выборах городского головы кн. Черкасский баллотироваться вновь не решился в убеждении уже не быть утвержденным; возник опять трудный вопрос о приискании кандидата, хотя это было уже после издания общего городового положения 1870 года, которое для применения к столицам требовало лишь издания некоторых дополнительных правил, вследствие чего и выбор головы предназначался на короткий срок.

Надобно сказать, что И. А. Лямин, после претерпленной им неудачи в 1863 году, понял, что гордостью нельзя достигнуть признания достоинства со стороны общества; поэтому он стал искать популярности; случай к этому ему вскоре представился при возбуждении германским купечеством вопроса о заключении торгово-таможенного договора между Россией и Германией, о чем будет сказано ниже; кроме того, он стал сближаться с думской дворянской партией, с которой успел войти в хорошие отношения; и вот теперь, когда там не было в виду лица для занятия места головы, та партия нашла возможным выдвинуть его кандидатуру на эту должность. Выборы в последний раз 13 марта 1871 года были произведены тем же порядком, как и предшествующие; комм. сов. Лямин был избран 1-м кандидатом, получив 284 избирательных шара из 365, и утвержден в должности; 2-м был дейст. ст. сов. Степан Алекс. Тарасов, выбранный 186 шарами для соблюдения формальности, требуемой законом. После смерти городского секретаря В. М. Лосева исправление этой должности было возложено на одного из секретарей Распорядительной думы Михаила Федор. Ушакова (бывшего впоследствии членом Городской управы и товарищем городского головы). Лямин более, нежели его предместники, нуждался в советнике, и, хотя М. Ф. Ушаков служил в Думе с основания ее, тем не менее он не мог вполне удовлетворять этой цели, поэтому руководителем

был избран М. П. Щепкин. Дела Думы вообще шли обычным порядком, но как председатель в Общей думе И. А. Лямин казался после его предшественников каким-то жалким. Делая какие-либо заявления, он постоянно расшаркивался и с всегдашней улыбкой, обращавшейся к первенствовавшим гласным, как бы заискивал с их стороны одобрения или поддержки относительно делавшихся им предложений, а так как в этот раз он вступил в должность согласно их желанию, то не встречал никаких противодействий и таким путем дослужил до введения нового городового положения, утвержденного, в применении к столицам, в 1872 году.

Говоря о введенном внутреннем порядке, следует сказать, что с самого открытия Общей думы, точно так же как и земских собраний, было принято при ссылках на мнение, высказанное тем или другим гласным, называть последнего «гласный такой-то», упоминая одну фамилию, хотя бы лицо это было титулованное; так, например, «гласный граф такой-то высказал то-то», что походило на происходящее в каком-то французском учреждении — «гражданин такой-то». Но по времени это изменилось: после третьих выборов гласных в состав их вступили лица, подобострастно относившиеся к более влиятельным гласным, в особенности когда они желали заслужить их расположение; эти лица стали называть таких влиятельных гласных по имени и отчеству и вводить в употребление эпитеты «почтенный гласный» или «почтеннейший председатель комиссии», а князей стали титуловать «ваше сиятельство». Замечательным в этом отношении экземпляром был, например, некий Николай Лук. Юнг (чем он раньше занимался — не знаю; он был не военный, но имел георгиевский крест); он говорил гладко и всегда старался вторить высказанному уже другими влиятельными гласными, хотя последние в поддержке его вовсе не нуждались. Речь его всегда начиналась

буквально так: «вполне соглашаясь с мнением почтеннейшего Ю. Ф. Самарина и разделяя вполне соображения почтеннейшего Д. Д. Шумахера (если, конечно, эти лица что-либо говорили) и наконец, присоединяясь к высказанному почтеннейшим таким-то (если был кто-нибудь, кому следовало оказать уважение), я нахожу...» и затем прибавлялось в нескольких словах высказанное уже теми лицами, на которых он ссылался. Он в скором времени достиг выбора его в начальники торговой полиции, которым, а затем членом городской управы, он был 2 или 3, точно не помню, четырехлетия. Этим путем прежний порядок стушевался и ввелся нынешний — называть по имени, отчеству и фамилии без употребления названия «гласный».

По новому городовому положению, примененному с 1873 года к Москве, выбор гласных был произведен уже иным, против прежнего, порядком на 4 года по разрядам без отношения к сословиям; значение городских учреждений изменилось; вместо Распорядительной думы, подчиненной в порядке обжалования ее постановлений Сенату, была образована Городская управа, подчиненная Думе, а сия последняя — губернскому присутствию; городской голова превратился в избранника самой Думы. В выборах по разрядам приняли участие преимущественно дворяне и чиновники, а затем купцы; прочие же сословия действовали очень слабо; результатом явилось то, что в состав новой Думы вошло 86 лиц из дворян и чиновников, 81 из купечества, 9 мещан, 3 цеховых и 1 крестьянин.

После выборов явился вопрос об избрании городского головы; многие из гласных находили, что при изменившихся условиях желательно избрать лицо, могущее проявить надлежащую стойкость по своему положению, и вследствие сделанного предложения князь Щербатов изъявил согласие баллотироваться. Но вместе с ним захотелось испытать вновь счастье и Лямину, ободряемому к

тому сильной в то время купеческой партией; хотя роль головы была уже как бы понижена, но его прельстили до того времени не встречавшиеся при выборных должностях белые брюки, так как должность эта, по новому порядку, была отнесена, вместо прежнего V класса, к IV.

При последовавших затем выборах Лямин получил несколько более избирательных шаров против князя Щербатова и был утвержден в должности; а так как по новому положению было допущено выбирать другое лицо прямо на должность 2-го кандидата, то избрание такого лица стало производиться отдельно. Кто же избран был тогда — не помню; думаю, что это был Василий Дмитр. Аксенов, баллотировавшийся не один раз на подставку.

В то же время была учреждена должность товарища головы; ее занял бывший при Лямине членом Распорядительной думы Сергей Александр. Ладыженский, человек очень способный, но чиновник в полном смысле слова, служивший в канцелярии генерал-губернатора еще во времена Закревского.

Недолго, однако же, пришлось Лямину оставаться на этом месте. Летом в Москву был назначен новый губернатор П. П. Дурново, явившийся с предубеждением относительно либерального настроения, господствовавшего в Москве. На первом приеме, который он сделал чинам губернского правления, он был настолько резким, что члены правления Федор Иван. Тимирязев (бывший после того членом Городской управы, а затем саратовским губернатором) и Александр Данил. Мейн (впоследствии правитель канцелярии генерал-губернатора) вынуждены были вскоре подать в отставку. Слышавши уже о таком приеме, отправился к нему для представления и Лямин, нарядившись во фрак (по наущению, как говорили, ближайших советников). Губернатор встретил его вопросом, известны ли ему отношения, в которых находится губернатор

к Городскому управлению, и когда он ответил на это словами городового положения, то Дурново резко сказал ему: «Что значит этот фрак?» — Лямину пришлось отретироваться. Оставаться на службе оказалось невозможным, и, таким образом, возбудившийся мундирный вопрос оставил Москву без головы; исправление обязанностей его перешло на товарища Ладыженского.

В 1874 году было приступлено к выбору головы на остающееся время; желательных кандидатов видно не было; пришлось остановиться на тех, которые имелись в составе Думы и представлялись наиболее знакомыми с состоянием городского хозяйства. Из предложенных изъявили согласие баллотироваться дейст. ст. сов. Данила Данил. Шумахер и купеческий старшина деист. ст. сов. В. М. Бостанджогло; первый в то время, по выходе со службы в ссудной казне, был председателем правления Московского коммерческого ссудного банка; человек он был опытный, состоявши с 1863 года председателем финансовой комиссии, хотя и обращалось внимание на то, что он лютеранин, что для должности головы в Москве не совсем удобно; что же касается последнего, то всем была известна его угодливость администрации из личного честолюбия.

Выборы последовали; Шумахер был избран, а Бостанджогло забаллотирован; на выражавшееся сожаление, что Бостанджогло не прошел, высказывалось тогда, что и славяне не к грекам ходили за правителями, а к немцам.

Между тем неудачи начали преследовать Городское управление. Шумахер, по выборе в головы, отказавшись от обязанностей председателя в правлении Ссудного банка, тем не менее занял там же место товарища председателя совета. Банк же в октябре 1875 года прекратил платежи и был объявлен несостоятельным; возбудилось уголовное дело, и Шумахер в числе других лиц был подвергнут аресту; вследствие этого он с начала 1876 года был уволен;

бразды правления на весь тот год принял опять его товарищ Ладыженский.

В таком ненормальном состоянии прошло все первое 4-летие новой Думы. Последовали вновь выборы гласных на 1877–80 гг., совершенно отличавшиеся от предшествующих; мещане и цеховые, недовольные тем, что при прошедших выборах они были в составе Думы в ничтожном меньшинстве, сплотились на этот раз всей силой. При появлении о том сведения, довольно позднего, стали приглашаться к участию в выборах и лица, принадлежащие к купечеству; но при отсутствии какой-либо организации и при неимении указаний, они, незнакомые с бывшими гласными Думы и достоинством тех или других лиц, свели выборы в значительной степени на сословную почву. Удовлетворительно прошел лишь 1-й разряд; в прочих же было поголовное избиение интеллигенции; многие старые гласные не прошли не только по 3-му, но и по 2-му разряду; в Думу вступила масса мещан и цеховых и уже не того пошиба, какой проявлялся в прежней Общей думе, а с резкими приемами и даже с претензией на ораторство; партия эта, действовавшая дружно с своими коноводами, была гласным В. Д. Аксеновым обозвана «текинцами»; кличка эта сохранялась за ними даже и в печати в течение долгого времени.

В городские головы был выбран изъявивший на то неожиданно согласие комм. сов. Сергей Михайл. Третьяков, только что перед тем утвержденный в должности старшины купеческого сословия.

Во время своей службы он держал себя с большим тактом; поддерживая хорошие отношения к местной администрации и пользуясь расположением в высших правительственных сферах, он в то же время твердо охранял достоинство городского управления. Служба его почти с самого начала ее совпала с нелегким временем

турецкой войны, вызывавшей со стороны городского головы и усиленный труд, и усиленные материальные жертвы. Не могу при этом не вспомнить о случае, происшедшем при самом объявлении войны. Манифест появился прежде всего в прибавлении к «Русским ведомостям» во вторник — день очередного заседания Думы; он был объявлен в этом заседании, встречен с большими овациями и вызвал тут же постановление о крупном пожертвовании; когда же Третьяков, тотчас после этого, явился к генерал-губернатору для доведения о том до его сведения, то князь Долгоруков сказал, что он не имеет еще официального извещения и что не следовало делать о том объявления Думе, прибавивши лишь: «Но победителей не судят». Как на одно из крупных дел главенства С. М. Третьякова можно указать на совершенное по его инициативе приобретение в собственность города Сокольничьей рощи, достижение чего стоило ему немало в различных отношениях, что далеко не всем известно; служба его в названное 4-летие прошла вообще благополучно.

Наряду с преобразованием городского управления последовало в 1863 году, как сказано выше, и изменение в управлении делами купеческого сословия.

В состав первых выборных вошло еще много лиц из бывших уполномоченных поверенных, которые за собою признавали исключительное право на вершение общественных дел. Между тем приходилось вводить новую организацию и на этой почве в самое первое собрание выборных произошло крупное столкновение между представителями старой и новой партий.

Так как по новому положению требовалось избрание делопроизводителя собрания выборных, обязанности которого ранее исполнялись письмоводителем Дома градского общества, то, предварительно этого, собранию было предложено определить размер жалованья по этой должности. Один из стариков, Иван Трифон. Прохоров

(казенный поставщик сукон), заявил, что он полагает назначить на это 300 руб. в год; но новый выборный Василий Степ. Марецкий стал объяснять, что, по современному положению дела, он находит это недостаточным, и предложил назначить 1000 руб. «300» подтвердил Прохоров, с небрежностью относясь к сделанному заявлению, «1000», повторил Марецкий; тогда Прохоров обратился к нему со словами: «Вы еще молодой человек (ему было 42 года); вам надобно слушать старших», на что Марецкий ответил, что он избран обществом в выборные и что «на старых лошадях воду возят». Такое неудачное выражение вызвало целую бурю. «Как, нас водовозками называют!», кричал Прохоров и просил записать о сем в протокол; в том же виде вторили ему и различные другие старики; произошла общая суматоха; сообщавшие об этом передавали, что недоставало общей свалки. Старшина Ф. Ф. Резанов едва мог успокоить собрание; буря стихла лишь после извинения, выраженного Марецким, но Прохоров более не посещал уже собраний. Жалованье все же было назначено в 1000 руб. — только несколько позже.

Претендентами на занятие этой должности явились: М. П. Щепкин, проводившийся Козьмой Терент. Солдатенковым и его единомышленниками, и Юлий Иван. Губер — кандидат другой партии, который и был выбран, причем указывалось на то, что Щепкин может помещать в газетах о происходящем в собраниях, чего вовсе не желалось. Последний взгляд сохранился до сего дня и, по указаниям практики, представляется вполне основательным.

Ф. Ф. Резанов был человеком хотя и цивилизованным, но с законами вовсе незнакомым, а потому разрешение дел в купеческой управе зависело всецело от письмоводителя Александра Аким. Надикто-Резунова, бывшего в этой должности еще в Доме градского общества, при нескольких градских головах; притом Резанов чрезвычайно

старался угождать представителям старой партии, и особенно людям богатым, а затем был не чужд желания получать награды, что связывалось с услужливостью тем, от кого зависело содействие этому; по окончании службы он был избран в председатели московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов, где пробыл до 1881 года и, следуя той же политике, достиг чина действительного статского советника и награды орденом Станислава 1-й степени, а за выставку 1882 г. — Анны 1-й степени.

При нем я был выбран на 1865 и 66-й года в гильдейские старосты Купеческой управы; служба эта представлялась самой пустой, заключавшись в сборе денег за выдаваемые гильдейские свидетельства, но на меня, так как я вмешивался в споры по применению разных законов, возлагалось, кроме того, исполнение обязанностей депутата при производстве следствий по делам лиц купеческого сословия, как это требовалось на основании прежних законов; благоволением со стороны Резанова я не пользовался.

В начале 1866 года произведено было вновь избрание выборных. В этот раз купечество не было разделяемо на участки; все выборы происходили сразу в помещении Мещанского училища; там они были назначены по неимению для того другого достаточно обширного помещения. Тут при выборах встретился следующий казус. Содержатели трактирных заведений при существовании новой Думы были подвергнуты более возвышенному, против прежнего, обложению в пользу города, а потому у них возникло намерение войти в число гласных Думы, а так как для этого необходимо было попасть вперед в число выборных и приобрести в собрании их силу, то трактирщики явились на выборы в большом числе и стали выбирать лишь кандидатов из их среды, действуя против всяких других, тогда как достаточной силы, по числу их, они все же не имели; поэтому громадное число предложенных

для выбора кандидатов было забаллотировано, в том числе многие из бывших выборных и вновь назначенных вполне достойных лиц. Выборы повторялись несколько раз с предложением новых кандидатов, вследствие чего пришлось набрать в конце таких, которые не попали бы при нормальном ходе дела ни в каком случае; но из трактирщиков не был выбран никто, так как они все были занесены на 1-ю баллотировку и на ней провалились.

В 1867 году на место Резанова вступил мануф. сов. Василий Михаил. Бостанджогло; он происходил из нежинских греков, служил перед тем заседателем в уголовной палате и считался законоведом, был человек весьма развитой и умный, но честолюбивый до крайности, желчный, с деспотическим характером; с ним приходилось многократно, из-за несогласия во взглядах, становиться в самые неприязненные отношения; когда же он был в веселом настроении, его всегдашней привычкой было подшучивание с употреблением различных острот, в нередких случаях весьма вульгарного характера; он старался придать Купеческой управе значение казенного учреждения, сам — казаться министерским чиновником; это было его идеалом. В квартире его находился всегда один из управских служителей в форменном костюме, как это в Петербурге практикуется у директоров департаментов; к генерал-губернатору В. А. Долгорукову являлся он по нескольку раз на неделе и потому был у него и в его канцелярии своим человеком; все это делалось с целью выслужиться для получения наград, ради чего он нередко в угоду администрации не жалел общественных средств. Его старшинство совпадало как раз с поступлением к купеческому обществу многих крупных пожертвований (что преимущественно зависело не от него, а от времени смерти жертвователей), а это давало ему большую возможность действовать сказанным образом; выборные смотрели на него как на образцового представителя сословия.

К раболепствовавшим перед ним он относился в покровительственном духе, обращался с ними на «ты» и они пользовались его расположением.

В начале 1869 года состоялось новое избрание выборных купеческого сословия. В это время деспотический образ действий В. М. Бостанджогло уже был для многих весьма ощутителен; произволу же его содействовал в значительной степени состав выборных, в среду которых, вследствие неудачного исхода выборов 1866 года, попали многие раболепно относившиеся к нему лица. Поэтому мною, по соглашению с некоторыми другими выборными, было задумано провести при новых выборах свежий, более самостоятельный элемент, тем более что выборы эти следовали за пересмотром тарифа 1868 года, в котором мне пришлось принять активное участие и привлечь к себе этим довольно большой кружок единомышленников, заинтересовавшихся ходом общественных дел вообще. Надобно сказать, что по окончании службы в Купеческой управе я был выбран тотчас же (в 1867 году) по собственной охоте в состав торговой депутации, в которой занял место председателя. Торговая депутация, состоявшая при Думе, помещалась тогда в мезонине в доме графа Шереметева, занимая 2 комнаты — одну для присутствия, а другую для канцелярии; рядом же с последней помещалась канцелярия трактирной депутации, которая для собраний членов ее (а она была весьма многочисленна) не имела особого помещения и занимала для того присутственную комнату торговой депутации. В среде содержателей трактирных заведений, потерпевших неудачу при выборах 1866 г., существовало негодование против купеческих представителей, а потому, сблизившись с трактирщиками по общности занимаемого помещения, я решился сойтись с ними для поддержки кандидатов, которых намеревалась провести наша партия, равно как и тех, которых, с целью

попасть затем в гласные Думы, желали выдвинуть из среды своей содержатели трактирных заведений. Подготовка эта шла весьма осторожно и совершенно негласно; но председателем трактирной депутации был тогда владелец Новотроицкого трактира Александр Иван. Морозов, человек молодой и недостаточно опытный. По получении от него указаний кандидатов, предлагаемых в выборные из среды трактирщиков, мною были сообщены ему списки лиц, избрание которых было вообще желательным; он же, по своей неосторожности, предложил эти списки на рассмотрение в собрании членов трактирной депутации. А это повело к тому, что один из присутствовавших, увидавший незанесение в эти списки некоторых знакомых ему лиц, поспешил сообщить о том последним, которыми было доведено об этом до сведения Бостанджогло, и им, через письмоводителя Резунова и служащих купеческой управы, были приняты меры к побуждению его сторонников принять участие в выборах для противодействия встреченному им направлению. Об этом со стороны Бостанджогло было передано и князю Долгорукову (он меня тогда не знал), и, как передавалось, там возбуждался даже вопрос об удалении меня на время выборов из Москвы; но Бостанджогло этого побоялся. Несчастного Морозова запугали до крайности угрозой привлечь к суду за допущение к рассмотрению дела, до трактирной депутации не относившегося; то же было внушено и его сторонникам. Выборы эти, как и все последующие, происходили сразу в помещении Купеческой управы. Я был выбран весьма невысоко, из новых наших кандидатов попали немногие, кандидаты, указанные трактирной депутацией, провалились все, в том числе и председатель ее; но по инициативе Бостанджогло был избран из трактирщиков в выборные, поступивший затем и в гласные Думы, лишь Борис Гавр. Дубровин, безгласная личность — содержатель трактира

«Саратов» у Сретенских ворот, пользовавшегося репутацией особого рода; он был близкий человек к письмоводителю Резунову.

Прослуживши 4-летний срок, Бостанджогло согласился, или, вернее, выразил желание остаться далее, и в 1871 году был выбран на новое 4-летие, которое прослужил тем же порядком. Целью его было удовлетворение честолюбия; имевши при поступлении в старшины только Станислава в петлице, он в течение 8-летней службы достиг уже Владимира на шее и чина действительного статского советника, что для купцов было редким явлением, но этого для него было мало — недоставало ленты. Честолюбие его было настолько велико и смешно, что, когда он получил чин действительного статского советника, в журналах Купеческой управы, им подписывавшихся, он стал означаться «его превосходительство г-н старшина В. М. Б.»; то же стало писаться и в приговорах собраний выборных; затем для усиления средств к дальнейшему ходу по наградной лестнице он, вследствие близости отношений его к генерал-губернаторскому управлению, поступил в члены состоявшего под председательством генерал-губернатора Попечительного совета заведений общественного призрения, в котором должности занимали исключительно чиновники (должность была IV класса). По этой службе на него было возложено управление Преображенским домом умалишенных, причем, конечно, имелось в виду в таком управляющем найти жертвователя на нужды заведения, хотя В. М. Бостанджогло к пожертвованиям из собственных средств пристрастия не имел (он располагал хорошими средствами; семейство же его состояло лишь из жены, которая проживает уже весьма давно безвыездно за границей). Это я привожу для указания одного эпизода из его изворотливости, к какой он прибегал во время своей деятельности. Однажды в вагоне Нико-

лаевской железной дороги мне пришлось услыхать рассказ какого-то состоящего при московском генерал-губернаторе офицера (оказавшегося Вишневским — известным устроителем комитета «Христианская помощь») о том, что в управляющие Преображенским домом назначен пожалованный недавно в действительные статские советники из купцов Бостанджогло и что рассчитывается на его крупные пожертвования на нужды заведения. Это я передал Бостанджогло, выразивши мое удивление таким расчетам (тогда отношения мои с ним были хорошие), но я стал следить за тем, не вздумал бы он отделить на это какую-либо сумму из общественных средств, в которых избытка не было ввиду выдвигавшихся различных потребностей. И вот к какому прибегнул он ухищрению. Ранее того умер коммерции советник Константин Абрамович Попов, отказавший Купеческому обществу значительный капитал, причем он завещал все остальные, за указанными им назначениями, суммы предоставить Купеческому обществу на устройство дома для бесплатных квартир (он построен на Якиманке) и другие благотворительные цели по усмотрению общества.

Таких остальных сумм, сколько помнится, оказалось с чем-то 150 тыс. руб., и В. М. Бостанджогло заставил душеприказчиков К. А. Попова (ими были: муж его сестры Александр Влад. Алексеев, человек безгласный, подчинявшийся вполне его влиянию, и Алексей Иван. Абрикосов, состоявший членом совета Практической академии, попечителем коей был князь Долгоруков, в удовольствие которому он был готов сделать все, что угодно) подать заявление о том, что покойный весьма сочувствовал деятельности Преображенского дома, и потому они просят отделить из остальной суммы 30 или 10 тыс. руб. на переделку иконостаса в церкви того дома и исправление какой-то мебели. Хотя К. А. Попов ничего о том в завещании не

упомянул, тогда как им было перечислено много разных учреждений, но так как навести о том справку было уже невозможно, а возражение Бостанджогло влекло за собой лишь бесцельное обострение отношений, тем более что большинство в среде выборных противоречить ему не осмеливалось, такое предложение было молчаливо принято.

Прошло второе 4-летие; в начале 1875 года предстояли новые выборы. Бостанджогло перед тем захворал весьма серьезно; высказывалось, что положение его безнадежно; тем не менее он выразил желание быть баллотированным вновь и был выбран.

Присутствуя на этом собрании, он едва мог говорить почти шепотом; вскоре после того болезнь его приняла худшее направление; была сделана операция горла и вставлена металлическая трубка; более он уже не покидал своей квартиры; летом он был отправлен в Ментон. В августе Государь был в Москве и присутствовал при закладке Исторического музея; В. М. ждал очень получения следующей награды, т. е. звезды, как это бывало при царских посещениях Москвы; но в этот раз в наградах было отказано, и это его очень огорчило. Однако же кн. Долгоруков ее вскоре выхлопотал ему и, как говорили, с него больного за границей был снят фотографический портрет с этим украшением: настолько страдал он орденоманией. Но в ноябре следующего 1876 года его не стало; тело его было привезено в Москву и погребено в церкви Алексеевского монастыря. В должность старшины купеческого сословия вступил тогда вместо него бывший кандидат к нему Сергей Михайл. Третьяков, исправлявший уже эту должность более года, но состояние его старшиной было крайне недолгим, ибо на 4-летие с 1877 года он был избран в городские головы, а так как кандидата в старшины уже не было, то на остававшиеся 2 года были произведены новые выборы, по которым должность эту занял состоявший товарищем его

Сергей Влад. Алексеев, а в товарищи поступил Владимир Влас. Щенков. С. В. Алексеев был человек в высшей степени добрый, находившийся со всеми в лучших отношениях; в жизни своей едва ли причинил он кому-либо действиями своими не только вред, но даже неудовольствие; несмотря на краткость службы его в должности старшины, на его долю выпала немалая тягость, зависевшая от военного времени 1877 и 78 гг., которое требовало усиленных занятий и вызывало различные служебные неприятности.

Следующим крупным преобразованием, привлекшим к деятельности общественные силы, явилось введение земских учреждений по положению, утвержденному 1 января 1864 года; но в учреждениях этих я никогда участия не принимал и потому действий их в подробностях касаться не могу; одно могу высказать, что, как видно из повсеместной практики, они едва ли достигли той цели, с какой были введены — привлечь население к самодеятельности для улучшения местного хозяйства и удовлетворения местных потребностей. С самым возникновением их явились новые значительные расходы, вызвавшие новые обложения; при этом стремление земств в местностях промышленных направилось преимущественно на усиленное, нередко доходящее до чрезвычайных размеров, обложение фабрик и заводов; такие действия уже с самого начала стали вызывать жалобы, не прекращающиеся до сего времени; земства же, с расширением своей деятельности, стали увеличивать обложение все более и более; расход на одно содержание их, которого до введения их вовсе не существовало, представляется громадным.

С учреждением уездных земств явились, сверх существовавших государственных и губернских земских повинностей, уездные. Разумной умеренности не было никогда; так, Московское уездное земство на первый год своей деятельности составило смету в 120 тыс. руб., назначив в том

числе на одно содержание Управы 30 тыс. руб. По несогласию губернатора смета эта была урезана до 30 тыс. руб. с определением на содержание Управы 10 тыс. руб.; аппетиты желавших заняться земской деятельностью разыгрывались чрезвычайно. Хотя, по земскому положению, фабрики и заводы были показаны как предметы обложения в числе недвижимых имуществ, тем не менее земства с самого начала стали измышлять способы к особому обложению их по их действиям. Так, со стороны Московской губернской управы было придумано выработать мерила для обложения различных производств; первым председателем ее был, как выше уже сказано, Дмитрий Алекс. Наумов, человек весьма вкрадчивый; ему удалось поселить в среде некоторых земских гласных из промышленного мира мысль, что земство, если оно будет заинтересовано в ходе промышленных заведений, будет оказывать сильную помощь удовлетворению потребностей промышленности: в этих видах уже в 1866 году были приглашены в Губернскую земскую управу фабриканты, и им было предложено разработать сказанный способ обложения. С этой целью была составлена из среды их комиссия, председателем которой был выбран я; но по разностороннем рассмотрении дела осуществление предположения Земской управы оказалось невозможным и несоответствующим требованию закона; на том и окончилась деятельность комиссии. После того, в 1867 году, так как земства продолжали ухищряться облагать фабрики по объемам производства, мною было составлено по этому предмету прошение, которое от имени фабрикантов поступило через Биржевой комитет в Министерство финансов. Результатом этого было разъяснение Государственного совета, что при обложении фабрик и заводов должна быть принимаема лишь ценность и доходность занимаемых ими помещений, не касаясь объема их оборотов; но земства не удовлетворились этим и,

находя, что фабрики без орудий немыслимы и что в разъяснении Государственного совета о последних не упоминается, начали облагать машины, как принадлежность фабрик по закону; в этом они добились какого-то истолкования Сената, и так продолжается борьба в этом направлении между земствами и промышленностью и до сего дня. Можно безошибочно сказать, что отношения земств к промышленности были всегда враждебными и что по времени они не улучшились, а значительно ухудшились.

Земские деятели учреждение земств считали ступенью к дальнейшим преобразованиям в государственном строе; поэтому в образе их действий с самого начала стала обнаруживаться либеральность, хотя и не могущая быть сравниваемой с той бесшабашностью, которая со стороны многих из них была проявлена в самое последнее время. Тем не менее, вследствие такого направления и выхода за пределы принадлежащих прав, земские учреждения в Петербургской губернии были 16 января 1867 года совершенно закрыты (до 7 июля т. г.). Направлению этому содействовало веяние того времени, господствовавшее в высших слоях; так, еще ранее, московским губернским Дворянским собранием, бывшим в начале января 1865 года, был составлен всеподданнейший адрес, в котором было изложено ходатайство о предоставлении сословиям права иметь избранных представителей у Престола. Самое собрание на основании подысканных поводов было признано недействительным и все его постановления были отменены, и по поводу этого последовал известный Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел Валуева от 29 января того года, в котором было выражено, что «ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий; никто не призван принимать на себя, перед мною ходатайство об общих пользах и нуждах государства».

Военный генерал-губернатор Офросимов, пропустивший этот адрес, вынужден был выйти в отставку.

Неумеренность дала и тут регрессивный толчок делу.

Большой интерес в среде общества был возбужден точно также преобразованием судебной части. С появлением первых сведений об утверждении основных положений предположенного преобразования, появившихся в «Московских ведомостях» в лаконической форме словами «гласный суд, мировые судьи, суд присяжных», напечатанными заглавным шрифтом (те учреждения, которые впоследствии стали предметом всевозможного измывательства со стороны тех же «Московских ведомостей»), вызвали массу разговоров о предстоящем введении порядка, дотоле небывалого, существующего в иностранных государствах. Между тем еще до введения новых судебных уставов в действие было допущено, как бы в виде подготовки, гласное рассмотрение уголовных дел, хотя такое рассмотрение совершенно отличалось от нынешнего и допускалась лишь защита при посредстве адвокатов, самые же решения не объявлялись, тем не менее открытые на этом основании в Московской уголовной палате заседания привлекали массу посторонних слушателей; настолько интересным представлялось такое нововведение; 4 декабря 1865 года было первое публичное заседание по делу Костырко-Стоцкого.

Мировые судьи были избраны Думой в конце 1865 года; открытие судебных учреждений последовало в 1866 году; при этом был сформирован потребный комплект присяжных поверенных. Надобно заметить, что до того времени существовало 2 рода адвокатов — частные стряпчие, как принимавшие клиентов у себя на квартирах, так и толкавшиеся около присутственных мест у Иверской часовни, а затем присяжные стряпчие, состоявшие при Коммерческом суде; в числе последних было несколько лиц, занимавшихся лишь крупными делами и пользовавшихся в

суде известным авторитетом; большая же часть принадлежала к мелкотравчатым, отчасти даже только числившимся про всякий случай в этой должности; но все они занимались делами тяжебными, имевшими основанием письменное производство, и если выступали для судоговорений в Коммерческом суде, то это ограничивалось более или менее краткими объяснениями; к публичной защите, да еще в делах уголовных, практики у них вовсе не имелось. Между тем некоторые из них вошли в число присяжных поверенных при открытии деятельности последних, и многим по совершенной непригодности пришлось вскоре отретироваться от этой деятельности.

Новый суд чрезвычайно интересовал публику; посторонние лица просиживали в заседаниях гражданского отделения окружного суда даже при разборе дел, которые не заслуживали никакого внимания, настолько это, по новости своей, возбуждало общее любопытство, особенно выражавшееся в заседаниях уголовных, когда они начались с участием в них присяжных заседателей. Первым председателем окружного суда был Елисей Елисеевич Люминарский (впоследствии председатель Департамента судебной палаты), бывший ранее обер-секретарем Сената; он был высокого роста, голос имел протодьяконский, отправление председательских обязанностей совершал как какое-то священнодействие, не допускающее никаких внешних формальных отступлений. Так, перед выбором присяжных заседателей он, кладя билеты с именами заседателей, произносил во всеуслышание: «опускаю билеты в урну», а затем, перемешавши их, вновь говорил: «вынимаю из урны»; все это носило в тоже время какой-то театральный характер; подражали ему и его товарищи Синеоков-Андриевский (имени не знаю; помню, что он носил темно-синие очки), Николай Серг. Арсеньев, ранее бывший председателем в Московской уголовной палате, человек

чрезвычайно вспыльчивый, и Петр Антон. Дейер, заменивший Люминарского после его перехода в палату (в настоящее время первоприсутствующий в особом присутствии Сената по государственным преступлениям). Первым председателем судебной палаты был Александр Никол. Шахов, бывший ранее обер-прокурором Сената, пользовавшийся безукоризненной репутацией, а прокурором палаты — Дмитрий Александр. Ровинский, бывший ранее московским губернским прокурором, впоследствии сенатор и известный собиратель лубочных картин. Весь состав новых судов был сформирован желательнейшим образом из людей опытных, имевших возможность поставить новое дело на надлежащую дорогу. К сожалению, как и в других областях тогдашней деятельности, суд присяжных мало-помалу стал сбиваться с должного пути; стала проявляться либеральность, которая повлекла за собой последовательное сокращение принадлежавших этому суду прав и доведение его до настоящего состояния. И тут поводом явилась неумеренность в пользовании предоставленными правами.

Вторые выборы мировых судей были произведены уже в бытность мою гласным Думы; в составе их произошла некоторая перемена, объяснявшаяся отчасти оказавшеюся недостаточною способностью выбранных лиц, отчасти другими соображениями; так, например, помню следующее обстоятельство. В числе почетных мировых судей 1-го выбора был отставной гвардии полковник Борис Александр. Нейдгардт (впоследствии бывший почетным опекуном), человек нрава крутого; на него было возложено заведование арестным домом — «Титовкой». И вот представился такой случай: на Варварке существовал дом, принадлежавший дворянину Чарторижскому; в доме этом были разные жильцы; вследствие неплатежа одним из таких жильцов наемных денег и неочищения квартиры, Чарторижский, не обратив внимания на то, что введены

новые судебные уставы и что условия жизни изменились, распорядился выставить в этой квартире оконные рамы, как это можно было делать ранее. Но возникло дело о самоуправстве, и от ареста спасения не было, приговор подлежал исполнению, и тут Нейдгардт применил к нему неупустительно все установленные для подвергаемых заключению меры, облекши его в подлежащую хламиду и подчинивши его введенному в «Титовке» общему режиму. Это возбудило против него дворянскую думскую партию и, при ее старании, он при этих выборах был забаллотирован.

При следующих выборах мировых судей в 1871 году вступил в число почетных мировых судей и я, и был таковым в течение 10 лет; деятельность моя по этой должности была ничтожна; я бывал иногда в распорядительных заседаниях мирового съезда, а в судебных заседаниях участвовал лишь в определенный день недели в летнее время, когда мировые судьи находились в отпуске и занятия распределялись между наличным составом.

Прежде нежели говорить о других происшествиях рассматриваемого времени, не могу не сказать о тех обязанностях по общественной службе, которые на меня возлагались, и о том, что мною было при этом встречаемо.

Окончивши двухлетнюю службу старостой в Купеческой управе, я по собственному желанию был тотчас же выбран в торговую депутацию, которая тогда представлялась самостоятельным учреждением и служба в ней считалась довольно высокой, будучи замещаема по закону купечеством 1-й гильдии; тут я был избран из среды 7 составлявших ее лиц председателем. Надобно сказать, что предместники наши были люди в законоведении неопытные и с делопроизводством вовсе незнакомые, поэтому там сверх штатного секретаря, получавшего 420 руб. в год, был еще частный делопроизводитель, которому платилось присутствующими из собственных средств 900 руб.; эту

обязанность исполнял какой-то старец, сидевший там много лет и считавшийся необходимым руководителем, как он новому составу депутации был отрекомендован нашими предшественниками. Я решился избегнуть этого расхода и уклониться от пользования услугами предложенного руководителя. Сначала мои товарищи опасались того, что мы не справимся без такого лица, но это забылось ими весьма скоро, так как надобности в нем никакой не встретилось. Затем канцелярия состояла из 3 писцов, получавших жалованья по 180 руб. в год. На содержание депутации Думой отпускалось всего 1500 руб., остальное употреблялось на печатание ведомостей для производства ревизий и письменные расходы; естественно, что служащие должны были питаться поборами с обращавшихся по разным делам лиц и с рядских старост, которых было в ведении депутации человек, думаю, 40. Так как незадолго перед тем было введено новое положение о пошлинах за право производства торговли и промыслов 1865 года и потому возникали разные недоразумения, то переписки было довольно много, тем более что Распорядительная дума, которой депутация была подчинена, была пристрастна к письменности. Я сократил расходы введением печатных бланков, сообщением ответов на бумагах, содержавших запросы, и переложением обязанности заготовлять ведомости на рядских старост, получавших вознаграждение от торговцев, существовавшее под названием «подможных». Это дало возможность возвысить жалованье секретарю до 600 руб., а писцам до 300 руб., с ограничением числа последних двумя лицами и избежанием при этом надобности в каких-либо расходах со стороны членов депутации на содержание канцелярии. Занятия торговых депутатов, заключавшиеся в производстве поверки торговых документов вместе с чиновниками казенной палаты, составляли деятельность внешнюю, требовавшую от них странствова-

ния по городу; в самое присутствие депутации, бывавшее по вторникам и пятницам, они собирались лишь по мере надобности; я же, произведши в первый год службы поверку Городской части, хотя и самую большую по количеству заведений, но сосредоточенную на небольшом пространстве, в остальные годы этим не занимался, ограничиваясь занятиями в присутствии.

Служба в торговой депутации не имела значения в общественном отношении; депутаты представлялись, в искаженном смысле этого слова, представителями интересов казны одинаково, как и прикомандировывавшиеся к ним чиновники. Я пошел в эту службу лишь для того, чтобы сократить произвол последних, особенно начавший проявляться с изданием нового положения, дававшего место разнообразным толкованиям, тем более что в чиновном мире существовал взгляд на купеческих представителей, как на лиц, не могущих знать и даже понимать требований закона, как на слепых исполнителей указаний чиновничества. Так это было ранее, а потому и укоренилось в общем сознании; притом чиновники держались правила составлять возможно более протоколов об обнаруженных ими нарушениях, так как, с одной стороны, они этим могли выказывать перед начальством свою деятельность (она определялась количеством обнаруженных нарушений), а с другой — они были заинтересованы материально в сумме наложенных штрафов. В этом отношении мне пришлось достигнуть цели, хотя и возбудить неудовольствия чинов палаты. Удалось доказать на деле, что представители купечества одинаково, как представители казны, могут обладать знаниями законов и что поверка возлагается на депутатов, чиновники же палаты являются лишь наблюдателями за производством ее. По этому предмету было возбуждено мною пререкание с самой казенной палатой, настояниям которой я не подчинился, и палата уступила.

Такой образ действий, равно как и то, что мною были составлены довольно подробные замечания по поводу различных недоразумений, вызываемых новым положением (чего ранее не существовало), было шагом к совершенному изменению со стороны казенной палаты существовавшего дотоле взгляда на выбранных из купечества лиц и к сближению моему с начальством палаты. При вступлении моем управляющим палатой был князь Юрий Александрович Оболенский (из круга славянофилов), с которым я тогда знаком не был, так как дел никаких до него не имел; затем его заменил Николай Яковлевич Макаров, перешедший из вице-директоров департамента неокладных сборов (впоследствии он был товарищем управляющего государственным банком), человек в высшей степени добросовестный и деликатный, с которым мне пришлось близко познакомиться и о котором у меня сохранилось самое хорошее воспоминание.

При окончании первого года службы моей в торговой депутации были назначены выборы в члены Коммерческого суда, и вот у меня явилось желание попасть в эту должность. Служба в Коммерческом суде считалась весьма высокой, равной со службой в палатах, притом неответственной, а потому в нее выбирались прежде прослужившие уже в более трудных должностях или пользовавшиеся протекциями; желание мое не откладывать поступления до следующего времени выборов исходило и из того, что тогда уже был возбужден вопрос о применении к коммерческим судам новых судебных уставов и о слиянии их с общими судебными местами, а так как в это время мне уже пришлось выдвинуться в разных работах по общественным делам и отношения мои к старшине Бостанджогло были тогда гладки, то я был выбран с условием не оставлять, до окончания 3-летнего срока, службы в торговой депутации. При выборе я вышел 2-м по числу баллов,

вследствие чего поступил в 1-е отделение суда, которое считалось лучше, потому что в нем присутствовал сам председатель; заседания в 1-м отделении происходили по понедельникам и четвергам и соединенные обоих отделений по средам, а потому это давало мне возможность по вторникам и пятницам заниматься в торговой депутации.

Общественные работы, которые мне приходилось исполнять и которые содействовали моему избранию, кроме работ по таможенным тарифным делам, о чем будет сказано ниже, заключались в следующем. В 1866 году от купеческого общества была потребована присылка 3 лиц для участия в комиссии, учрежденной при 2-м отделении собственной Его Величества канцелярии при рассмотрении составленных проектов вексельного устава и главных оснований производства дел о несостоятельности. Надобно сказать, что проект вексельного устава был ранее того (в 1862 году) присылаем на обсуждение биржевого купечества; это был первообраз устава, получившего 2 года назад утверждение. Собрание выборных купеческого сословия решило просить о передаче ему составленных проектов на предварительное рассмотрение, объясняя, что оно затрудняется снабдить избранных лиц потребными указаниями. Хотя на это и последовало согласие, но назначенное обсуждение проекта вексельного устава в комиссии под председательством товарища главноуправляющего 2-м отделением Д. М. Сольского (теперь графа, председателя Департамента экономии Государственного совета) состоялось, для чего были посланы лица, к числу выборных не принадлежавшие: Павел Вас. Осипов — доверенный Бавыкина, фигурировавший в то время как один из устроителей вспомогательного общества приказчиков и как знающий недостатки вексельного устава по сношениям с иногородними покупателями, затем Василий Ил. Усков, считавшийся в глазах оставшихся старых выборных, имевших еще значение, каким-то

юристом, так как он при отце своем занимался письмоводством по ведению конкурсных дел; к ним присоединили еще Василия Александр. Кокорева в тех видах, что он в Петербурге знал все ходы. Совещание это ограничилось лишь обсуждением некоторых главных вопросов, возбуждавшихся новым проектом вексельного устава; вслед же за этим оба проекта были переданы на обсуждение купеческого общества; для этого собранием выборных была составлена комиссия, особая от существовавших. Надобно заметить, что тогда в комиссиях, согласно установленному в Общей думе порядку, избирался всегда, кроме председателя, из среды членов делопроизводитель, и вот в эту комиссию председателем был избран Максим Ефим. Попов, состоявший в то время членом Коммерческого суда, человек ловкий как торговец, но образования не получивший и потому, конечно, с письменной частью незнакомый; делопроизводителем же был назначен я (однородная с этим обязанность была на меня уже возложена и по комиссии о пользах и нуждах). Попов, сомневавшийся в силах комиссии для составления надлежащих замечаний по такому делу, пригласил к участию также председателя Коммерческого суда Александра Вас. Назарова и его товарища Илью Алекс. Сусорова; но сомнения эти рассеялись тотчас же, так как комиссия показала свою способность к самостоятельной разработке таких вопросов; вся работа выпала в этом случае на мою долю; совместные же занятия эти познакомили меня довольно близко с представителями Коммерческого суда.

Как шли дела в Коммерческом суде ранее, я точно не знаю; но, видимо, там главное значение при решении дел имел взгляд председательствующего, как законоведа, хотя в последнее перед тем время уже начали появляться в числе членов лица, выступавшие с самостоятельными взглядами, такими были, например, как мне передавал Василий Дмитр. Аксенов, ранее Федор Иван. Черепахин, а позднее

Иван Иван. Четвериков и, наконец, сам он. Надобно заметить, что, со времени учреждения суда, члены, по закону, не отмененному доныне, избирались всегда на 4 года, сменяясь в половинном составе, так что при каждом выборе оставалась половина старых членов; порядок этот отменен в последнее время совершенно произвольно.

При моем вступлении в 1-м отделении оставались: упоминаемый выше М. Е. Попов, хотя человек весьма толковый, но очень преклонявшийся пред мнением председателя, и Михаил Илиодор. Ляпин, получивший надлежащее образование и бывший в состоянии отстаивать свои мнения, при способности разобраться в законах, но не всегда прилагавший это к делу. Новыми членами вступили: старший по избранию Никандр Матв. Аласин; это был человек, бывший ранее хлебным торговцем из мелких, затем расстроившийся и промышлявший, как говорили, в качестве свидетеля в присутственных местах, но в последнее перед тем время высудивший после своего родственника, Вольского торговца Курсакова, большой капитал и потому начавший являться представителем единоверцев (на постройку новой единоверческой церкви на Рогожском кладбище им было употреблено, по тогдашним слухам, до 200 тыс. руб.); он был метеором, ибо лет через 10 он уже нуждался в деньгах, а потом занимал по мелочам у знакомых и умер лет 10 назад в совершенной бедности, состоя под конкурсом; при выборе в Коммерческий суд он считался, вследствие его судбищ, законником; таким он себя и представлял в суде, тогда как понимал очень немного; младшим из новых членов был я.

Во 2-м отделении оставались от прежнего выбора: Семен Вас. Перлов — человек благодушный, но в судебных делах несведущий, и Сергей Петр. Карцев, получивший образование, бывший в состоянии разбираться в вопросах о применении законов и имевший самостоятельные убеждения. Новыми вступили: Валентин Констант. Крестовников,

также весьма образованный и имевший возможность хорошо понимать подлежащие разрешению суда дела, и Павел Михайл. Рябушинский, хотя и не получивший образования, но способный усваивать суть дел и вообще весьма толковый и стойкий.

Таким образом, состав суда был, в общем, весьма удовлетворительным. Председатель А. В. Назаров, происходивший из московского купечества, имел в среде крупного купечества большое знакомство и пользовался как с его стороны, так и со стороны членов суда, большим уважением; И. А. Сусоров был также сыном московского купца и был в хороших отношениях с членами. Жизнь в суде носила до известной степени патриархальный характер; состоявшие при суде лица, снискивавшие расположение А. В. Назарова, признавались безапелляционно вполне добросовестными; о недостатках суда или о каких-либо злоупотреблениях не могло быть и речи, если этого не усматривало ближайшее начальство, а сего не бывало никогда. Секретарем 1-го отделения был Орлинков (Матвей Матв.), весьма способный, человек еще довольно молодой, умевший весьма обстоятельно излагать решения, хотя этим он упражнялся лишь относительно исключительных дел; помощником его — Андреев (Василий Сем.), старый служащий из заурядных; начальником стола по словесной расправе был Некрасов (Мих. Дм.), немного не заставший открытия суда; он писал решения и докладывал их, знал наизусть, где в XI томе — на какой странице, вверху или внизу, помещается та или другая статья, которая требовалась для применения; начальник стола по письменному, в том числе конкурсному, производству — Бецеволенский (Петр Мир.); это была безобразнейшая, с огромным брюхом, фигура, на которой сидела вросшая в туловище голова, имевшая вид полнолуния (надобно заметить, что в то время почти все чиновники суда были гладко бритыми); вся грудь его была постоянно покрыта нюхательным табаком; докла-

дывал дела он, всегда задыхаясь и воздевая глаза кверху; это был ревностный покровитель конкурсных дел мастеров. Все эти чины пользовались благоволением председателя.

Во 2-м отделении секретарем был молодой человек Покровский (Александр Ник.), по виду не подходивший к другим служащим, но, под влиянием существовавшей атмосферы, подчинившийся ее влиянию; помощником его состоял тогда Постников (Фед. Гер.), впоследствии бывший секретарем, а затем до смерти членом вексельного отделения; человек он был толковый, но довольно грубый, знавший дело свое во всех отношениях; начальником стола по словесной расправе был, кажется, Межецкий (имени не помню), а по письменному производству — Фивейский (Пав. Ник.); это был безжизненный экземпляр, сидевший там давно и знавший все тонкости крючкотворства; был еще экзекутор Авилов — совершенная древность; находился он там со времени открытия суда; пристав Лицынский, умевший за надлежащее воздаяние вручить повестку кому угодно, хотя бы даже мертвому; наконец, его помощник Палубинский (Ст. Ст.), умерший не особенно давно в роли пристава; это был тогда молодой человек, бывший искусным в делании разных фокусов. Фаланга всех этих лиц проходит перед глазами при этом воспоминании. Происхождение их, а потому и род образования, которым они обладали, виден из их фамилий.

Конкурсные дела затягивались на нескончаемое число лет; было, например, такое дело известного в свое время фабриканта мануфактур-советника Ивана Петр. Кожевникова, которое длилось чуть не 30 лет. Принадлежавшие Кожевникову Леоново, Свиблово и Лихоборы назначались в продажу многократно в течение многих лет; но каждый раз первые торги не могли состояться, и тогда все дело отсылалось в губернское правление для переоценки имущества, в чем проходило полгода и более, затем назначались

новые торги, при которых происходило то же, и все это повторялось бы без конца, если бы член суда Ляпин, знакомый с порядком производства торгов, не обратил на это внимания (это было перед моим вступлением) и не настоял на назначении переторжки без новой переоценки; тогда дело было покончено. Этот конкурс давал канцелярии суда доход в течение такого долгого времени, как было слышно, в несколько тысяч рублей в год; потерять его было нежелательно. И. П. Кожевников был истомлен судом; числа жалоб, поданных им в Сенат, а затем переходивших на рассмотрение общего собрания, я не помню; но оно было огромно. Вопрос о свойстве его несостоятельности был рассматриваем судом при мне; ввиду тех пыток, которые ему пришлось вынести, я настаивал на признании его несчастным; но А. В. Назаров указывал на то, что это даст ему повод начать иск с суда; он же вынес уже 2-летнее заключение и потому признание его неосторожным не будет иметь для него последствий; члены в угождение согласились с этим.

Я уже говорил ранее, что при Коммерческом суде состоял организованный штат присяжных стряпчих; в числе их некоторые пользовались особой известностью и расположением со стороны председателя, а через то и со стороны угодливых членов. Такими были, например, Алексей Алекс. Имберх, он был статским советником, а потому, когда он представлял собою тяжущуюся сторону, председатель предлагал ему, по закону, садиться (для чего было одно кресло) и объясняться сидя, хотя бы другая сторона и оставалась на ногах; но он из приличия не пользовался этим; Михаил Вас. Аристов, объяснявшийся кратко и убедительно, личность темная; Павел Иван. Архипов — старинный стряпчий, в мое время лично не занимавшийся уже делами, передавший это сыну Николаю Павловичу; Владимир Тимоф. Федоров — довольно древний; Алек-

сандр Дмитр. Лютер — поверенный преимущественно иностранцев, говоривший с большим акцентом; Бронислав Урбан. Бениславский — весьма дельный адвокат, и некоторые другие.

Трудно бывало тяжущейся стороне, когда ее представлял поверенный из малоизвестных или сам тяжущийся, а на другой стороне был один из таких пользовавшихся авторитетностью стряпчих; тут приходилось напрягать усилия для поддержания слабо представленной, хотя и правой, стороны, а такие случаи бывали.

Посторонних слушателей в заседаниях не бывало, хотя в то время уже возник вопрос о допущении их; исполнить это не было средств, так как возле присутственных помещений никаких других, в которые было бы возможным выходить для обсуждения и решения дел, не существовало, поэтому в присутствии поддерживался вообще семейный характер; знакомые лица, в том числе присяжные стряпчие, а также и служащие при обращении к ним председателя, назывались по имени и отчеству, а не так, как это делается теперь в общих судебных местах.

По прошествии двух лет — с 1870 года вступили выбранные новые члены: в 1-е отделение — Николай Козьм. Бакланов, имевший полную способность разбираться в подлежавших рассмотрению делах и применении к ним законов, и В. И. Усков, о котором упоминалось выше; это был член, знакомый лишь из своей раннейшей практики с крючкотворством по конкурсному производству; а во 2-е отделение — Петр Алекс. Бахрушин, человек толковый, но необразованный, и Николай Александр. Мусатов, человек более развитый.

Надобно сказать, что в то время существовал обычай при окончании службы делать со стороны выходящих членов обед, на который приглашались остающиеся члены и вновь вступающие, а также председатель, товарищ его,

секретари и их помощники; такой же обед давался всеми членами ежегодно 10 октября в день открытия Коммерческого суда. Сохранился ли этот обычай, в прежнее время традиционно поддерживавшийся, не знаю.

Служба в Коммерческом суде была для меня не совсем легкой потому, что она требовала обязательного высиживания в суде в течение определенного времени, а время это, продолжавшееся вообще от 12 до 4 часов (в настоящее время как слышно, заседания затягиваются иногда до 9 часов) совпадало как раз с тем временем, когда было нужно навещать своих покупателей, и хотя одному члену можно было всегда отсутствовать, не нарушая потребного для состава присутствия числа; но этого нельзя было делать без предварительного соглашения, а надобность в отсутствии возникала неожиданно. В последнем 1872 году я, по случаю новых занятий в Торговом банке, по необходимости суда не посещал.

При перечислении служб я не стану здесь касаться тех, которые занимаю до сих пор; о них и связанных с ними обязанностях речь будет ниже; здесь же скажу в заключение, что с 1875 года в течение 4 лет (двух выборных сроков) я, по избранию Купеческого общества, состоял членом учетного комитета московской конторы Государственного банка. Комитет собирался тогда 2 раза в неделю — по вторникам и пятницам; члены делились пополам, так что каждому приходилось бывать один раз в неделю; занятие было нетрудное, исключая времени крушения Коммерческого ссудного банка, когда число заседаний было увеличено до 3 и доставалось высиживать с 1 до 5 часов. Контора Государственного банка помещалась тогда на Солянке в здании Опекунского совета; управляющим был дейст. ст. сов. Николай Ильич Палтов. Это был человек, заслуживающий упоминания; попал он сперва в директоры, а затем в управляющие, как передавалось, по некоторым отноше-

ниям к его предместнику Дюклу; он был какой-то эксцентрик или просто чудак, если не признавать его идиотом; держал он себя относительно служащих в конторе банка чрезвычайно важно; когда он прохаживался по конторе, а это совершал он точь-в-точь как индейский петух, то все служащие должны были вставать, иначе он тут же учинял нотацию; я был этому свидетелем, и он после того передавал мне, что служащих надобно держать в строгости и что от них следует требовать соблюдения дисциплины в отношении к начальству. Когда он приезжал в контору, то не раздевался в общей передней, чрезвычайно боясь простудиться, а входил наверх и там разоблачался, а затем мерным шагом шествовал мимо всех операционных отделений в свой кабинет; за ним один служитель нес верхнее платье, калоши и шляпу, а другой шел впереди и звонил в колокол; все чины конторы должны были стоять при таком шествии. Поводом к устройству этого порядка послужило ему то, что в самом Государственном банке при появлении управляющего электрический звонок давал о том знать в помещении, где находятся отделения (так было при Ламанском, как я сам встречал; не знаю, поддерживается ли то же теперь; кажется, его преемник Цимсен отменил это); а так как в московской конторе электрического звонка не существовало, то Палтов заменил его колоколом. Самый кабинет его отделялся от присутственной комнаты учетного комитета невысокой легкой перегородкой; атмосфера в этой комнате в летнее время была невыносимой, так как окна имели тройные рамы, которые не выставлялись никогда. В заседаниях комитета при учете векселей Палтов заботился преимущественно о том, чтобы было что-нибудь обраковано, дабы был след внимательности при приеме; он самодовольно вычеркивал гусиным пером, употреблявшимся им при писании, если только давался какой-либо неопределенный намек; на

столе возле него лежали всегда громадная круглая табакерка и красный платок. Такой экземпляр в течение долгого времени стоял во главе московской конторы Государственного банка; он был впоследствии переведен на покой в члены совета министра финансов и там окончил земное странствование.

В рассматриваемое время произошло изменение и во внешней обстановке производства торговых дел, считавшихся биржевыми.

Устройство в Москве Биржи было разрешено, как известно, еще в 1789 году и назначалось внутри Гостиного двора, но так как оно не было приведено в осуществление, то купечество собиралось ранее в среднем проходе с Ильинки в Гостиный двор (это я слышал от И. П. Кожевникова, бывавшего там с отцом своим вскоре после 1812 года), а потом на углу Гостиного двора, выходящем на Ильинку и Хрустальный переулок, где собравшиеся размещались на входной лестнице и перед ней на улице. При таком положении вещей было построено на нынешнем месте биржевое здание, открытое в 1839 году; оно имело на Ильинку террасу, на которую вход был из 10 или 12 ступеней, самый зал был круглый, кроме боковых помещений. Я слышал от И. А. Лямина передававшееся ему современниками открытия Биржи, что посетивший ее министр финансов граф Канкрин высказал что «в ней удобно лошадок гонять» (о таком посещении Биржи министром в делах Биржевого комитета никаких сведений нет); но выстроенная Биржа по ее открытии посещаема не была; собрания оставались на прежнем месте и лишь при содействии полиции были уничтожены, перешедши к выстроенному зданию. Здесь купечество собиралось ежедневно в определенное время, занимая место на биржевой террасе, на ступенях и на улице перед зданием; это существовало неизменно в течение 20 лет. Никакая погода не представ-

ляла различия; во время дождя собиравшиеся стояли под зонтами; торгующие в городских рядах, по окончании занятий, отправлялись, как говорилось, «биржевать». Ввили такой ненормальности биржевого устройства, Биржевой комитет в 1860 году решился загнать собирающихся внутрь здания; было сделано распоряжение ставить к самому тротуару экипажи, так что свободного места на улице уже не оставалось, а затем открыть вход в Биржу на первый год бесплатно. Этим путем посещение Биржи началось, испытавшим же это отстать было уже невозможно; между тем оказалось, что здание для вмещения посещавших его было крайне недостаточно, а потому решено было, под главным руководством старшины И. А. Лямина, произвести внутреннюю переделку его, которая и была исполнена в 1862 году. Во время перестройки собрания происходили во временном балагане на находящейся перед Биржей площади. Но произведенная перестройка биржевого здания была только временной мерой, так как с развитием торговой деятельности и изменением ее характера вскоре была сознана необходимость в значительном расширении здания и приведении его в нынешнее состояние. Наряду с указанными выше преобразованиями, имевшими общее значение, в 60-х годах начали возникать различные вопросы специального характера, относившиеся до торговли и промышленности. Начавшая сознаваться необходимость в обсуждении таких вопросов стала указывать на потребность для того надлежащей организации; возникало стремление воспользоваться для этой цели чемлибо из уже существующего; являлась мысль, не может ли послужить этому образованное на новых началах Купеческое сословное управление; но такая мысль оказалась непригодной, так как избираемые сословные представители составляли замкнутый круг, имевший притом совершенно иное назначение. Вступление в него новых, сил, даже при

согласии на то его членов, было немыслимо; самый выбор основывался на строгой сословной почве. Затем возбуждалось еще другое предположение — в то время во главе Московской практической академии стоял Василий Иванович Якунчиков, человек просвещенный, сочувствовавший начинавшимся преобразованиям и стремившийся к удовлетворению выдвигавшихся потребностей общественной жизни; при этом в состав академического управления вошел тогда упомянутый выше В. С. Марецкий, проникнутый предприимчивостью разных видов до увлечения; при академии существовало, как и теперь, общество любителей коммерческих знаний; у Марецкого и некоторых других членов этого общества явилась мысль о приурочении обсуждения помянутых вопросов к собраниям этого общества. Но и это предположение оказалось неудобоисполнимым при подведомственности общества попечителю, которым состоял генерал-губернатор, и по несоответственности рассмотрения сказанных вопросов назначению общества. На том дело и должно было остановиться, тем более еще, что общество это было в то время крайне занято самым положением академии, которая была доведена до крайней распущенности, вызвавшей даже перемену директора профессора М. Я. Китарры, и материальное состояние ее было критическим; поэтому всякие сторонние соображения не могли уже находить для себя места.

Между тем в 1864 году стали распространяться более и более фритредерские идеи и сведения о сочувствии, встречаемом ими в правительственных сферах, для отпора чему средств не существовало; и вот в середине того года появилась, в виде пробного шара, записка постоянной депутации германских коммерческих съездов о заключении торгово-таможенного договора между Россией и германским таможенным союзом, представленная нашему правительству. Записка эта летом 1864 года была прислана из

Департамента внешней торговли в Биржевой комитет для рассмотрения со стороны купечества; появление ее в отпечатанном, по распоряжению Министерства финансов, виде породило убеждение в сочувствии правительственных сфер к предлагаемым в ней мерам; произведенная ею тревога была чрезвычайной; осенью она была прислана из Департамента внутренней торговли и в московские отделения Мануфактурного и Коммерческого советов.

До 1865 года биржа была подведомственна Департаменту внешней торговли (переименованному затем в Департамент таможенных сборов); директором его был тогда князь Дмитрий Александр. Оболенский, человек весьма деликатный и сочувственно относившийся к заявлениям купечества; он принадлежал к группе славянофилов. Затем в Москве существовали отделения Мануфактурного и Коммерческого советов, состоявшие в подчинении Департаменту внутренней торговли (переименованному с 1865 года в Департамент торговли и мануфактур); директором его был тогда Александр Иван. Бутовский, человек резкий, способный на дерзости, относившийся лишь к известным ему лицам в покровительственном тоне (он был ранее председателем отделения Мануфактурного совета в Москве, когда председатель назначался от правительства; поэтому он знал крупных фабрикантов). Члены отделения Коммерческого совета избирались в числе 12 бессрочно Купеческим обществом, а члены отделения Мануфактурного совета назначались также бессрочно в неограниченном числе, по представлению председателя, с Высочайшего утверждения; в числе их находились как фабриканты, так и некоторые профессора и лица чиновного мира.

В то время и в Биржевом комитете и в отделениях председателем был Алексей Иван. Хлудов, а в числе биржевых старшин и членов Коммерческого совета находился И. А. Лямин, который, искавши после поражения при

баллотировке в городские головы популярности, встретил тут удобный к тому случай. Было решено, подражая германским коммерческим съездам, устроить съезд фабрикантов и торговцев (кому принадлежала в Биржевом комитете инициатива этого, я не знаю); но так как Хлудов был не способен руководить таким делом, то это принял на себя Лямин. Члены отделений советов, как о том было заранее заявлено, решились принять па съезде участие лишь как частные лица; это происходило оттого, что такому устройству, сделанному с согласия князя Оболенского, Бутовский не сочувствовал; ему же обо всем происходившем и замышляемом в Москве сообщалось его братом Виктором Ивановичем, состоявшим директором Строгановского училища, которое находилось в тесной связи с отделениями советов.

Германская записка была составлена в фритредерском духе; в среде фабрикантов явилось опасение, чтобы на съезд, в котором предполагалось, по примеру германского съезда, избрать депутацию для разработки вопроса, не явилось большое число иностранцев и чтобы не были выбраны они в депутацию; поэтому пришлось принимать меры к привлечению на съезд возможно большего числа лиц и к возможному однообразию в назначении кандидатов на подаваемых записках.

Съезд был делом небывалым; собрался он в помещении отделений советов (у Страстного монастыря) 14 января 1865 года; явилось 195 лиц, да кроме того было прислано 76 заявлений с кандидатскими списками; заседание началось в 7-м часу вечера; Хлудов безмолвствовал; докладывал все Лямин, которого некоторые не знавшие его приняли за секретаря. Подсчитывание голосов заняло время до 2-го часа ночи; 40 лиц было выбрано -20 старших в члены, а 20 младших в кандидаты; из лиц, носящих иностранные фамилии, даже такие, как Колли и Вогау, могли попасть лишь в кандидаты. Многие старые члены отделе-

ния Мануфактурного совета остались за флагом, в особенности принадлежавшие к чиновному миру, в том числе и В. И. Бутовский. А. И. Хлудов вышел только в кандидаты; я застрял на границе между членами и кандидатами, получивши равное число голосов с Николаем Ив. Каулиным и Дмитрием Павл. Шиповым. По жребию в члены вошел Каулин. Первым был выбран Иван Иван. Четвериков, следующим И. А. Лямин, а затем Федор Вас. Чижов и Иван Кондрат. Бабст — оба из ученой среды экономисты, с которыми в то время передовые лица промышленного мира находились в близких отношениях.

Председателем депутации был избран Лямин, а товарищем его Тимофей Сав. Морозов — это был для него первый выступ на общественную деятельность; большинство из нас до того времени его с этой стороны совершенно не знало; приступивши к занятиям, потребовалось распределить их между членами по разным отраслям промышленности; между тем оказалось, что к ведению письменных работ многие были совсем неспособны, некоторые не имели времени, а потому разработку многих отделов возложить было не на кого; вследствие этого было решено усилить состав депутации введением в нее всех кандидатов; таким путем все было распределено; по каждой части было предоставлено образовать комиссии с приглашением лиц, заинтересованных в соответствующих отраслях. Этим было положено начало всей моей дальнейшей общественной деятельности; на меня была возложена разработка отдела шерстяного (кроме суконного), затем кожевенного и, наконец, я взял на себя все, касающееся ремесленного производства, на что в числе членов депутации охотников не находилось. Работа в комиссиях пошла; заседания самой депутации бывали раз в неделю в помещении Купеческой управы (в Юшковом переулке). Лямин старался популярничать; в заседаниях бывали

иногда и посторонние лица из промышленного люда; затем присутствовал в одном заседании и сам князь Оболенский; тогда были прочитаны некоторые приготовленные доклады, между прочим мною составленный на скорую руку по шерстоткацкому производству. Был также однажды Николай Андр. Крыжановский, назначенный в то время в генерал-губернаторы в Оренбург; по какому случаю являлся он, не помню, но, конечно, к деятельности депутации он прикосновенности не имел, а был зазван Ляминым кстати для того, чтобы побеседовать о делах Оренбургского края.

Записка была составлена. Вступление было написано Бабстом; Чижов занимался свеклосахарным производством; по разным прочим отделам составляли отзывы разные лица; из всего вышла довольно большая книга, которая была представлена в Министерство финансов и, кроме того, разослана Ляминым разным власть имущим лицам в Петербурге. Хотя депутация окончила свои занятия, тем не менее Лямин считал ее существующей и созыв съезда вновь, если бы это понадобилось, возможным. Он интересовался стать во главе такого небывалого торгово-промышленного учреждения, но это было ошибочно, съезды учреждались и впоследствии, но на иных началах — с особого каждый раз разрешения.

Преследуемая И. А. Ляминым цель была достигнута: при выборах председателя Биржевого комитета, бывших в мае того же года, А. И. Хлудов был забаллотирован, точно так же как и брат его Г. И. Хлудов, попытавшийся баллотироваться в эту должность, а выбран подавляющим большинством Лямин и в кандидаты к нему Т. С. Морозов.

В конце следующего года А. И. Хлудову по некоторым личным обстоятельствам пришлось отказаться и от председательства в отделениях советов, и на место его поступил только что окончивший службу в должности купеческого старшины Ф. Ф. Резанов.

Городскому общественному управлению, равно как и купеческому сословному, вскоре по их образовании на новых началах, стали представляться случаи и к принятию участия в вопросах, имевших до некоторой степени политический характер.

Так, в 1866 году дважды был приезд в Москву представителей Североамериканских штатов, которым со стороны городского управления был делаем торжественный прием; тогда высказывалось, что американцы, по юности их как самостоятельной нации и отсутствию взаимных с нами интересов, могут представляться для нас ближайшими союзниками в противовес англичанам. 6 января был устроен купечеством в зале Практической академии обед, на котором был представитель посольства Клей с секретарем Иеремией Кёртином (его тут же, в изъявление особого расположения, назвали Еремеем Давыдовичем); в числе присутствовавших был и я; за обедом изливались всевозможные желания процветаний и успехов, выражались надежды на взаимную национальную дружбу. Тогда американцы были не тем, что они представляют из себя теперь; аппетиты их еще не проявлялись открыто. В августе того года вторично были принимаемы городом моряки во главе с адмиралом Фоксом, который был возведен Думой даже в сан почетного гражданина города Москвы; какое отношение имел он — с какой стати было делать это, сказать трудно; действовало ослепление, с одной стороны, и желание играть роль в политических вопросах — с другой. 13 августа был устроен обед в Думе, а 15-го — народный праздник в Сокольниках. Кёртин был в Москве недавно в течение 2 лет сряду, был у меня и получил портрет М. Л. Королева, который желал иметь для какого-то издания; он литератор, делал в эти разы большие путешествия; по-русски он говорит весьма удовлетворительно, с русской литературой знаком хорошо.

В 1867 г. Городским управлением, по случаю прибытия в Москву на этнографическую выставку представителей славянских народностей, были устраиваемы торжества, в том числе праздник в Сокольниках; основанием этого было сближение славян, которому имелось в виду придать также политический характер, хотя это сближение и исходило из увлечения славянофилов.

Разделавшись с германской запиской, думалось, что дело тем и покончилось; между тем ненадолго пришлось успокоиться; в 1867 году появились тревожные слухи о готовящемся пересмотре таможенного тарифа; слухи эти вызывали крайнее опасение вследствие господствовавшего фритредерского направления в правительственных сферах; это опасение усилилось еще более, когда в июле месяце был прислан на заключение Биржевого комитета и отделений советов проект нового тарифа, составленной вице-директором Таможенного департамента Колесовым, и на доставление замечаний был назначен срок 15 сентября, не принимая в соображение того, что через несколько дней начиналась Нижегородская ярмарка, а проект тарифа с объяснениями представлял собою толстую книгу. Проектированные новые ставки были значительно уменьшенными против установленных в 1857 году, тогда как и в последних являлось понижение в сравнении с существовавшими с 1850 года; просьба об отсрочке, с указанием причин, встретила отказ со стороны Департамента торговли и мануфактур. Началась работа тем же порядком, как и при рассмотрении германской записки; разница состояла в том, что изготовлявшиеся замечания по отдельным отраслям докладывались в заседаниях отделений и Биржевого комитета и направлялись в министерство, не дожидаясь окончания всех работ. На меня выпала работа по всем тем отделам, которыми приходилось заниматься по германской записке в 1865 году, в том числе по всему, чем никто

не хотел заняться; такие работы меня не тяготили; была сила, и хотелось воспользоваться этим. В учрежденную при Министерстве финансов комиссию было предложено выбрать 3 депутатов, избрание которых, в видах удобства, было произведено совместно от Биржевого комитета и от отделений советов; выбраны были: И. А. Лямин, Ф. Ф. Резанов и Т. С. Морозов; но так как занятия предстояли сложные и продолжительные, то сверх того были назначены к ним 9 заместителей: Александр Иван. Баранов, Михаил Аким. Горбов, Валентин Конст. Крестовников, Максим Ефим. Попов, Сергей Мих. Третьяков, Иван Иван. Четвериков, Петр Иван. Санин, Владимир Петр. Мошнин и я; впоследствии на место Горбова, отказавшегося по болезни, выбран был Павел Мих. Рябушинский, а затем специально для шелкового отдела были назначены: Александр Григор. Сапожников, Лев Лезерсон и А. И. Ниссен, имени коего не помню. Из перечисленных заместителей только двое были членами отделения Мануфактурного совета, прочие же к ним не принадлежали, настолько слабо по своему составу было отделение. Лямин, хотя и был выбран, но участия в петербургской комиссии не принимал, так как желаемое было уже им достигнуто.

Тарифная комиссия состояла из следующих лиц, заслуживающих подробного описания.

Председатель сенатор тайн. сов. Григорий Павл. Неболсин, державшийся весьма важно и выражавший явное раздражение при настойчивости депутатов; он известен был московским фабрикантам и ранее; при пересмотре тарифа 1857 года он был делопроизводителем тарифной комиссии. Один из московских старинных фабрикантов Константин Вас. Прохоров, который был с ним хорошо знаком, так как ранее распространял издававшиеся им брошюры, вздумал послать ему со «своим служащим» пакет с надписью «от всех и за вся»; пакет этот был им представлен министру и о том доложено Государю; Прохоров был посажен

в Петропавловскую крепость, из коей был освобожден, как говорили, лишь по ходатайству Московского митрополита Филарета, знавшего его близко и видевшего в этом не более как неосмотрительность.

Первое место в числе членов занимал директор Департамента торговли и мануфактур тайн. сов. А. И. Бутовский, о котором было упомянуто выше; он враждебно относился к депутатам и постоянно ворчал, в рассуждениях участия не принимал, признавая, что «тут что ни толкуют, а мы по-своему сделаем»; это была личность, оставившая самое неприятное воспоминание.

Затем следовал директор Департамента таможенных сборов тайн. сов. князь Д. А. Оболенский, о котором уже говорилось выше.

Далее членами были следующие лица.

Вице-директор Департамента торговли и мануфактур дейст. ст. сов. Николай Андр. Ермаков (впоследствии бывший директором); это была противоположность его шефу: он получил образование в порховском уездном училище — далее нигде, служил в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, где, вследствие уменья излагать бумаги, добрался до должности начальника отделения, а оттуда перешел в вице-директоры Департамента торговли и мануфактур, после чего, бывши уже директором д-та, занимал одновременно в течение нескольких лет даже (!) должность директора Технологического института, что может показаться совершенно невероятным. Это был человек хладнокровный, поддерживавший со всеми дружественные отношения, услуживавший всякому, но знавший хорошо такт для следования намеченным им путем и отодвигавшийся от всего, что могло быть в этом отношении помехой. Он участвовал в различных благотворительных и общеполезных учреждениях и этим способом занял какое-то место секретаря у великой княгини Елены Павловны, что ему по-

служило значительно выдвинуться вперед. Затем, по его инициативе, были учреждены на пожертвованные средства Ремесленное училище имени Цесаревича Николая и Дом призрения и ремесленного образования бедных, которые были приняты Наследником Цесаревичем Александром Александровичем под Августейшее покровительство. Н. А. Ермаков, ставши во главе их, сделался близко известным Августейшему Покровителю, которому делал непосредственно доклады; впоследствии он был не у дел, о чем предполагаю сказать позже. Как пришлось слышать из весьма достоверных источников, после него не осталось почти никаких средств, так как он все тратил на пособие разным нуждающимся лицам, к нему обращавшимся.

Вице-директор Департамента таможенных сборов дейст. ст. сов. Иван Никол. Колесов, творец проекта; это был худой, суровый чиновник, упорно отстаивавший свои предположения и враждебно относившийся к заявлениям фабрикантов; впоследствии занимался он в каком-то совете по железнодорожной части; он умер, как я встретил в газетах, в прошлом году.

Вице-директор того же Департамента дейст. ст. сов. Федор Густав. Тернер — в то время молодой человек, проникнутый фрит-редерским направлением; впоследствии был товарищем министра финансов; теперь член Государственного совета.

Член совета министра финансов тайн. сов. Александр Карл. Гирс — высокий худой чиновник, относившийся дружелюбно, но проявлявший в самой комиссии мало деятельности; по старшинству председательствовавший иногда при отсутствии Неболсина; впоследствии был недолго, перед смертью, товарищем министра.

Профессор Технологического института ст. сов. Евгений Никол. Андреев — отъявленный фритредер, старавшийся показать свои знания и различными софизмами

доказывавший с пеной у рта неосновательность требований фабрикантов; впоследствии он был главным фабричным инспектором; личность неприятная.

Директор центрального статистического комитета дейст. ст. сов. Петр Петр. Семенов — член в заседаниях малодеятельный; ныне древний член Государственного совета.

Вице-директор Департамента сельской промышленности ст. сов. Владимир Иван. Вешняков — весьма симпатично относившийся к заявлениям промышленности, но подчинявшийся общему господствовавшему настроению; впоследствии был товарищем министра государственных имуществ; уже давно статс-секретарь и член Государственного совета.

Член от Министерства иностранных дел дейст. ст. сов. Николай Карл. Гирс, только что оставивший службу в должности посланника в Швеции или Персии (точно не помню); он не проронил во все время ни одного слова, при баллотировках же вопросов был всегда на стороне чиновников; между тем по окончании, он высказал в частном разговоре, что многое из выражавшегося фабрикантами он считает основательным и заслуживавшим внимания, т. е. то, против чего он подавал голос; вот к чему приводит желание не отстать от моды — опасение быть признанным ретроградом; впоследствии он был министром иностранных дел.

Член от государственной канцелярии дейст. ст. сов. Михаил Павл. Веселовский — о нем ничего сказать не могу, так как деятельность его заключалась в молчаливом присоединении к мнению чиновничества.

Кроме того, на правах членов участвовали: по химическим товарам — член от Медицинского совета Ленц и по металлам — директор Горного департамента Рашет.

Делопроизводителем комиссии был редактор «Указателя прав. расп. по М-ству фин.» ст. сов. Артур Богдан. фон-Бушен — это был субъект, подобный какому-то буль-

догу, весьма грубый, державший себя очень важно относительно представителей промышленности.

Прислуживали при комиссии, занимаясь раскладкой карандашей и бумаги, канцелярские чиновники Департамента торговли и мануфактур: Дмитрий Аркад. Тимирязев (впоследствии был тайным советником и членом Совета министра земледелия) и Александр Григор. Неболсин (в настоящее время также тайный советник; упражняется по части технического образования; глухой человек хороший и вполне доброжелательный).

Представителями промышленности от учреждений различных местностей, кроме Москвы, состояли:

От Мануфактурного совета — член его Иван Александр. Варгунин, сын владельца писчебумажной фабрики, молодой человек, ссылавшийся нередко на заграничные порядки, как бывавший там; знакомый близко с членами-чиновниками, но при решении вопросов примыкавший к нам, хотя мало интересовавшийся ими.

От Коммерческого совета — член его Василий Григор. Жуков, табачный фабрикант, весьма древний, бывший городским головой дважды в царствование Николая I; он также присоединялся к нам и подписывал наши отдельные мнения, хотя в некоторых случаях это и не совпадало с поданным им при самой баллотировке голосом (когда ему приходилось подавать его ранее нас); на просьбы поддержать наше мнение он говорил: «куда иголка, туда и нитка».

От Петербургского биржевого комитета — председатель его Егор Егор. Брандт — сухой надменный немец, мало интересовавшийся делом, бывавший не постоянно и при баллотировках присоединявшийся весьма часто к мнениям, противоположным нашим.

От Владимирского мануфактурного комитета — Федор Гавр. Журов; это был простой человек, в длинном сюртуке, но с природным умом и способностями; в комиссии он

говорил немного, но, высидевши в ней все время (с ноября до конца марта), он зорко следил за всем совершавшимся; он писал весьма много по экономической части; статьи его печатались в различных повременных изданиях, а также отдельно, без посторонней подправки; между прочим, он составил руководство к фабричной бухгалтерии, затем историческое описание гор. Шуи; так разнообразны его знания; жив ли он сейчас, я не знаю; но последнее письмо с портретом я получил от него в 1904 году; ему было тогда 87 лет; жил он в Шуе; по болезни ног он уже более 10 лет не мог ходить; он числился заместителем, тогда как депутатом был Иван Никон. Гарелин, который, однако же, был только в 2 или 3 заседаниях.

От Варшавского мануфактурного комитета был некий Юлий Вертгейм, по-русски не знавший и высказывавший свои мнения по-французски; чем он занимался, не знаю — кажется, по металлической части; а затем В. Захерт, суконный фабрикант. Эти лица вовсе не интересовались тем, что до них прямо не касалось, а потому они пользовались расположением правительственных членов комиссии; притом Вертгейм заботился более о понижении пошлин для облегчения заграничного ввоза.

От Рижского биржевого комитета И. И. Гафферберг, состоявший, кажется, на какой-то казенной службе и потому имевший на дело чиновничьи взгляды; он также хлопотал об усилении заграничного ввоза.

От Ростовского отделения Коммерческого совета — И. Г. Фронштейн, интересовавшийся, сколько помню, металлической частью, но, может быть, не в отношении производства, а торговли.

От Таганрогского отделения Коммерческого совета были Г. Ханджерли и Ф. Родоканаки; их я совсем не помню, точно так же не знал бывшего от Одесского отделения Коммерческого совета Н. Пфейфера, так как я его не застал.

О всех последних перечисленных лицах в отношении общего дела можно сказать то же, что сказал я о варшавских депутатах; в чем они не были лично заинтересованы, они соглашались с чиновниками, чтобы их не раздражать и этим привлечь их расположение в потребных случаях.

Наконец, следует упомянуть о том, что Департаментом таможенных сборов был выписан из Одессы некий Гольденберг, ловкий еврей, бывший контрабандист, не имевший какой-либо специальности, а сведущий по всевозможным частям; он не присутствовал в главной комиссии, а участвовал в комиссиях экспертных, которые были образованы по отдельным отраслям промышленности одновременно с открытием действий главной комиссии; Гольденберг фигурировал в качестве одесского торговца; ему было заплачено значительное вознаграждение из казны за то, чтобы быть оппонентом представителям промышленности; кроме того он, по окончании, был даже награжден орденом, а так как дела его в Одессе были в расстроенном состоянии, то он после того остался в Петербурге и сделался биржевым маклером, действуя по фондовой части.

Начало действий комиссии, при существовавшем направлении в правительственных сферах, вызывало какой-то страх, притом участие в комиссии представлялось тогда делом совершенно новым. В то время памятен был еще случай и с К. В. Прохоровым; вспоминалось и то, как, при раннейшем еще изменении тарифа, фабриканты, узнавши о готовящемся понижении пошлин, отправляли депутацию к министру, и как он, выслушавши их, сказал, что заявление их заслуживает внимания, но тариф уже подписан. При таком настроении отправились в ноябре для начала Резанов и с ним: Санин, тогда еще весьма молодой человек, но довольно смелый и обладавший даром слова, и Мошнин, человек образованный, бывший преподавателем в военном ведомстве; первым шел отдел

жизненных продуктов. При появлении в заседание комиссии, первым вопросом, который им сделал делопроизводитель Бушен, был, как передавал Санин, намерены они говорить или нет, и, сообразно полученному утвердительному ответу, указал им места. Надобно заметить, что в среде правительственных членов, которые назначенных лиц совершенно не знали, существовало убеждение в полном невежестве купечества, а также и в том, что оно будет делать заявления лишь о предметах, затрагивающих его интересы непосредственно; этим объясняется и вопрос Бушена. Когда же затем Санин и Мошнин начали оспаривать предположения о понижении пошлин на предметы, не производимые в России, указывая на напрасный ущерб от этого для казны и приводя другие по этому доводы, нередко не без иронии, чиновники-члены были совершенно озадачены, тем более что из них многие не обладали способностью излагать свои мысли так, как это было ими встречено (Резанов в этом не участвовал). Тут была пробита брешь в том понятии, которое существовало о московском торговом люде; комиссия стала относиться к московским депутатам с большей осторожностью и в тоже время стала к ним во враждебное отношение, в особенности в силу обстоятельств, о которых будет сказано ниже.

Для выяснения этого приходится отклониться несколько в сторону. Как известно, печать, находившаяся под строгим запретом, в 60-х годах получила значительную свободу; а так как умеренности у нас нет ни в чем, то это же произошло и здесь; вместо того, чтобы с осторожностью двигаться вперед, она сразу пошла вовсю; первое, что встретилось в Москве, это было закрытие в мае 1866 года редакции «Московских ведомостей», когда Катков, получив предостережения, начал препирательство с министром, и вот в такое время в среде крупного купечества, а в особенности фабрикантов, ввиду усиленно распространявшихся фритредерских тенденций,

возникла мысль основать серьезный орган, который мог бы защищать промышленность; лицом, способным для этого, представлялся И. С. Аксаков. Средства на издание были собраны по подписке; участие в этом было принято Морозовым, Ляминым, Малютиным и др. Газета под названием «Москва» начала выходить, но неудержимый Аксаков не заставил долго ждать; газета была прихлопнута. Тогда на место ее от имени подставного лица пошла в свет заместительница ее газета «Москвич», начавшая рассылаться подписчикам «Москвы»; та же участь, как известно, постигла и «Москвича»; операция эта стоила участникам, сколько помнится, до 80 тыс. руб.

При таких обстоятельствах, с открытием действий тарифной комиссии, был направлен в Петербург в качестве корреспондента газеты «Москва» А. С. Чероков (недавно умерший), который получаемые от членов комиссии сведения немедленно сообщал в редакцию. Так, по поводу высказанного в комиссии Н. А. Ермаковым, с целью понижения пошлин, что кофе развивает умственные способности, в статье, написанной И. К. Бабстом, явилась юмористическая заметка; затем относительно направления, проявлявшегося со стороны Бутовского, было выражено прямо, что это тот самый Бутовский, который в своем сочинении о производительных силах России занес Вышний Волочок в Новгородскую губернию. Этого было достаточно для того, чтобы раздражить Бутовского, а также восстановить против всех москвичей Неболсина и других членов; номера «Москвы» и «Москвича» стали постоянно появляться в заседаниях комиссии по их выходе; подозрение, павшее на московских депутатов за разглашение сведений, было выражено открыто. Но явилось обстоятельство, поставившее председателя и единомышленников его в совершенный тупик: было описано с известной иронией происходившее в одном заседании,

в котором московских представителей совсем не было, и вследствие замечания председателя, на это было ему тогда же указано; из чиновников же никто не мог подозревать, что сказанные сообщения мог делать со всей точностью Журов. Санин и Мошнин, оставаясь при отдельных мнениях, нашли более практичным писать такие мнения по составлении соответствующих журналов комиссии, дабы иметь возможность критически разбирать приведенные в журналах доводы. Неболсин стал возмущаться этим и требовать представления мнений в трехдневный срок по подписании журналов. Я упоминал уже, что кроме главной тарифной комиссии по разным отделам были образованы экспертные комиссии, в которые приглашались фабриканты и торговцы в неограниченном числе. При таких обстоятельствах 7 января 1868 года я отправился в С.-Пб. вместе с фабрикантами шерстяных изделий, в числе человек 15, из которых большинство, в сущности, составляло не более как балласт; но так считалось нужным делать. Поезда выходили тогда в час дня и были в пути часов 18 или 19; вагоны были теплые только для первых 2 классов, а 3-й класс отопления не имел. Приехавши, поместились мы большею частью в Грандотеле (на Малой Морской); хотя я был уже в С.-Пб. в 1855 году, но это происходило не при такой обстановке, а потому все было новым. Начались заседания экспертных комиссий; Бутовский, председатель комиссии по шерстяному отделу, бесцеремонно отнесся к нам, назначивши заседания лишь через несколько дней и притом с перерывами, несмотря на то, что мы собрались по назначению в таком большом числе; вследствие этого многие из приехавших со мной только и делали, что ходили по вечерам в театры, а целый день дулись в карты. Морозы держались тогда страшные — помню было 36°; в поездах замерзло много детей в вагонах 3-го класса; фонари газовые, обледеневши, едва

светили. Затем, несколько дней спустя по окончании химического отдела, в котором участвовали Санин и Мошнин, пришлось и мне с Горбовым и Третьяковым вступить в тарифную комиссию. Дело сначала пошло у меня довольно гладко; председатель был, видимо, доволен, что отделался от предшествующих членов, и потому, хотя и я оставался при отдельных мнениях по вопросам разного рода, не составлявшим специальности присутствовавших представителей московской промышленности, он не выражал неудовольствия на это, но такое положение существовало недолго. Санин и Мошнин, взявши к себе журнал комиссии для составления особого мнения по химическому отделу, увезли его в Москву; узнавши о том, Неболсин с раздражением передал мне, что он сообщил об этом министру, дабы послать телеграмму генерал-губернатору об отобрании от них журнала, и хотя вследствие моего телеграфирования журнал был возвращен немедленно, но отношения Неболсина сделались и ко мне какими-то враждебными. Представители Москвы пользовались с его стороны особым почетом против представителей других местностей; когда по какому-нибудь вопросу делались замечания, а мы ничего не говорили, то он непременно злобно обращался к нам со словами «а что скажут московские депутаты?». Мы считались у него неделимым целым — оппозицией во всем, хотя на мою долю не выпадало никаких случаев, которые имели бы резкий характер.

Отношения обострились до чрезвычайности на хлопчатобумажном производстве, где главным действующим лицом был Т. С. Морозов, державший себя не совсем тактично; это началось уже в экспертной комиссии, вызвавши там по поводу резкостей Морозова замечания даже со стороны добродушного председателя князя Оболенского и вынудивши однажды Морозова просить извинение.

Резанов вообще уклонялся от всего, что могло быть неприятным Бутовскому, и старался подслуживаться; он познакомил с ним и Ермаковым С. М. Третьякова, и заявления промышленников по льняному делу, которым интересовался Третьяков, получили во многом удовлетворение. При таких же обстоятельствах прошел и шелковый отдел, для которого специально был назначен А. Г. Сапожников с Нисселом (с.-петербургским фабрикантом) и Лезерсоном. По суконному делу Четвериков столковался с Бутовским в силу своего прежнего знакомства с ним. Оставался отдел шерстяных тканей из гребенной пряжи и самого прядения ее — то, что лежало на мне. Ткани прошли без прибавки против проекта, так же как и пряжа, но я доказывал, что при этой пошлине гребенное пряденье не может развиваться, а должно остановиться на выработке низких номеров, которые не составляют главной потребности. Склонить комиссию в пользу этого мнения средств не имелось, притом товарищи мои относились к этому безучастно, тем более что пошлина не понижалась; поэтому я при баллотировке вопроса возражать не стал, но изложил это в подробности в виде отдельного мнения, которое при напечатании заняло 7 страниц (большого писчего формата); этим я хочу сказать, насколько было нелегко составлять такие мнения, когда это требовало исполнения в краткий срок. К этому прибавлю, что мне пришлось составлять всего 12 мнений по разнообразнейшим предметам, в которых я специальных знаний не имел, тогда как всех, кроме того поданных мнений (не считая 4 небольших чиновнических о понижении пошлин), было только 3 — 2 пространных, составленных по жизненным продуктам и химическим товарам (Санина и Мошнина) и 1 — по хлопчатобумажному производству (Морозова, Крестовникова и Рябушинского, кем писано — не знаю). Составление таких мнений было затруднительно и потому, что днем (с 1 до 4 или 5 часов) было занятие в экспертных комиссиях, а

с 8 час. вечера до 12 час. и даже долее шло заседание главной комиссии; на работу оставалось время послеполуночное, приходилось просиживать иногда до 5 час. утра, так как требовалось делать справки и выборки из «видов внешней торговли», которые я возил с собою, из различных других имевшихся материалов, наконец, пересматривать незадолго пред тем вышедший за границей «Enqukte», касающийся французской промышленности. Затем составленное необходимо было самому переписывать набело, помощников у меня не было. Мороз поддерживался сильный весьма долго, заниматься приходилось, сидя в номере возле двери, так как от окон дуло нестерпимо; однажды, после нескольких бессонных ночей, я свалился совсем и, уже кое-как выспавшись, мог исправиться. Жизнь была самая беспорядочная, притом сопряженная с тяжелым настроением, так как состав комиссии представлял из себя два враждебных лагеря; милостивым отношением, как я уже сказал, пользовались лишь подслуживавшиеся и хлопотавшие только о том, что касалось их лично, не заикаясь о постороннем. Все работы комиссии окончились во 2-й половине марта; ездить в заседания приходилось несколько раз, делая небольшие перерывы, ездило большинство из нас тогда во 2-м классе, и при одной из поездок был страшный случай: отправлялся я (было это в воскресенье перед Масленицей) в Москву; вскоре по выходе поезда со станции Малой Вишеры, по милости пьяного стрелочника (как говорили), второклассный вагон сошел с рельсов и пошел по шпалам, потащивши за собой следующий вагон; переполох был ужасный; благодаря Богу, уже скоро поезд был остановлен, а то неизвестно, что могло бы быть; пришлось только простоять часов 8, доколе было все приведено в порядок, доставлен новый вагон и исправлены повреждения.

Нелишне сказать еще о том, что с открытием действий тарифной комиссии Александр Павл. Шипов, имевший

небольшой химический завод, вздумал заняться составлением своего проекта тарифа в духе покровительственном; в материальном отношении ему помогал тут Семен Павл. Малютин, в то время ставший старшим представителем дома Малютиных и весьма энергично взявшийся за дело (он, к сожалению, повел жизнь неправильную и умер в молодых годах). У Шипова, помещавшегося в гостинице «Париж» (на Малой Морской), были постоянные совещания по поводу происходившего в комиссии, в особенности при рассмотрении химического отдела. Мне приходилось, просидевши у себя до 2-го часа ночи, отправляться туда (это было напротив) и там встречать целое совещание по какому-либо предмету (это привожу для иллюстрации беспорядочности жизни того времени). Эта работа Шипова, не имевшая возможности быть законченной, не могла и достигнуть какого-либо успеха, тем более что он задавался по тому времени крайностями, тогда как следовало добиваться хотя бы чего-нибудь.

Главные столкновения, как я уже говорил, произошли в комиссии относительно пошлин по хлопчатобумажному отделу; разрешение этого вопроса в том или другом виде представляло для внутреннего промышленного округа весьма важное значение, а потому стали изыскиваться средства к выяснению кому следует положения дела и опасности, угрожающей промышленности. В это время И. К Бабст проживал в С.-Пб., занимаясь преподаванием политической экономии великому князю Владимиру Александровичу; при его посредничестве, через близко знакомого ему тогдашнего государственного контролера Валериана Алекс. Татаринова (как секретно сообщалось), было доведено о происшедшем в комиссии до сведения Наследника Цесаревича и дана была возможность Морозову, Крестовникову и Баранову явиться лично для объяснений о том к Константину Влад. Чевкину, председателю

Департамента экономии Государственного совета, к которому должно было поступить дело; Чевкиным было обещано обратить внимание, и результатом всего этого явилось то, что для рассмотрения тарифа в Государственном совете было образовано особое соединенное присутствие под председательством Чевкина, и в состав его были назначены: Наследник Цесаревич, министр финансов М. Х. Рейтерн, бывшие министры Княжевич и Брок, и Неболсин, сделанный перед тем членом Государственного совета.

В возбужденном состоянии явились в Москву депутаты, присутствовавшие в комиссии при рассмотрении тарифа по хлопчатобумажному отделу; они отказались от участия в комиссии, представивши протест, а потому находили необходимым созвать фабрикантов, объяснить им положение, в котором находится дело, и предложить им возбудить ходатайство о допущении выбранных ими лиц к объяснению при рассмотрении тарифа в Государственном совете. В частном по этому предмету совещании было решено просить о созыве для этого фабрикантов в биржевом зале; но председатель Биржевого комитета Лямин уклонился от этого, отозвавшись, что биржевому купечеству предоставлено право представлять в Биржевой комитет заявления об его нуждах, тогда как нет указаний, чтобы оно могло иметь для рассуждения о том какие-либо собрания. Так как депутаты были одновременно представителями отделений Мануфактурного и Коммерческого советов, то, получивши тот отказ, обратились они к председателю отделений Резанову с такой же просьбой; но он нашел также, что в помещении отделений могут собираться для обсуждения дел только члены таковых, а не посторонние лица; делать было нечего — решились тогда отправиться к купеческому старшине Бостанджогло и просить о разрешении собраться в зале Купеческой управы. Бостанджогло, выдававший себя всегда за истого зако-

новеда, на просьбу их сказал: «Скопом закон воспрещает подавать просьбы, а ведь это скоп». Положение было критическим; наступила Страстная неделя, а слухи были, что в Петербурге гонят дело на почтовых и что рассмотрение его в Государственном совете начнется чуть ли не на Пасхе. Собрались мы 28 марта (в Великий четверг) у К. Т. Солдатенкова (на Мясницкой), чтобы порешить окончательно, что делать; последней попыткой оказалось просить помещение Городской думы; к городскому голове отправились для этого С. П. Малютин и еще кто-то; князь А. А. Щербатов, отнесшись к этому сочувственно, выручил, таким образом, из затруднительного положения.

Собрание состоялось 2 апреля днем; присутствовало в нем 228 лиц; им вкратце было объяснено о встреченном в комиссии направлении и предложено подать в Биржевой комитет заявление о необходимости, с одной стороны, представить министру финансов об опасности, угрожающей русской промышленности при установлении проектированных тарифной комиссией пошлин, а с другой — ходатайствовать о допущении избранных тем собранием лиц к представлению объяснений при дальнейшем рассмотрении тарифа. По запискам избраны для того были: Т. С. Морозов, П. И. Санин, я и В. А. Кокорев (последний по его всеведению в петербургских сферах), тогда как Резанов и другие, увивавшиеся около чиновничьего мира, получили незначительное число заявлений. Сведения о происшедшем в этом собрании были, конечно, сообщены не сочувствующей тому кликой тотчас же в министерство (в собрании был Резанов) и, прежде нежели поданное в Биржевой комитет заявление могло дойти до министерства, в Москве было получено приглашение Резанову, Четверикову, Сапожникову и мне прибыть для объяснений при рассмотрении тарифа в особом присутствии Государственного совета; Морозов был приглашен лишь после,

когда рассматривался хлопчатобумажный отдел, а Санин удостоен этого не был.

Отправились мы в Петербург; Резанов, имевший большую бороду, пробрил ее в середине, чтобы было видно, что он жалованная персона: у него на шее был Станиславский орден; приехавши туда, пустились мы обивать пороги — прежде всего к статс-секретарю особого присутствия Андрею Парфен. Заблоцкому-Десятовскому, затем к помощнику его Павлу Афанас. Измайлову, которыми были приняты очень радушно, после чего поехали, согласно данному указанию, к самому Чевкину. Жил где-то чрезвычайно далеко, у Аларчина моста; приехавши к нему и вошедши в залу, мы остановились у самых дверей; после некоторого ожидания вышел из соседней комнаты и подошел к нам Чевкин; это был небольшой сурового вида старый военный, согнувшийся на одну сторону (у него одного бока не было); правую руку держал он за бортом своего костюма, а левую в кармане по отрекомендовании нас Резановым, он предложил нам приехать к нему на другой день, чем и кончилась наша первая аудиенция. Когда мы явились к нему вторично, мы встретили уезжавшего от него Бутовского; это невольно произвело неприятное впечатление: можно было предполагать, что Бутовский успел представить дело в ненадлежащем свете. Мы были предупреждены, что Чевкин не любил длинных объяснений и что с ним надобно быть кратким. На этот раз, вышедши к нам в том же порядке, он сел с нами за небольшим столиком, находившимся почти у самых дверей, и обратился к Резанову с кратким вопросом; Резанов дал ему ответ в самых общих чертах, исполненный раболепства, что-де фабриканты надеются на милостивое внимание правительства, что-то еще более краткое прибавил к этому и Четвериков; а так как возражать в комиссии против существовавшего стремления приходилось мне, а не тем моим

товарищам, то я счел необходимым сказать несколько слов, коснувшись прямо предмета, по которому мы вызваны; на это Чевкин вдруг, с выражением неудовольствия, возразил буквально так: «нельзя же, г-н Найденов, требовать невозможного», — этим беседа наша, продолжавшаяся не более ¼ часа, и закончилась; на этот раз он, отпуская нас, удостоил подать каждому 2 пальца левой руки; впечатление, которое произвел этот прием на меня, было крайне неприятное: видно было, что он Бутовским был настроен против меня лично, иначе откуда он мог запомнить мою фамилию; хорошего было трудно ожидать далее.

На другой день после того было назначено нам явиться в Государственный совет; перед этим я увидался с Бабстом и получил от него указание, что объяснения не должны быть слишком пространными, дабы не ослаблять внимание присутствующих, а затем, что необходимо поддержать вопрос об обложении искусственной шерсти, так как этим заинтересовались некоторые лица, хотя для нас он имел третьестепенное значение. Государственный совет помещался тогда в здании Зимнего дворца, подъезд с набережной. Приехал я туда в тревожном настроении — положение мое в этом деле было чрезвычайно нелегким, чего не ощущали вовсе мои товарищи; мне предстояло в сжатом виде изложить то, что занимало в моем особом мнении 7 больших печатных страниц; надобно было обдумать, чтобы не пропустить ничего существенного и, как было указано, не обременить слушателей. Прибыл я туда вместе с Резановым и Четвериковым (Сапожников остался до рассмотрения шелкового отдела, назначенного на другой день); после краткого ожидания мы были приглашены в зал заседания совета; все это было настолько новым, производило такое впечатление, что я считаю нелишним описать встреченную обстановку. Зал выходил окнами на набережную, был занят почти весь столом, имевшим форму

продолговатого прямоугольника, с широким входом (со стороны окон) во внутреннюю его часть; стены зала были покрыты малиновыми бархатными обоями с большими золотыми государственными гербами; на 3 стенах были портреты Императоров Александра II, Николая I и Александра I; в средине стола (лицом к окнам) занимал место Чевкин в парадной форме, по правую сторону — Наследник Цесаревич, по левую — министр финансов М. Х. Рейтерн, напротив — А. М. Княжевич, П. Ф. Брок и Г. П. Неболсин, позади их за особым столом, находившимся внутри большого стола, помещались Заблоцкий-Десятовский и Измайлов; мы были посажены внутри большого стола. От нас требовались объяснения лишь по тем предметам, по которым мнения в комиссии разделились. Какое заключение дано было в таких случаях министром финансов — к какому мнению присоединился он, нам в то время известно не было, так как представления его в Государственный совет мы видеть не могли: это было великой тайной; но впоследствии мне пришлось приобрести экземпляр его, оставшийся после Бушена, и из него я увидал, что министр присоединился большею частью к низшим пошлинам; исходило ли это из его убеждений или он стремился только не быть отсталым от господствовавшего заграничного направления того времени, сказать не могу.

Первым шел вопрос об искусственной шерсти; мы (эксперты) для объяснений должны были подходить к столу; по этому вопросу вышел Четвериков и сказал несколько слов в пользу возвышения пошлины; следующей затем наступила моя очередь о пошлине на пряжу; должен сознаться, что у меня явилось ощущение, которого я не испытывал со времени училищных экзаменов: затряслись поджилки, я старался лишь не потерять нити, не пропустить чего-либо необходимого. Я начал с исторического обзора возникновения и дальнейшего хода гребенного пряденья, а затем, указавши на

значение этого рода промышленности, с подкреплением рельефно выдающимися статистическими сведениями и другими цифровыми данными, привел все доводы в пользу того, что, при назначенной пошлине (4 р. 50к.) дело развиваться не может; всякая же прибавка будет способствовать к приобретению возможности для выработки более высших сортов пряжи; объяснение мое продолжалось без перерывов не менее ¼ часа; присутствующие слушали с видимым вниманием; по окончании этого нам было предложено удалиться. Через несколько времени мы были приглашены вновь; тогда пошел вопрос о пошлине на валяные ткани (суконные товары), относительно которых краткие объяснения дал Четвериков, после чего мы опять вышли из зала; наконец пригласили нас в 3-й раз для объяснения по поводу пошлин на ткани неваляные, на что краткие объяснения пришлось дать мне, и что-то сказал Резанов, дабы не остаться совершенно безмолвным. По окончании этого Чевкин обратился к нам с вопросом: «Если бы была несколько возвышена пошлина на пряжу, то может ли остаться пошлина на ткани в проектированном виде?» На это Резанов поспешил ответить, что тогда следует увеличить пошлину и на ткани. Хотя было чрезвычайно неудобно выказывать тут разногласие в мнениях, тем не менее я должен был сказать, что в пошлине на ткани, которые облагаются по 20и 34 р. с пуда, прибавка в 1 ½ р. на пряжу не может иметь существенного значения; но выходка Резанова испортила все дело, тогда как, судя по вопросу Чевкина, можно было видеть, что мое заявление о пошлине на пряжу произвело известное впечатление. Возвышения, как известно, не последовало (в 1884 году пошлина была поднята до 12 р. 75 к. и 14 р. 25 к.).

После того председатель объявил, что мы можем отправляться, но мне сказал, чтобы я подождал немного; дожидаясь соседнем зале, я не мог придумать, что он за-

мышляет относительно меня, но дело объяснилось; вышедши, он передал мне, что так как я занимался разработкой многих вопросов и хорошо ознакомился с ними, то не пожелаю ли я принять участие при их рассмотрении, хотя бы, например, по кожевенному производству. Это наделали все писанные мною отдельные мнения; я отказался, объяснив, что предметы те не составляют моей специальности настолько, чтобы я мог входить в объяснение по ним в больших подробностях против изложенного в поданных мнениях.

Затем, при посредничестве Бабста, мы получили разрешение представиться Наследнику Цесаревичу; представление это состоялось в воскресенье в Аничковском дворце после обедни, при совершении которой мы присутствовали; когда по окончании ее мы проходили чрез дворцовые комнаты, то находившиеся там с любопытством осматривали нас, так как в партикулярных костюмах там никого не было. Мы были приняты Наследником Цесаревичем и Цесаревной; на принесенную нами благодарность за внимание, оказанное русской промышленности участием в рассмотрении тарифа, и ходатайство о поддержании ее в дальнейшем, Государем Наследником, с обычным сочувствием, которое мне приходилось постоянно встречать впоследствии, были сделаны нам некоторые краткие вопросы и при этом, между прочим, выражено, что «ничего с ними не поделаешь».

Приведенные обстоятельства доставили мне случай сделаться известным Рейтерну и Чевкину, о последствиях чего придется говорить позже.

За заслуги, оказанные на пользу промышленности, получили тогда же, — вследствие, конечно, представления Бутовского, — награды по Министерству финансов: Лямин — звание коммерции советника, а Резанов и Бостанджогло — следующие ордена, так что из содействовавших

недопущению собрания фабрикантов никто забыт не был, хотя Бостанджогло, как член отделения Мануфактурного совета, даже никаких особых занятий по отделению не имел. Кроме того, из участвовавших в тарифной комиссии, Третьяков и Сапожников (последнему был только 25-й год от рода) в июне 1868 года были назначены в члены отделения Мануфактурного совета.

Между тем в мае 1868 года были произведены Купеческим обществом выборы в члены отделения Коммерческого совета; поводом к тому было то, что 6 лиц из его состава, которым, как говорилось, было вместе 475 лет, давно уже не посещали заседаний отделения. В числе кандидатов, назначенных для выбора, находился и я; но Бостанджогло и Резанов не сочувствовали вообще той партии, к которой я принадлежал, а потому при выборе я вышел последним и при этом получил равные баллы с Иосифом Франц. Ценкером, который, бывши человеком прямым и знавши как причину сказанного, так и ту работу, какая досталась в тарифном деле на мою долю, тут же отказался от жребия, вследствие чего я и вступил в члены отделения.

Вскоре после того, 6 июня, состоялись выборы на должность председателя Биржевого комитета, при которых произошло то же, что и при выборах 1865 года; Лямин был забаллотирован, получивши 29 избирательных шаров при 68 наличных избирателях; выбран же был Морозов 39 шарами против 29; сторонники Лямина были поражены случившимся; старшина Попов, руководивший выборами при баллотировке Лямина, пришел в недоумение, усомнившись даже в том, не ошибся ли он при счете; но таково было общее настроение вследствие того образа действий, который был обнаружен Ляминым в тарифном деле. Так как в то время выборы представлялись на утверждение генерал-губернатора, то осиротевшие члены биржевого комитета решились при этом указать на

неправильность избрания Морозова ввиду того, что он принадлежал к расколу; но такой предлог не мог быть признан уважительным на том основании, что закон не допускал к выбору только принадлежащих к вредным сектам, Морозов же был из приемлющих священство; поэтому хотя утверждение и затянулось, тем не менее оно 19 июля последовало. Князь Долгоруков, со стороны которого Лямин пользовался расположением, уклонился от утверждения Морозова и предоставил это заменявшему его губернатору во время отсутствия своего в Москве; сторонники Лямина представили ему заявление, собравши большое число подписей, в котором, перечислив заслуги его, указывали, что в выборах участвовала лишь незначительная часть купечества, имевшего на то право; но при этом забывалось, что и при выборах 1865 года, когда Лямин перебил Хлудова, участвовало подобное же число избирателей.

Так как отделение Коммерческого совета, в члены которого я был выбран, созывался лишь по вопросам торгового свойства, что бывало редко, большая же часть дел касалась Мануфактурного совета, в состав которого были назначены Третьяков и Сапожников, из коих последний в тарифном деле принимал самое незначительное участие, тогда как ни я, ни Санин и Мошнин, производившие главные работы, сего удостоены не были, то возникло намерение сделать со стороны фабрикантов и торговцев заявление о желательности введения нас в состав отделения Мануфактурного совета; в этих видах было послано прошение министру о назначении меня в эту должность и подано заявление Резанову о представлении Санина и Мошнина к такому назначению; подписано было и то и другое 70 лицами из среды фабрикантов и купечества вообще. Резановым сказанное заявление было предложено на рассмотрение отделения Мануфактурного совета и,

согласно состоявшемуся постановлению, препровождено в Петербург, но, как пришлось слышать впоследствии, частным образом было сообщено, что в членах отделения недостатка не встречается; само понятно, что при таком положении дела и враждебных отношениях Бутовского к представленным лицам это осталось без всяких последствий; тому же подверглось и прошение, поданное министру относительно моего назначения; нарушение власти председателя на представление угодных ему и, конечно, директору Департамента торговли и мануфактур лиц министерством не допускалось.

При указанных выше встреченных фабрикантами затруднениях к обсуждению касающихся промышленности дел промышленный люд пришел к твердому сознанию необходимости в неотлагательном приобретении надлежащей организации; в этих видах 14 марта 1869 года подано было в Биржевой комитет, за подписью 100 лиц, составленное мною заявление о необходимости выработки для Биржи устава, соответствующего уставам, изданным для некоторых вновь открытых бирж, и достигающего сказанной цели; согласно этому была образована при Бирже комиссия, председателем которой был избран я; к осени работы были окочены и 18 ноября проект устава был представлен в министерство, а 20 марта 1870 года, без всяких изменений, по положению комитета министров Высочайше утвержден. Такому скорому разрешению содействовало личное ходатайство Морозова, в то время сделавшегося уже известным министру, к которому он стал обращаться непосредственно, а затем и то, что отношения его к Н. А. Ермакову приняли благоприятный характер.

Между тем, до издания нового устава, в 1870 году предстояло производство выбора в биржевые старшины; я служил в то время в Коммерческом суде, но, как занимавшийся составлением проекта устава, был претендентом на

эту должность. Морозов мне сочувствовал в этом, тем более что состоявшие с ним старшины были сослуживцами и сторонниками Лямина, вследствие чего он не мог видеть в них единомышленников в его направлении; а так как тут не было влияния Резанова и Бостанджогло и присных им лиц, то при выборах, состоявшихся 5 марта 1870 года, я вышел старшим из избранных, получив 54 избирательных из 60 шаров; в этой должности я пробыл до 1877 года, с начала которого занял место председателя, на коем, по милости Божией, нахожусь по днесь.

По утверждении устава было приступлено немедленно к сооружению нового биржевого управления, и 6 мая произведено избрание 100 выборных; вслед за тем для предварительного рассмотрения вопросов, поступающих на обсуждение выборных, была образована постоянная комиссия, в председатели которой был избран я (что осталось и до настоящего времени); затем дело пошло новым порядком; стали выдвигаться, как со стороны торгового сословия, так и по предложениям Министерства финансов, разные вопросы, требовавшие разработки. Этим было положено начало введению московского биржевого торгово-промышленного сословия в число самостоятельных общественных учреждений.

В течение времени, которого касаются настоящие мои воспоминания, были 2 мануфактурные выставки, из коих первая была в Москве в 1865 году; помещалась она в залах дома Дворянского собрания. Я помню и предшествовавшую ей выставку 1853 года, помещавшуюся там же, но я был на ней лишь как посетитель, на эту же имел доступ как экспонент, так как нами были выставлены шерстяные набивные платки нашей фабрики. Тогда главным действующим лицом был А. И. Хлудов — председатель отделения Мануфактурного совета; для министра финансов Рейтерна, приезжавшего на выставку, был устроен тогда

обед в доме Г. И. Хлудова. Товар, выставленный нами, был весьма удовлетворителен; но, по незначительности нашего производства, а в особенности по отсутствию протекции, он не удостоился внимания со стороны экспертизы.

Следующая выставка была в 1870 году в Петербурге (в здании Соляного городка); нами была выставлена тогда аппаратная шерстяная пряжа, за которую мы сподобились награждения бронзовой медалью.

Одновременно с этим был учрежден торгово-промышленный съезд под председательством великого князя Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. Бывши на выставке, я присутствовал в заседании одного из отделов съезда, состоявшего под председательством В. И. Вешнякова (в то время, кажется, уже директора Департамента сельской промышленности); в числе предметов, подлежавших обсуждению в этом отделе, был вопрос о преобразовании учреждений, заведовавших делами торговли и промышленности, вследствие их неудовлетворительности, об отмене несменяемости их членов, о введении в них выборного начала и предоставлении им большего значения, об образовании торговых палат наподобие существующих за границей. Неудовлетворительность действующих учреждений и необходимость преобразования их были признаны; этому сочувствовал и Вешняков, который, как тогда высказывалось, намеревался, при осуществлении этого, занять место в области этой деятельности — тут делался намек на необходимость отделения торгово-промышленной части от Министерства финансов, но этот вопрос поставить на рассмотрение съезда он не мог.

На выставке Резанов занимал видное место, как председатель Московского вспомогательного выставочного комитета; на сцену были им выдвинуты и близкие к нему члены отделения; он был награжден орденом Владимира 3-й степени (минуя 4-ю). Это давало нашей компании надежду,

что он, достигнув теперь высшей награды, доступной лицам из купечества, оставит свою многополезную службу; без него мы надеялись добиться легче преобразования отделений; но это было напрасной мечтой; он, подзадориваемый примером своего друга Бостанджогло, возымел намерение направиться далее по чиновной лестнице, и тогда службе его не стало уже видеться конца.

Так как мне пришлось слышать, что Чевкин, как и некоторые другие петербургские высокопоставленные чины, любит, когда к нему являются известные ему лица не в качестве просителей, а для засвидетельствования уважения и преданности, то, воспользовавшись случаем нахождения моего в С.-Пб., я сделал ему визит; он принял меня весьма ласково — совершенно иначе против первого объяснения моего с ним в апреле 1868 года, спрашивал о ходе дел и о влиянии нового тарифа; об этом я говорю потому, что это находится в связи с дальнейшим, о чем речь будет на своем месте.

Кстати, сказать следует, что из бывших в тарифной комиссии наших депутатов Мошнин был человек юркий, состоявший уже ранее на государственной службе и изыскивавший возможность, помимо принесения пользы общему делу, к извлечению из возложенной на него обязанности и выгоды личной; сделавшись, таким образом, известным Министерству финансов и сблизившись с принадлежащими к нему чинами, он нашел случай к поступлению в чиновники особых поручений министерства с откомандированием его для занятий в московское отделение Мануфактурного совета, как это делалось нередко с целью предоставления кому-либо служебных прав. На практике встречалось, что по инициативе председателя отделения или по желанию Департамента торговли к отделению прикомандировывались лица, которые к службе по Министерству финансов никакой прикосновенности не имели, и даже такие, которые едва ли когда бывали в

Москве; такой экземпляр был встречен мною при поступлении моем в председатели отделения — фамилии не помню; оказалось, что он в течение многих лет проживает за границей, и когда я всех прикомандированных пригласил для исполнения некоторых обязанностей, то все эти лица подали прошения об их увольнении.

Осенью 1870 года был в Москве проездом министр финансов; по указанию Резанова он осматривал некоторые фабрики, в том числе камвольную Ганешиных; приезжал он туда в сопровождении управляющего его канцелярией, тогда совершенно молодого человека, дейст. ст. сов. Дмитрия Фомича Кобеко (теперь член Государственного совета и директор Публичной библиотеки). Я был там в это время, и когда Резанов вздумал отрекомендовать меня министру, то он заметил, что меня знает; из этого я видел, что мое присутствие в Государственном совете оставило некоторый след, а так как незадолго перед тем вышел неисполнимый закон об устройстве лестниц в фабричных зданиях (на каждых 8 саженях), то я воспользовался этим случаем и объяснил ему неприменимость такого закона, показавши это на практике. Он велел сделать о том представление, которое вскоре получило разрешение в желаемом смысле.

В конце года, хотя число членов отделения Мануфактурного совета не уменьшилось, а количество дел не увеличилось, тем не менее Резанов, ввиду возникшего у В. М. Бостанджогло желания сделать членами отделения брата его Николая Михайловича (человека неделового в общественном отношении) и зятя (мужа сестры) А. В. Алексеева, не стеснился представить министру о признаваемой им полезности усилить состав отделения с целью успешнейшего выполнения возлагаемых на отделение поручений (хотя на деле число последних было ничтожно), причем для него было уже неудобным обойти меня, Санина и Мошнина, тем более что последний был уже чи-

новником министерства и стал к нему в более близкие отношения. Вследствие сего все мы в марте 1871 года были утверждены в этой должности, так что я сделался одновременно членом обоих отделений, каковым оставался до слияния их в конце 1872 года.

С переустройством биржевого управления Биржевой комитет стал захватывать в свое ведение более и более дела, не только затрагивавшие интересы торговли, но и имевшие специально промышленное значение; Биржа стала привлекаться к участию в рассмотрении различных вопросов, начавших возбуждаться со стороны правительства; деятельность отделений советов стала заметно чахнуть; но вот при назначенной к открытию в Москве в 1872 году политехнической выставке возникла мысль устроить промышленный съезд. Министерство финансов, не желая давать на этом съезде пищу для нового толкования о недостатках наших учреждений, ведающих делами торговли и промышленности, решилось предупредить это изданием для них нового положения с применением к ним, хотя и с ограничительными мерами, сменяемости членов и выборного начала. Против допущения последнего вообще, как тогда пришлось слышать, восставал шеф жандармов, которым тогда был граф Шувалов, считавший невозможным применять такое начало к государственным должностям. Поэтому Бутовский измыслил для этого первоначальное назначение членов по избранию министра на 4-летний срок, а затем предоставление выбора самим членам, притом ⅔ большинством голосов и в тройном против потребного числа, дабы из них для утверждения мог быть сделан новый выбор. Советы мануфактурный и коммерческий были слиты вместе под названием Совета торговли и мануфактур, так же как и их московские отделения. В круге деятельности всех этих учреждений не последовало никаких изменений, и вся эта переделка была лишь

бесплодной канцелярской работой, нисколько не соответствовавшей тому, что вызывалось потребностями жизни; но изобретенный порядок выбора представляет в Москве (в Петербурге обходят его, как я слышал, простым соглашением) постоянные хлопоты, вызывая необходимость в перебаллотировке назначенных для того лиц по 7 и 8 раз в видах установления между ними старшинства. На первый раз были назначены членами бывшие таковыми в отделениях 32 лица; избрание председателя в образованном отделении стало производиться, как это практиковалось и ранее, записками; а так как последняя оставалась после того в его руках, то естественно, что было весьма щекотливым назначать других лиц при согласии его остаться вновь. Резанов же, направившийся по указанной мною выше дороге, при каждых выборах для вида отказывался, но встречал настойчивые просьбы его сторонников о продолжении своей деятельности и благодушно соглашался на это; об этих настояниях и изъявлении на них снисходительного согласия заносилось в журналы, которые, конечно, подписывались всеми. Так дело шло до тех пор, пока он получил все доступные по этой должности чины и, наконец, Станиславскую ленту; тогда он отказался, тем более что следующая награда была у него в перспективе по предстоявшей мануфактурной выставке, а далее ждать было нечего.

Обстоятельства, сопровождавшие различные совершавшиеся общие преобразования, стали выдвигать в области торгово-промышленной деятельности новые виды занятий, дотоле совершенно чуждые торгово-промышленному сословию. Кроме возникновения кредитных учреждений, о котором было сказано выше, явилось железнодорожное строительство. Опыт, почерпнутый из постройки, без участия казны, Троицкой железной дороги (до Сергиевского Посада), дал некоторым лицам из среды купечества мысль заняться делами подобного рода. Первый к тому случай

представился при появлении сведений о возможности взять у казны Николаевскую железную дорогу, находившуюся в ведении Главного общества российских жел. дорог; инициаторами того были устроители Троицкой дороги, руководительство же делом принял на себя начавший выступать в то время в различных начинаниях И. А. Лямин; им были приглашены к участию известные в торговом мире лица. Ходатайство по этому предмету было представлено, но оно успеха не имело, так как Главное общество не выпустило из рук этого лакомого куска. Тогда несколько времени спустя теми же лицами было сделано обращение к правительству о предоставлении им постройки Смоленской железной дороги; но и это оказалось напрасным, так как все уже было слажено со стороны министерства с евреем Варшавским. Между тем московским предпринимателям было тогда обещано предоставить им дело при первом могущем оказаться случае, а таким явилась продажа со стороны казны Курской железной дороги; для этого составилась компания из 9 лиц; ходатайство было возложено на Ф. В. Чижова, М. А. Горбова, Т. С. Морозова и А. Н. Мамонтова; оно потребовало от них постоянного нахождения в С.-Пб., хотя и попеременно, в течение 9 месяцев, вследствие чего им было предоставлено двойное участие в предприятии. Все это совпадало отчасти со временем исходатайствования мною разрешения на устройство Торгового банка; я помню тогдашние сообщения, что всеми подсчетами и выкладками занимался у них Александр Агг. Абаза (впоследствии министр финансов), бывший в числе участников и являвшийся к ним для работ в свободное от занятий время — по ночам; в конце концов дорога была приобретена; результат этой операции известен — участниками внесено было лишь на первоначальные расходы по 5 тыс. руб. на каждый пай (из 13); вся же потребная сумма была занята у бр. Беринг в Лондоне и покрыта с процентами получившимся доходом, не требовавши никаких

взносов; был даже выдан какой-то дивиденд. Затем при выкупе дороги обратно в казну выручено на каждую из 13 частей (на каждый пай) более нежели по 3 милл. руб.; вот откуда Чижов, не имевший почти ничего, приобрел громадный капитал, поступивший после него на образовательные цели; часть Абазы (какая она была, я не знаю, так как участвующим числился родственник его Бенардаки) была ранее выкупа взята от него за долг в казну, как сообщалось, за 900 тыс. руб.

В 70-х гг. являлась также мания к домостроительству; этим увлекался тогда В. И. Якунчиков; испытание было сделано им на постройке (в 1876 году) Петровских линий; но дело это оказалось крайне неудачным; доходы не могли покрывать текущих расходов и процентов по ипотечным займам; половина постройки была брошена, оставшись за Земельным банком; внесенный участниками первоначальный капитал в 1 млн руб. потерялся совершенно; в конце все перешло к Якунчикову вследствие произведенного им лично пополнения капитала.

В 60-х годах в редкой отрасли человеческой деятельности не возникло мысли о каких-либо нововведениях. Так и состоящее при Московском университете Общество любителей естествознания сделало попытку устроить в 1867 году этнографическую выставку, причем по инициативе славянофильской партии состоялся съезд представителей различных славянских народностей.

Затем общество любителей естествознания, искусившись устройством сказанной выставки, имевшей научный характер, и собранием этим путем коллекций для этнографического музея, задумало соорудить музей прикладных знаний и для организации его устроить политехническую выставку. В то время председателем общества состоял профессор Григорий Ефим. Щуровский, геолог, старый ученый, человек благонамеренный и благо-

душный, не видевший ни в чем других интересов, кроме научных, а вице-председателем был профессор Август Юл. Давидов, известный математик, и хотя преданный также целям науки, но нечуждый вполне и других направлений. Между тем в числе членов общества находился профессор зоологии Анатолии Петр. Богданов, творец предшествующей выставки, человек весьма тонкий и изобретательный; у него-то и явилась мысль о сказанных новых сооружениях. Приурочить их представлялось удобным к предстоявшему исполнению 200-летия со времени рождения Императора Петра I. Богданов, бывший тогда гласным Думы, безмолвный в обыкновенное время, поднял голос при возбуждении вопроса о выражении сочувствия устройству сказанного музея, подготовивши для того заранее почву, а так как для этого никаких жертв со стороны города не требовалось, то такое заявление не встретило противоречий. В подобном же духе отнеслось к этому вопросу и биржевое общество; разрешение как относительно выставки, так и музея последовало; почетное председательство на выставке, а затем и в музее было принято на себя великим князем Константином Николаевичем; товарищами к нему были назначены Николай Вас. Исаков (в то время начальник военно-учебных заведений) и генерал-губернатор князь Долгоруков. При такой постановке дела казенные учреждения приняли участие в выставке и, вследствие того, она приняла почти одинаковый характер с выставками, учреждаемыми правительством. Ввиду того что предшествующая выставка была устроена на пожертвованные средства, кажется, Дашкова, бывшего почетным опекуном (участвовал ли кто еще, я не знаю), Богданов направил прежде всего свои действия на привлечение лиц, могущих принять на себя устройство каких-либо отделов, равно как на приглашение сотрудников, способных к приисканию экземпляров, стремящихся к

получению наград, и с этой целью желающих делать пожертвования. Недостатка в таких сотрудниках не оказалось, все они набрались, конечно, из чиновного мира, им были также обещаны награды, которые все они и получили, да, кроме того, предстояло удовольствие проводить приятно время и фигурировать на глазах высокопоставленных лиц; такими были некий Миляев, ранее из дюжинных чиновников в Почтамте, но женившийся на богатой вдове и оставивший службу, Давидов Иван, брат профессора, известный чем-то (?) по своей службе при тюремном комитете; эти лица вскоре достигли даже тайного советничества. Искателей случая получить легко награды и выдвинуться вперед с целью приобретения других более существенных благ набрался целый муравейник; в выборе жертвователей разборчивости не существовало; требовалось лишь доставление денег; жертвоприносители находились большею частью в среде купечества, преимущественно в числе не знавших хорошо цену деньгам, как, например, Петр Ион. Губонин бывший десятник при строительных работах, превратившийся в крупного железнодорожного подрядчика, давший большую сумму за получение потомственного дворянства, Михаил и Николай Павл. Малютины (первый едва достигший совершеннолетия, а последний несовершеннолетний), унаследовавшие после отца, отказывавшего себе даже в необходимом, значительное состояние и пожертвовавшие 40 тыс. руб. за награждение орденами Анны 3-й степени, и другие, в числе коих были также лица иных сословий, как князь Сергей Михайл. Голицын, в то время совершенно юный, получивший прямо орден Владимира 4-й степени.

Выставка была размещена в Александровском саду и по набережной Москвы-реки; первый раз была при этом применена павильонная система; значительную часть набережной занимал отдел морского ведомства, управление которым было возложено на лейтенанта Николая Мих.

Баранова (впоследствии бывшего нижегородским губернатором). На выставку принималось все, что только кем-либо предлагалось, если только выражалось желание употребить на то свои средства; соответственность устраиваемого назначению выставки была, при таких условиях, всегда признаваема; это был винегрет. Выставка открылась 30 мая 1872 года — в день рождения Императора Петра I; в Москву был доставлен ботик, который был спущен на реку у устья Яузы; а так как вследствие мелководья он не мог идти, то в назначенное для открытия выставки время была спущена Бабьегородская плотина, и великий князь прибыл на нем к месту высадки у Тайницкой башни. В этом неловким было то, что, по спуске плотины, по реке плыла масса щеп и стружек — откуда они взялись, не знаю. Одновременно с этим, независимо от творцов политехнической выставки, был устроен в Кремле Севастопольский отдел на средства бывшего откупщика Ивана Алекс. Кононова, соединявшийся с выставкой чрез проход в Тайницкой башне; он имел историческое значение и состоял под покровительством Наследника Цесаревича. Затем на общие средства выставки был сооружен на Варварской площади деревянный народный театр, заведование которым было поручено артисту Федотову; это был первый опыт устройства народных и частных театров. По просьбе Богданова я устроил отдел мануфактурный, т. е. относящийся к обработке волокнистых веществ; для этого мною были собраны между фабрикантами и купечеством средства, из которых была употреблена часть на постройку павильона, далее выдано Мошнину 472 тыс. руб. на устройство какого-то отдела, который он принял на себя, за что и получил награду, не тративши собственных денег и не собиравши их (он к этому имел большое пристрастие), а остальное было мною удержано и употреблено в пользу Александровского училища; мануфактурный отдел, по характеру

дела, был небольшой, так как конкуренция не имела места; устройство витрин падало на счет самих экспонентов. Выставка была посещена 20 июля Государем Императором вместе с Наследником Цесаревичем и Цесаревной, в том числе и мануфактурный отдел; я сопровождал Государя и делал объяснения на краткие предложенные вопросы; осматривал выставку также и министр финансов, посетивший между прочим и народный театр. Во время выставки устроен был обед, удостоенный присутствием великого князя Константина Николаевича, после чего участники в выставке были приглашаемы группами к обеду в Николаевский дворец; великий князь держал себя весьма просто, чем вызывал общие симпатии; он входил в подробности дела и, видимо, был с ним хорошо ознакомлен.

Одновременно с выставкой был организован, как уже мною сказано, промышленный съезд; в председатели его был избран Н. В. Исаков, а в товарищи к нему — я. Открытие последовало в зале Думы, но председатель, по незнакомству с подлежащими ведению съезда предметами, на открытие не явился, и оно выпало на мою долю, причем прошло в надлежащем порядке, так как я был предупрежден о возможности этого. Руководительство распределенными по отделам занятиями съезда было возложено на Виктора Карл. Делавоса, А. П. Шипова, С. М. Третьякова и меня; особенно выдающихся вопросов не было; самое ораторство, которым изобилуют появляющиеся съезды, имело весьма ограниченные размеры. Помню, что в подведомом мне отделе в этом отличался до некоторой степени Константин Аполл. Скальковский, тогда еще совсем юный, впоследствии бывший директором Горного департамента, а ныне занимающийся критикой распоряжений различных правительственных учреждений. Из возбужденных на съезде вопросов, получивших осуществление, представляется вопрос об устройстве общества тор-

гового мореходства. Последнее общее собрание съезда происходило также под моим председательством в зале Биржи; оно было в сущности лишь исполнением формальности, тем более что и самый съезд был сочинением Богданова, а не следствием назревшей в нем потребности.

По окончании выставки немалая часть экспонатов и большое количество витрин были предоставлены в пользу учреждаемого музея, которому этим и было положено основание до постройки для него нынешнего здания; он первоначально был открыт на Пречистенке в доме Степанова, где перед тем находился яхт-клуб. Аппетиты Богданова были крайне велики; Александровский сад, занимающийся выставкой, он заранее считал уже могущим подвергнуться захвату для устройства музея и, пользуясь высоким покровительством, достиг передачи его, нисколько между тем не принимая в расчет того, какие средства могли потребоваться на одно сооружение такого музея, для которого было бы необходимо все пространство, находящееся под садом. Он постоянно приводил в пример Кенсингтонский музей и желал быть творцом подобного ему; при этом одновременно он хлопотал о приобретении земли от города на Лубянской площади, основываясь на том, что Дума, возбуждавшая перед правительством ходатайство о разрешении устройства такого музея, обязана уже нравственно принести на это жертву предоставлением музею земли, не приносившей в то время, — после того, как сгорели находившиеся на ней деревянные яблочные балаганы, — никакого дохода, и громадная площадь, имеющая теперь значительную ценность, была Думой уступлена музею. Впоследствии, когда Александровский сад, находясь в течение многих лет без поддержки, пришел в полнейшее запущение, Дума возбудила ходатайство об его отобрании в дворцовое ведомство, что, наконец, и последовало. Музей в отношении общих удобств действовал без особой

церемонии; так, павильон морского отдела, занимавший значительную часть набережной и предоставленный в его собственность, оставался в течение многих лет неразобранным; проезда по набережной не было.

Я уже говорил, что другой группой, не богдановской, был устроен при выставке Севастопольский отдел; у этой группы явилась мысль устроить музей «Исторический»; исходатайствовано было принятие его под покровительство Наследника Цесаревича; часть средств, весьма значительных, на постройку здания была обещана тем же Кононовым и, вследствие некоторого оказанного давления, городом была уступлена для того земля на Красной площади, предназначавшаяся для постройки здания для Думы, помещавшейся еще в доме Шереметева (на Воздвиженке), откуда ей предстояло выбираться. Постройку было придумано произвести с получением ссуды из Кредитного общества; торжественная закладка была совершена в августе 1875 года в присутствии Государя Императора и Царской фамилии; но, когда здание стало приводиться к окончанию, предположенных средств оказываться стало недостаточно, притом и Кононов, вследствие изменившихся в то время обстоятельств, стал уклоняться от дальнейших жертв, тем более что он уже получил и Владимира 3-й степени, и чин статского советника. Положение сделалось критическим; долг Кредитному обществу по неплатежу процентов рос; предстояла продажа с торгов, если бы не вмешалось правительство и не взяло всего дела в казенное ведомство. Да, можно сказать, были дела.

При высказывании соображений относительно потребности в таможенно-тарифном ограждении внутренней промышленности, делалось постоянно указание на затруднительность у нас кредита и дороговизну денег вследствие отсутствия кредитных учреждений.

Действительно, до начала 60-х годов для удовлетворения потребностей торговли существовал один государственный коммерческий банк с конторами в нескольких более значительных городах; деятельность банка была весьма ограниченной; учетная операция, представлявшая для торговли главное значение, определялась для каждого лица родом гильдии, к которой то лицо принадлежало; для лиц 1-й гильдии допускался прием к учету векселей на 57 142 руб. 86 коп. (что составляло прежние 200 тыс. руб. ассигнациями), для 2-й гильдии — 28 571 руб. 43 коп. (т. е. 100 тыс. руб. асс.) и для 3-й — 7 142 руб. 80 коп. (т. е. 25 тыс. руб. асс.), и эта сумма давалась на 2 лица (векселедателя и надписателя); размер учета был одинаковым — 6 %; такой кредит в банке считался большею частью постоянным пособием, без отношения к совершаемым операциями, и потому большая часть векселей не имела торгового характера; они писались прямо для получения денег из банка; по зависимости же размера кредита от рода гильдии записывали в купечество своих приказчиков с целью представления в банк взятых с них векселей. Одно и то же повторялось бесконечно; тогда существовало даже выражение «такой-то ходит с таким-то»; это признавалось нормальным явлением; уплата денег после срока в течение грационных дней считалась неисправностью, имевшею при неоднократном обнаружении ее влияние на продолжение кредита. Приходилось слышать, что лица, оплачивавшие векселя в последний грационный день, вызывались в присутствие и им делалось замечание. Контора банка в Москве помещалась в доме на Никитском бульваре, где теперь живут чины банка. Для представления векселей к учету в банк существовали при конторе специальные маклера; ими, когда мне пришлось познакомиться с этим учреждением, были: Ю. Ф. Шульц, занимавшийся более крупными делами, Ф. Х. Далер, незадолго перед тем

перекочевавший в Москву из С.-Пб., Н. И. Струков и А. Н. Никифоров, низенький старичок, занимавшийся делами с некоторыми лицами по прежнему знакомству; затем денежными операциями занимались частные лица, называвшиеся «интересанами», в числе коих были делавшие более крупные дела за сравнительно умеренные проценты, которыми считалось от 8 до 9 %, а также такие, деятельность которых, по-нынешнему, имела чисто ростовщический характер, дававшие деньги по 1 ½ и 2 % в месяц. Скидка за выдачу до срока денег по 1 % в месяц по товарным расчетам признавалась вполне нормальной. По городам имелось несколько (5, 6) общественных банков с самыми маленькими средствами и ничтожными оборотами, о деятельности которых не было и слуха. В 1860 году последовало преобразование Коммерческого банка и переименование его в Государственный банк, с устройством, кроме конторы отделений в разных городах; преобразование московской конторы произошло в 1863 году; она переместилась тогда в здание Опекунского совета (на Солянке).

При таком общем состоянии кредитной части, в 1863 году открылось в Петербурге кредитное учреждение нового типа — общество взаимного кредита, председательство в правлении которого принял на себя Евгений Ив. Ламанский; затем в следующем 1864 году был открыт там же частный Коммерческий банк; правительством, в видах поощрения этого нового предприятия, было принято в нем участие; в счет основного капитала в 5 милл. руб. государственным банком была выдана ссуда в 1 милл. руб. беспроцентно на 5, кажется, лет и кроме того было предоставлено ему право представлять в переучет векселя по низшему (на ½ %) против взимаемого с клиентов проценту. В целях предоставления возможности к получению ссуд под недвижимое имущество появились в 1861 и

1863 годах в Петербурге и Москве также небывалые ранее учреждения — кредитные общества; московское Кредитное общество было принято под покровительство города; бразды правления в нем, в качестве председателя, принял Константин Карл. Шильдбах, человек юркий, тонкий, служивший дотоле в ссудной казне и понимавший значение предстоявшей этому обществу деятельности; туда же примазались и некоторые другие лица из думского лагеря. С изданием нормального положения для городских общественных банков стали возникать и эти учреждения, хотя, по незначительности их средств, им не предназначалось какой-либо широкой деятельности.

В рассматриваемое время В. А. Кокорев, по прекращении откупных дел, изобретал разные новые предприятия и уже успел порастратить на них довольно значительную часть своих средств; обративши внимание на возникавшее направление в развитии коммерческого кредита — на начатие действий петербургским частным банком, он обратился к представителями московского купечества с предложением учредить такой же банк в Москве; устроителем дела, по составлению устава и исходатайствованию разрешения на открытие банка, на что в правительственных сферах смотрелось с осторожностью, был приглашен им некто Н. Н. Сущов, впоследствии упражнявшийся в сооружении различных подобных учреждений; он получил за труды 5 тыс. руб.; кем он был тогда, я не знаю; но вскоре после того я слышал, что он был сенатором, и при учреждении одного банка подавался совет обратиться к нему; жив ли он — сведений не имею.

Основный капитал открываемого Купеческого банка был определен в 2 милл. руб.; открытию этому было придано общественное значение; так как руководительство устройством дела принял на себя И. А. Лямин, состоявший биржевым старшиной, то подписка на участие была

произведена в биржевом зале, с принятием предварительных взносов Биржевым комитетом; но подписка тогда не могла увенчаться желаемым успехом; некоторые лица, изъявлявшие на то ранее согласие, уклонились от этого, и подписка ограничилась суммой в 1 260 000 руб., с чем банк и начал свои действия. Он поместился тогда за Москвой рекой на Кокоревском подворье (в здании, выходящем на водоотводный канал, в глубине двора). Затем при организации правления было принято на вид то, что во главе дела должно быть поставлено лицо, принадлежащее к числу политикоэкономистов (настолько торговый люд был тогда далек от этого дела), и потому в председатели был избран Ф. В. Чижов, занимавшийся устройством железной дороги в Сергиевский Посад. Для заведования операциями по иностранной части приглашен был Александр Егор. Воинов, состоявший перед тем при делах торгового дома «Симон Якоби», человек весьма бестолковый, далее в директоры были выбраны: Владимир Плат. Ляхов, взятый из директоров московской конторы Государственного банка, заведовавший там ссудным отделением, Николай Иван. Струков, биржевой маклер, занимавшийся дисконтной частью и хорошо знакомый с ней, Дмитрий Дмитр. Катюнин, бывший приказчиком Марка по торговле пушным товаром, человек малограмотный, поставленный туда Павлом Петр. Сорокоумовским по-приятельски, и, наконец, некто Вишневский, служивший у Кокорева, заведовавший постройкой его дома и им приуроченный к банку, чтобы дать место знакомому свободному человеку. 1 декабря 1866 года банк открыл свои действия.

Мне пришлось быть в нем раза 2 в его первоначальном помещении; пустота была страшная; директора с распростертыми объятиями встречали являвшихся с какими-нибудь делами — не так, как представляется это теперь. Не помню точно, сколько времени банк оставался там, но

во всяком случае довольно скоро было признано неудобство его помещения по отдаленности такового от центра торговли — города; в этих видах для него было приискано место в доме Барановой (на Варварке) в здании, находящемся внутри двора; банк занял 2-й этаж этого здания, где и пробыл до перехода в собственный дом (на Ильинке). Во главе совета стал с самого начала И. А. Лямин, а товарищем его Ф. Ф. Резанов; довольно скоро из числа директоров вышел Вишневский и на его место вступил И. К. Бабст, который вскоре, по оставлении занятий Чижовым, занял место председателя правления, а на освободившееся место директора поступил Владимир Петр. Перцов, бывший правителем канцелярии прибалтийского генерал-губернатора и состоявший сотрудником газеты «Москва»; в Купеческом банке существовала тенденция к предоставлению ближайшего управления лицам чиновного и ученого мира — заискивание их расположения и отсутствие уверенности в силах самого торгового люда; режим, введенный Чижовым, носил в известной степени казенный характер, что сохранилось, хотя и в меньшей мере, и до настоящего времени.

Дела Купеческого банка пошли хорошо; такое выяснившееся положение учреждения нового рода, с одной стороны, и сведения об удачном ходе дел незадолго пред тем открывшегося в С.-Пб. общества взаимного кредита, начавшего давать большую пользу, — с другой, послужили поводом к устройству в Москве вскоре двух новых кредитных учреждений.

В. С. Марецкий, изыскивавший средства для поддержания Практической академии, бывшей, как сказано выше, в критическом состоянии, и задававшийся весьма часто несбыточными идеями, возбудил вопрос об устройстве при академии общества взаимного кредита, которое могло бы служить ей пособием, причем он выражал

мысль, что воспитанники могут заниматься в самом обществе и тем практиковаться в банковской деятельности; настолько туманное понятие имел он об этом деле, мечтая одним выстрелом убить двух зайцев. Мысль эта, переданная им старшине Бостанджогло, была принята к надлежащему соображению, но Бостанджогло посмотрел на дело иначе; ознакомившись с ходом дел петербургского общества, он, пригласив к участию некоторых лиц, решился основать самостоятельное учреждение с поставлением для него обязательным уделять часть прибыли (10 %) в пользу благотворительных учреждений Купеческого общества, с тем чтобы не менее половины этого шло для академии. Устав был утвержден, в конце 1869 года последовало открытие действий общества. В предположении о предстоящей скромности этого учреждения оно было помещено в том же доме Барановой, в 3-м этаже над Купеческим банком, с входом из Юшкова переулка. По приглашению Бостанджогло, а тогда отношения мои к нему были удовлетворительными, я был причислен также к числу учредителей общества; это ни с каким интересом связано не было. Совет был образован учредителями из своей среды; в состав его вошло несколько лиц, состоявших членами совета Купеческого банка, как людей уже опытных, был выбран туда же и я, председателем был избран Т. С. Морозов. Надобно заметить, что совет в то время никакого вознаграждения не получал, исполнявши эту обязанность из чести, и только через 5 лет, с изменением устава, ему было назначено небольшое процентное отчисление, когда я уже членом его не состоял. Первым делом явилось образование правления; признано было необходимым опять обратиться к Чижову, как уже устроившему Купеческий банк и почему-то находившему возможным принять на себя эту обязанность и здесь, оставаясь в правлении Троице-Сергиевской железной дороги. Он занял место председателя; в члены правления собрали:

И. С. Аксакова, как не имевшего после прекращения газет «Москва» и «Москвич» занятий; далее Александра Вас. Штрома, крестника Чижова, бывшего бухгалтером у Лепешкина, Александра Павл. Щербачева, служившего в российско-американской компании, и Петра Дмитр. Сырейщикова, суконного торговца, о котором хлопотал зять его, член совета Марецкий. Кокорев, бывший в числе учредителей, очень старался провести и тут какого-то родного человечка Бекмана, но по запискам, поданным 9 членами совета, Сырейщиков получил 5 голосов, а Бекман — 4. Должен сознаться, что я подал записку за первого, а было ли это хорошо, сказать трудно; прочие были выбраны единогласно. Правление составилось с семейным характером; общий строй был установлен, по указаниям Чижова, такой же, какой был введен в Купеческом банке. Сам Чижов бывал в обществе не постоянно, да, конечно, пятерым и делать там было нечего; но на выдаваемых вкладных билетах вместо его подписи употреблялся его гриф; тогда высказывалось членами совета, что это весьма важно для публики; такое дикое понятие находило себе место для выражения. Аксаков скучал монотонностью обязанностей и занимался совсем другим, а при первых выборах отказался от дальнейшего участия; на место его был избран подысканный правлением из пишущей братии Николай Мих. Павлов. Общество уже в немногие года сформировалось в крупное по числу членов учреждение; на ежегодные общие собрания собиралось по несколько сот членов, снабженных сверх того значительным числом собиравшихся членами правления доверенностей; правление свило себе прочное гнездо. Чижов, расположившийся на своих товарищей, не обращал на это внимания, да и не верил в погрешимость их, если до него доходили сведения о существующих непорядках; председатель же совета Морозов был убежден глубоко, что все признаваемое со стороны Чижова правильным не может подлежать

оспариванию; Аксаков, как идеалист, был проникнут высшими мечтами и не сознавал того, что творится рядом с ним. В общих собраниях как навербованные правлением лица, участвовавшие в них для поддержки предложений или желаний правления, так и другие, никогда не видавшие таких собраний и посещавшие их из-за чести быть в них, безусловно, присоединялись к делаемым указаниям. Руководителем их стал Сырейщиков; прочие члены правления, видя в том выгоду, действовали с ним солидарно; провести в собраниях что-либо исходящее не от правления было немыслимым (это существует там и теперь, но вот где было начало). Собрания происходили постоянно в воскресные дни в зале Думы; они заключались всегда в чтении докладов совета, которые, по установленному Чижовым порядку, содержали в себе обзор хода торговли и влияния этого на действия общества, причем при окончании службы какого-либо члена правления, восхвалялись доблести такого лица, хотя даже, как это бывало на практике, такие похвалы, в виде указания на успешность исполнения членом правления возложенной на него обязанности, делались и тогда, когда на этого члена приходилось ежедневно совершение от 5 до 10 подписей на выдаваемых вкладных билетах. Возражений вообще не бывало, да они не могли и быть, когда собиралось по нескольку сот человек, из коих одни сидели, а другие стояли или размещались по окнам; все заботились лишь о том, как бы поскорее отделаться. Сырейщиков, приобретши возможность располагать свободно кредитом общества, открыл собственную банкирскую контору; его зятю Марецкому (члену совета), начавшему заниматься банкирскими операциями еще ранее, существование общества было на руку (при расстройстве его дел в 1876 году он оказался должным обществу по различным залогам около 2 милл. руб.). При таком положении дела члены правления стали втягиваться в игру бумагами, которая, наконец, приняла довольно крупные

размеры (Аксаков был непричастен этому, да и было это преимущественно после его выхода); Чижов, убежденный в полной удовлетворительности членов, занимался мало и не видал этого; Морозов, которому о том было замечаемо, не допускал мысли, чтобы могло быть что-либо не соответствующее корректности. Но случай к исследованию достоверности имевшихся слухов наконец представился; участвуя в одной из ревизий, я решился проверить отношения членов правления к делам общества и нашел полное подтверждение имевшихся сообщений; следствием этого было то, что я предложил совету ограничить до некоторой степени права правления по выдаче ссуд и открытию кредитов, на что устав, по случайности, давал совету право. Заявление мое вызвало в совете бурю со стороны присутствовавших членов правления: мне приписывалось в этом желание стеснить общество в ведении его операций, и я вынужден был уступить в моем настоянии, дабы избегнуть враждебных отношений к председателю совета, которые готовы уже были возникнуть из этого; но хотя на этом сказанный вопрос и остановился, члены правления не оставили его без внимания. В следующем затем 1875 году наступил срок моей службы в качестве члена совета; во время собрания я отсутствовал, бывши в Петербурге; правлению было желательно освободиться от моего участия (повторяю — безвозмездного), и оно с осторожностью провело это в подчиненной его влиянию среде; а так как не предложить меня к избранию вновь было неудобно, ибо я был уже достаточно всем известен, то, по его команде, был подставлен лишний кандидат, чего обыкновенно делаемо не было, отсутствовавший А. И. Абрикосов, пользовавшийся популярностью, который и получил против меня более избирательных шаров, а я остался за флагом.

Абрикосов, вернувшись в Москву, отказался от принятия этой обязанности, что было известно и при самом выборе; но дело было сделано и цель достигнута (то же самое

позднее, по такой же причине, было проделано с П. И. Саниным; но тогда подставленный кандидат, узнавши об избрании его, отказался на другой день, и Санин вошел; такие маневры были там не редкостью). Чижов вскоре оставил занятия, и на место его поступил вошедший опять И. С. Аксаков.

Одновременно с возникновением мысли об устройстве общества взаимного кредита, которому придавался характер до некоторой степени благотворительного учреждения, так как интерес каждого отдельного члена, даже при высшем размере участия, мог выражаться лишь в нескольких сотнях рублей (о том же, что устройство это послужит средством к предоставлению членам правления чрезмерных выгод, как это оказалось впоследствии, не было ни малейшего предположения), явилось намерение у некоторых лиц, не попавших в участники в Купеческом банке, учредить другой такой банк, тем более что тогда свободного перехода паев Купеческого банка не существовало и доступ в число его членов был прямо невозможен. Осуществление такой мысли и руководительство в этом деле принял на себя Сергей Игнат. Сазиков, фабрикант серебряных изделий, человек весьма умный, обладавший значительными средствами. В круг лиц, приступивших к устройству этого банка, вошли почти все крупные иностранные дома, из коих никого в Купеческом банке не участвовало, затем близкие к ним по торговым сношениям чайные торговцы и некоторые другие лица; при таких условиях возник в Москве Учетный банк; совет его образовался более нежели наполовину из иностранцев; такой же характер получило и правление, хотя во главе последнего был поставлен А. И. Абрикосов, но ему придавалось подобное же значение, так как он служил ранее в иностранной конторе; банк этот, по преобладанию в составе высших служащих его иностранного элемента, с самого

начала стал считаться немецким, что за ним сохранилось, несмотря на последовавшие по времени изменения, и доныне. Первым председателем совета был Максим Максим. Вогау, а товарищем его С. И. Сазиков; после смерти Вогау место его занял Абрикосов, вышедший из состава правления, а Сазикова заменил Конрад Карл. Банза. При учреждении этого банка в устав было введено только что начавшее тогда практиковаться предоставление учредителям права на пользование в течение 25 лет отчислением из прибылей, что было весьма заманчивым; в этом указывалось как бы на поощрение со стороны правительства устройства таких учреждений; вот какой взгляд существовал тогда на дело. Были тогда слухи, что в числе учредителей состоял анонимно и Е. И. Ламанский, управляющий Государственным банком; насколько это верно — не знаю; помню также, что на должность управляющего был приглашаем Николай Христиан. Бунге, состоявший тогда управляющим киевской конторой Государственного банка, а впоследствии бывший министром финансов, желавший тогда перебраться из Киева, однако же от этого отказавшийся. Устройство названных двух кредитных учреждений совпало со временем развития биржевой игры, вызвавшей банковскую эпидемию; незадолго перед основанием Учетного банка было разрешено открытие в Петербурге 2 крупных банков с капиталами по 5 милл. руб. (тогда это считалось очень большим); затем Кокорев, желавший принять значительное участие в Купеческом банке, но не имевший возможности сделать первый взнос и потому оказавшийся мелким пайщиком, задумал взяться, сообразно его натуре, за устройство в Петербурге банка, отличающегося от других по более грандиозному размеру, с отделениями в Москве и приволжских городах; к этому он привлек бывших откупщиков И. А. Кононова и А. Н. Голяшкина, имевших еще накопленные от откупов

капиталы, а также представителей хлебной торговли и некоторых других крупных иногородних промышленников, и таким путем явился Волжско-Камский банк с капиталом в 6 милл. руб. Между тем сведения о выгодности банковых учреждений, а в особенности о возможности пользоваться от самого учредительства их ввиду начавшего предоставляться на то права, проникли и в чиновничий мир, и в Москве собралась дворянская компания, задумавшая также учредить банк; половина ее принадлежала к числу лиц состоятельных или занимавших известное положение, а другая — к заурядному чиновничеству; но так как эти лица хорошо понимали, что в глазах публики они значения иметь не могут, да и министерство к затее их едва ли отнесется сочувственно, а затем и в среде торгового люда были не попавшие в число участников в открывшиеся уже банки, имевшие между тем на то желание, то в число учредителей были сверх того приглашены 15 лиц из торгового мира. Исходатайствование разрешения принял на себя некий Алаев, состоявший в числе учредителей; его я не знал и деятельность его мне неизвестна; помню, что он взял с учредителей около 30 тыс. руб. под предлогом, что эта сумма необходима для уплаты за проведение устава, и когда это было сообщено министру, то Алаев был вызван для объяснения, кому были заплачены эти деньги; он должен был сознаться, что он-де взял их себе за труды; вот какие экземпляры являлись учредителями того банка. В председатели правления был приглашен тут Д. Д. Шумахер; остальной состав правления был сформирован отчасти из близких ему лиц чиновного мира, отчасти из таких, хотя и малопригодных для дела, но которым желалось дать занятие. Совет составился из лиц торгового сословия, причем председательство принял на себя учредитель банка В. М. Бостанджогло, пристроивший банк в своем доме (на Никольской), а место товарища его занял

Никанор Мартиниан. Борисовский; так образовался Коммерческий ссудный банк. Вскоре началась торговля учредительскими свидетельствами; я помню, что князь А. А. Щербатов приобрел такое свидетельство у кого-то из учредителей за 18 тыс. руб.; смышленые люди развязались с ними с выгодой; Бостанджогло скоро вышел, и председателем совета сделался Борисовский.

Банковское строительство было в полном разгаре, доходя до крайностей; каждый стремился захватить что-либо на этой новой деятельности, хотя уже становился ребром вопрос, что будут делать все эти вновь возникающие банки. При таких-то обстоятельствах и нашему кружку, не принимавшему участия в делах этого рода, пришла мысль, что не обсевки мы в поле, не попытать ли и нам счастья; дело представлялось выгодным, потому что за акции Учетного банка стали платить уже премию рублей в 50(это было тогда ново); мысль эта стала еще более приводить к убеждению в необходимости скорейшего ее осуществления, когда сделалось известным, что некто Каралли, бывший греческий консул, предлагает некоторым лицам устроить банк, ставя предлогом учреждения его комиссионные операции, а затем что устроителями политехнической выставки изготовлен уже проект учреждения банка под названием «Ремесленного», который назначается якобы для содействия будущему музею прикладных знаний, и потому имеется полная надежда на разрешение этого. При таком положении дела откладывать было нельзя; опасение, что дело может быть вырвано из рук, было налицо. Надобно сказать, что в числе устроителей политехнической выставки, в которые набирались всевозможные личности без разбора, были и те грызуны из чиновничьего лагеря, которые уже искусились в устройстве Ссудного банка и успели зашибить кое-что от этого, отретировавшись от всякого участия в дальнейшем,

а затем такие, которым не удалось еще воспользоваться помянутыми выгодами, но которые были не прочь от этого; задумавши просить о разрешении устройства банка, они собрали для этого 12 лиц, в числе которых были: один князь, один тайный советник, один действительный статский, один статский, трое коллежских, двое надворных и один коллежский асессор — букет прекрасный; тут были Миляев и Алаев, творцы Ссудного банка, и И. Ю. Давидов, и прокурор синодальной конторы Потемкин, и управляющий какого-то князя некий Щетинин, в доме которого квартировал Миляев (черта хорошая — не только сам вознамеривался нажить, но дал к тому возможность и своему домохозяину). Конечно, тут же фигурировало все главное выставочное управление; но они не могли не понимать, что при таком букете и в Петербурге дело может не пройти, да и в дальнейшем успеха не будет, а предстояла подписка; хотя у них был, кроме того, Губонин, но он для банковского дела имел немного значения, а потому они привлекли к участию, как искусного в этом отношении, В. С. Марецкого, что-то устроившего на выставке ради получения ордена, которого он очень добивался, да еще из торговой среди 9 лиц, из коих четверо пользовались хорошею известностью; подавать прошение министру был отправлен благодушный Г. Е. Щуровский, вовсе не понимавший истинной подкладки, а мечтавший иметь в этом обеспечение для будущего музея.

Одновременно с этим я, вместе с Н. К. Баклановым, занялся составлением проекта банковского устава; в то время я был с Т. С. Морозовым в близких отношениях, а он пользовался расположением со стороны М. Х. Рейтерна; из членов совета Купеческого банка он вышел перед тем вследствие каких-то возникших неприятностей с Бабстом; по объяснении с ним и некоторыми другими лицами на сцену выдвинулся вопрос, чем будет заниматься банк, так

как обыкновенная банковая деятельность была исчерпана открывшимися уже учреждениями; поэтому пришлось остановиться на мысли заняться хлопковым делом по покупке и продаже его на комиссионных началах и банку положено было присвоить название «Торгового»; учредители были собраны в числе 12 лиц, известных в торговой среде; при этом в состав их был принят Михаил Аким. Горбов, как знакомый с кредитной канцелярией и проживавший в Петербурге по делу о передаче московской компании Курской железной дороги; (хотя никакой пользы делу не принесший), а затем Н. И. Струков, как опытный в дисконтной части, бывший уже директором Купеческого банка и перед тем вышедший оттуда по неприятностям с Бабстом.

1-го марта 1871 года отправился я с Н. К. Баклановым в путь; в тревожном настроении совершалось это путешествие; дело представлялось весьма интересным, обещало крупные, по тогдашним взглядам, выгоды, а между тем возникало опасение, что разрешения не последует, в особенности ввиду одновременности сказанного другого однородного ходатайства, прикрывавшегося общеполезной подкладкой — содействием поддержанию учреждавшегося политехнического музея; хотя содействие это представлялось условным и было выставлено, в сущности, лишь для отвода глаз (как это и оказалось на деле), тем не менее, так как устройство музея встречало сочувствие в высших правительственных сферах, приходилось поневоле считаться с этим. На основании таких соображений и при устройстве Торгового банка пришлось прибегнуть к установлению некоторого отчисления из прибыли на общеполезные цели — на распространение технического образования.

Приехавши в Пб., направился я прямо к министру; он принял меня весьма радушно и, сделавши на прошении резолюцию, сказал, чтобы я обратился к директору кредитной канцелярии, от которого будут даны указания,

если бы потребовались какие изменения, причем прибавил, что разрешение зависит от того, как на это посмотрит К. В. Чевкин, и потому подал мне совет побывать у него; поэтому я тотчас же ударился к Чевкину, который жил тогда недалеко — на Малой Морской в доме Гамбса. Он принял меня также весьма ласково, как уже знакомого; слышавши, что он не любил, когда к нему приходили после других, я объяснил ему о нашем намерении ходатайствовать, но что я счел необходимым вперед обратиться к нему, дабы иметь на то его разрешение; на это он, видимо довольный, сказал мне, что это будет зависеть от Михаила Христофоровича и что к нему надобно отнестись, но что он переговорит с ним в тот же день в Комитете министров, почему и велел мне зайти к нему на другой день за результатом. Он при этом сказал мне, что у него был еврей (фамилию он позабыл; это был Леон Розенталь), устраивающий банк, который переводы на Лондон выдавать будет на свою контору, вместо того чтобы переплачивать за это иностранным банкирам. Это устраивался Русский для внешней торговли банк (по проекту называвшийся «Русско-Лондонский»). После таких приемов, казалось, более и желать было нечего; в тот же день отправился я, вместе с Горбовым, к директору кредитной канцелярии Павлу Иван. Шамшину (впоследствии он был товарищем министра, а поныне сенатор); но тут прием оказался совсем иной; он принял нас стоя, хотя с Горбовым был хорошо знаком, выразил видимую небрежность к тому, что прошение наше было ему от министра уже переслано и что на нем была его резолюция, и назначил побывать дня через 3. На другой день навестил я Чевкина; оказалось, что он не забыл переговорить с Рейтерном и передал мне, что М. Х. относится к нашему делу сочувственно. Выждав указанное время, направился я к Шамшину (он являлся в кредитную канцелярию не ранее 3, а нередко около 5 часов, а в 6 час.

уходил; добиться приема было нелегко); тут началось систематическое выматывание души; оказывалось, что то он не успел еще рассмотреть, то чувствовал себя нездоровым, то был занят более спешными делами; откладывалось с одного дня на другой, а время шло. В ожиданиях прибытия Шамшина в кредитную канцелярию, для чего положенного времени не было, приходилось маршировать по прилегающему к приемной коридору по нескольку часов; терялось всякое терпение; проживать в Петербурге без дела было скучно до крайности, притом проживать в неопределенном положении, беспокоясь об исходе дела; я уезжал в Москву и приезжал опять; но толку не было; наконец решился я побывать опять у министра; на этот раз прием был весьма сухой; он сказал мне лишь, что представит в Государственный совет, с чем я и уехал. Пришло Вербное Воскресенье; Горбов, проживавший долго в Петербурге по делу Курской дороги, возвратился в Москву; он привез неутешительную весть, что дело наше тормозится, и так как остается лишь несколько дней для внесения представлений в Государственный совет, то надобно ехать и хлопотать. Наступила Страстная неделя, которую я со дня рождения проводил дома; я решился оставить все на волю Божию, предположив отправиться после Пасхи; в это время шли занятия комиссии о воинской повинности. Явившись тогда в Петербург, я направился к Чевкину, но без всякой просьбы; я слышал, что он был занят в то время государственной сметой: настолько поздно проходила она тогда в Государственном совете; между тем он сам заговорил о том, что у него находится наше дело, прибавивши лишь, что «министр не сочувствует ему»; я выразил удивление такой перемене взгляда и напомнил ему происходившее ранее, к чему он также отнесся как бы с недоумением. На другой день, однако же, я услыхал, что устав наш был им в Департаменте экономии

пропущен; оказалось, что в представлении министра Шамшин постарался привести все доводы к тому, что в банках недостатка нет и в учреждении новых надобности не встречается, но что министр вносит в Государственный совет ходатайство об учреждении вследствие того, что учредителей он знает как пользующихся известностью с хорошей стороны. Дословно одно и то же было сказано и о другом московском банке (относительно известности Алаева, Миляева и прочей братии?), которому название переменили там в «Промышленный». 12 июня 1871 года оба устава были утверждены.

Лето было употреблено на организацию правления банка и приискание для него помещения, которое было нанято на Ильинке в доме Плотникова (впоследствии купленном А. И. Хлудовым); в председатели правления был учредителями выбран я, а в директоры были приискан для предложения к выбору со стороны общего собрания: Франц Адольф. Корнелиус — для иностранного отделения и хлопковой части (он состоял ранее при делах Понфика, а затем вел свое дело в компании с В. В. Зегельке; человек был он весьма ловкий) и Александр Ив. Губер — для внутренних операций; он служил ранее в канцелярии генерал-губернатора, а в то время был бухгалтером ссудного отделения в Учетном банке; взят он был по довольно близкому знакомству с Н. К. Баклановым; предположенную должность 3-го директора решено было на первое время не замещать.

Осенью последовала подписка на акции банков, как Торгового, так и Промышленного, производство ее приняло на себя Общество взаимного кредита; оно гарантировало имеющимися у него средствами потребную сумму взноса за назначенное вознаграждение, отчего получило большую пользу; конечно, его средств было в действительности далеко не достаточно для всего этого; но поверять

было некому; это было время усиленно развивавшейся биржевой игры; премия существовала на акции уже до подписки в размере 40 руб. и даже более; поэтому подписка принималась без всякого задатка. Первой шла подписка на акции Промышленного банка; она превысила в 162 раза предложенное количество; затем (19 сентября) следовала подписка на акции Торгового банка, превысившая общее количество почти в 483 раза, так что на полную подписку досталось только по 10 акций, вследствие чего, — так как за это Общество взаимного кредита брало 500 руб., — каждая акция обошлась по подписке на 50 руб. дороже нарицательной цены. При существовавшем тогда настроении было возможно с собранным для одного банкового учреждения капиталом (хотя даже не вполне внесенным) открыть на законном основании несколько таких же учреждений, закладывая выпускаемые акции в полной сумме, ввиду существования премий, в только что открытом перед тем учреждении; но тогда до этого еще не додумались, между тем как в значительно позднейшее время подобный прием имел место при производстве одновременно увеличений в громадных размерах капиталов нескольких банков. Первое общее собрание акционеров Торгового банка происходило в помещении Московской купеческой управы 28 октября; Промышленный банк открыл свои действия в нанятом им помещении на Ильинке в доме Воскресенского монастыря в ноябре того года; а так как помещение для Торгового банка не было еще приспособлено, то он открылся на Варварке в доме Барановой (теперь Купеческого общества) в конторе В. И. Якунчикова, где и пробыл до 1 декабря; тогда, по совершении молебствия, он перебрался в приготовленное для него помещение; вечером был устроен обед на Пречистенке в помещении Яхт-клуба, к которому были приглашены разные лица, на коих рассчитывалось как на будущих клиентов.

Нелегко было начинать дело; и средства были очень малы и привлекать клиентов, уже установивших сношения с открывшимися ранее учреждениями, было чрезвычайно трудно; полезли за деньгами такие лица, которым в других местах не давали или давали мало; это участь всех начинающих новые дела, когда в них не существует особой надобности или они не представляют ничего выдающегося от других. Так как было предположено открыть конторы в Орен-бурге — для выдачи ссуд под хлопок и принятия его на комиссию, затем в Одессе — для покупки шерсти для за-граничных клиентов и, наконец, в Екатеринбурге — для выдачи ссуд под железо и принятия его для продажи, то вскоре было возбуждено ходатайство относительно первых 2 контор; но разрешение было получено на один Оренбург вследствие того, что министром было признано необходимым в тех местах, где имеется хотя один акционерный банк, учреждение новых не допускать до особого распоряжения, согласно чему 31 мая 1872 года последовало утверждение состоявшегося о том мнения Государственного совета. Для оренбургской конторы банк имел на должности управляющего и его товарища солидных лиц — Семена Яковл. Ключарева и сына его Александра Семеновича; контора эта с начала следующего года была открыта; между тем крайне сожалелось, что банку было отказано в разрешении открыть дела в Одессе, так как указывалось напотребность там в деньгах и на то, что там учет хороших векселей делается по 10 %, отчего тамошний банк имеет большую пользу, а затем, что Киевский банк, открывший там недавно отделение, будет наживать от этого деньги. Но явился, на грех, случай к изменению сказанного обстоятельства; летом 1872 года министр был в Москве; тут оказалось возможным объяснить ему значение для банка одесской конторы, которая была поставлена в числе подлежащих открытию в самом начале; он велел написать ему

о том, и через несколько дней последовало разрешение, считавшееся совершением крупного дела; так смотрелось тогда на Одессу. Надобно сказать, что в 1872 году игра с банковыми акциями шла в ужасающих размерах; акции Торгового банка, ничего не видя (при существовании банка только полгода), платились 320 руб. (за 200 руб.); с появлением же известия о разрешении открытия одесской конторы они вдруг поднялись до 370 и даже 380 руб. Корнелиус был падок на игру и сам купил, помню, 200 акций по 380 руб., говоря, что они скоро будут 400 руб. Но вся эта игра зависела от свободы кредита частным банкам со стороны Государственного банка, и, когда в конце сентября последним было объявлено о приостановлении дальнейшего приема от банков векселей на специальный счет, банки сразу поджали хвост. У Торгового банка по случайности был в Государственном банке сравнительно большой запас свободных сумм; поэтому он продолжал вести операции; дисконт поднялся до 12 %, так как банки не стали выдавать денег, бумаги полетели вниз в цене и банковские акции более уже не поднимались, без действительной причины, до тех цен, которых они достигали в 1872 году. Была отправлена депутация к министру от Биржи (я в ней не участвовал), и совершенная приостановка приема векселей была устранена, с допущением приема, но в ограниченном размере. Это было первое предостережение, после которого не следовало забываться; к сожалению, на практике встречается не то; все способны, при нормальном ходе дел, увлекаться тем, что ничего нарушающего общее течение не произойдет, тогда как в действительности сплошь и рядом является противное, примеры чему в дальнейшем налицо. Жаль, что Государственный банк всякие ограничительные меры применял к частным банкам внезапно и этим каждый раз вызывал смятение, о чем, однако же, петербургские банки

знали всегда заранее и потому принимали заблаговременно меры к обеспечению себя против этого. Осенью 1873 года был устроен в Петербурге съезд представителей коммерческих банков; явились туда председатели правлений, а со стороны местных и председатели советов; при открытии съезда все собравшиеся были Ламанским представлены министру; это было очень комично, так как министр знал многих из них, притом, как председатель совета Волжско-Камского банка, был представляем ему его чиновник Бутовский (директор Департамента торговли и мануфактур). В то время министерские крупные чины были все размещены по банковским, железнодорожным, пароходным и страховым учреждениям; поэтому учреждения эти, находящиеся в Петербурге, пользовались всевозможными протекциями против иногородних и были осведомлены всегда заранее о готовившихся мероприятиях. Съезд прошел, как это всегда бывает, большею частью в праздной болтовне; нас поучал там некий еврей Зак, директор какого-то С.-Пб. банка, рассказывавший, как следует вести книги, и вызвавший замечание со стороны Бабста, что мы не ученики, собравшиеся слушать его лекции по части бухгалтерии; но цель съезда была достигнута — было устроено бюро съезда, назначено на содержание его 12 тыс. руб., установлено обложение для этого банков, дан заработок чиновникам Государственного банка; после того этим бюро выпускались статистические сведения относительно деятельности банков и были изданы обзоры за 3 года; впоследствии это заглохло и съезды более не повторялись.

По получении разрешения на открытие конторы в Одессе, Торговый банк занялся сформированием тамошнего управления; в управляющие был приглашен некто Мемерт, занимавшийся ранее заграничными делами по покупке шерсти для вывоза; по имевшимся слухам, он был человек рискованный; но тут предполагалось, что его будет

сдерживать общее направление и распоряжения из Москвы; товарищем ему был назначен Александр Карл. Гок, бывший главным бухгалтером в Торговом банке (впоследствии директор). Организовали местный совет, в который вошли лица мало заинтересованные в процветании дела; председателем был выбран Степан Ив. Ралли, товарищем его — Давид Рафалович; в члены были приглашены: Тройницкий, управляющий конторой Государственного банка, Коммерель, торговец шерстью, затем какой-то Гурвич, которого рекомендовал Рафалович; он был членом учетного комитета в конторе Государственного банка и сплавил к Торговому банку партию своих должников, с которыми желал развязаться, и, наконец, Михаил Мих. Кожевников, человек близкий В. И. Якунчикову и единственный из приглашенных известный нам лично. Дело пошло; начался учет; но немного времени протекло, как обнаружилась полнейшая неправильность тамошней обстановки; оказалось, что там была домостроительная горячка, которой пришла развязка; лица, строившие дома, закладывали их в кредитные учреждения, затем брали деньги под вторые закладные и, наконец, кредитовались в коммерческих банках под фабрикованные для того векселя; векселя, истекавшие из торговых сделок, составляли там исключение и, называясь портфельными, ценились как нечто особенное; понятно, что, при дисконте таких фабрикованных векселей, и существовал тот чрезмерный процент, который нам старались представить как весьма выгодный. Началось, как помню, с того, что какой-то Кюммель утопился или повесился (точно сказать не могу); последовал от нас запрос; оказалось, что он должен банку тысяч 15, но было прибавлено, что векселя портфельные; тут мы впервые и узнали о существовании там векселей разных категорий. Отправился туда Н. К. Бакланов для выяснения положения, в каком находится дело,

и пришлось убедиться, что лучше убираться восвояси и сознаться в своем увлечении; тогда началось последовательное сокращение учетной операции, причем стало обнаруживаться, что там, по заведенному порядку, смотрелось при учете на одну подпись, а другая была подставная, большею частью ничего не стоящая; так, например, встретилось, что бланконадписателем был какой-то еврей Гамбург — писец из нотариальной конторы, наставивший бланков по разным банкам на 1 ½ или 2 милл. руб., а затем было немало случаев, что самые векселедатели, на прочность которых рассчитывалось, бежали за границу (в Вену, как это там практиковалось), а такие лица были должниками на крупные суммы; помню, что один архитектор был должен 25 000 руб. Самая товарная операция, производство которой имелось в виду, была крайне неудачна; из одной довольно крупной сделки по покупке шерсти (были ли другие сделки — не помню) возник с французским торговым домом спор, обнаруживший обстоятельство очень серьезное и дотоле далеко не всем известное, заключавшееся в том, что французы, по Кодексу Наполеона, могут привлекать иностранцев в свои суды по сделкам, совершенным ими, где бы то ни было; на этом основании к Торговому банку был предъявлен в Гаврском суде иск, по которому банк ограничился заявлением отвода по неподсудности, но последний был оставлен без уважения и требование Гаврского дома, хотя совершенно неправильное, было признано подлежащим удовлетворению; вследствие этого над банком висел в течение всей земской давности, которая там 20-летняя, дамоклов меч на случай появления на французской территории принадлежащего банку имущества. Нелишним считаю указать на следующий встреченный при этом весьма оригинальный казус: когда банк вознамерился заявить Гаврскому суду отвод и, по незнакомству с местными адвокатами, обратился

к тамошнему русскому консулу с просьбой об указании лица, которому могло бы быть дано сказанное поручение, то через несколько дней от консула было получено сообщение, в котором он, выражая свою готовность на всякие требующиеся услуги, просил лишь сообщить ему на французском языке, в чем заключается наше желание, так как у него по-русски никто не знает (конечно, не исключая и его самого); узнал же он, откуда поступило это письмо, только из находившегося на конверте названия банка, где оно было означено как русскими, так и латинскими буквами. По получении ответа банка он тотчас же сообщил требующиеся сведения с извинением относительно встретившейся случайности. Это может представлять хорошую характеристику, как у нас была поставлена в 70-х годах истекшего столетия консульская часть; изменилось ли это теперь — не знаю. Меммерт скоро оставил занятия; место его занял Кожевников; дело было поведено на ликвидацию путем отсрочек, при частичном получении следовавших сумм, и с февраля 1876 года контора была закрыта, принеся за время ее существования потерю около 160 тыс. руб. Гок был переведен в Москву на должность директора.

С выходом Д. Д. Шумахера из состава правления Ссудного банка, по случаю избрания его в городские головы, должность председателя осталась незамещенной; исправление же ее было возложено на директора П. М. Полянского, пользовавшегося покровительством Шумахера; кроме того, кажется еще ранее, вышел из директоров Л. Л. Прен, и на место его был назначен какой-то Ландау, низенький пожилой еврей (откуда он был приобретен — не знаю). При существовании такого состава управления летом 1875 года появились сведения, что Ссудный банк сделал какую-то очень выгодную, как передавалось, операцию с Струсбергом; в чем она заключалась, узнать было трудно, так как участвующими лицами это

держалось в секрете. В таком положении дело находилось до начала октября, когда внезапно пронесся слух, что банк попал на большую сумму и что было экстренное заседание совета, но то, что выяснилось при этом, оставалось в неизвестности; между тем явилась усиленная продажа акций по пониженной цене, хотя покупавшие их приписывали это паническому страху, испытанному уже осенью 1872 года. Никто не предполагал встретить что-либо чрезвычайное, а потому все были поражены появившимся 5 октября известием, что банк приостановил выдачу денег по вкладам и текущим счетам. Явилось дело небывалое, вызвавшее полнейшую панику; на следующий день банк был закрыт; массы стали осаждать его; полиция была бессильна устранить толпу. В это время Н. А. Алексеев, враждебно относившийся к Шумахеру и проведавший, что им была взята накануне какая-то сумма с текущего счета, пустился к прокурору судебной палаты Манассину (впоследствии бывшему министром юстиции), с которым он был в близких отношениях, с просьбой о возбуждении против членов правления и совета уголовного преследования; делу был дан немедленно ход. В то же время банк был объявлен несостоятельным; никто не воображал, чтобы такое дело могло принять уголовный характер относительно членов совета, которые, по допросе, были подвергнуты аресту и освобождены от него лишь по представлении поручительств в 500 тыс. руб. за каждого; прокуратура выказала тут всю свою безграничную власть, старавшись принять самые стеснительные меры относительно людей, которые могли быть виновны лишь в доверчивости к членам правления, в намерении же воспользоваться чем-либо при этом не могли быть даже подозреваемы; но ей нужно было добиться обвинения, через подыскание всевозможных к тому мер — в этом была, по видимому понятию ее, ее выслуга перед начальством и достижение цели ее

назначения; весь указываемый образ действий, конечно, зависел всецело от того, что привлекавшиеся были большею частью люди весьма богатые; в противном случае он не нашел бы для себя применения в проявленной степени. Крушение Ссудного Банка произвело крайне тяжелое влияние на другие кредитные учреждения, что в особенности стеснительно отразилось на банках, возникших в последнее перед тем время: стали тащить деньги с текущих счетов, частью перенося их в другие ранее открывшиеся банки, частью обращая в процентные бумаги, начали предъявляться требования денег с вкладов даже до наступления сроков. Дело приняло общественный характер; биржевое общество, видя, что конкурсное производство неприменимо при таких обстоятельствах и что оно повлечет за собой разорение для мелких вкладчиков, решило просить о допущении для этого дела правительственной ликвидационной комиссии — учреждения дотоле не бывавшего; с этой целью была отправлена депутация, в составе которой находился и я; она являлась к министрам финансов и юстиции. Комиссия была учреждена и открыла свои действия; следствие было окончено весьма скоро, так что на 29-е мая дело было назначено к слушанию, обставленному с помпой; на сцену прокуратурой выдвигалась собранная масса гражданских истцов (всех их было, кажется, до 2 000), в числе которых были и инвалиды на костылях, и убогие старухи, и т. п. личности, у которых на вкладах были последний крохи, что, несомненно, могло в значительной мере пособлять обвинению в достижении им преследуемых целей; газетные корреспонденты слетелись, как воронье на падаль, не только местные, но и из Петербурга; некий Шрейер организовал в помещении суда бюро для постоянной передачи по телеграфу происходившего на суде. Но защитники обвиняемых, ввиду приготовленной в таком направлении обстановки, подыскали предлог сорвать

заседание, и оно было отложено на осень, а так как в течение этого времени 50 % было уже всем из массы выдано и готовилось к выдаче еще 20 %, то члены совета приняли меры к выкупу всех мелких претензий. Собравши между собой сумму около 200 тыс. руб., они обратились первоначально к Купеческому банку с просьбой принять на себя выкуп сказанных претензий, но Бабст от этого отказался, считая это для банка непристойным (?); тогда они отнеслись к Торговому банку, члены совета которого признали, что мера эта, направленная, с одной стороны, к пособию людям, во многих случаях малоимущим, а с другой — к ослаблению возникшего в обществе возбужденного состояния, заслуживает содействия ее осуществлению, а потому банком было принято это безвозмездно к исполнению, и таким путем удовлетворены вполне все требования до 1000 руб. и часть, в особенности требования принадлежавшие церквам и благотворительным учреждениям, до 2000 руб. Мерой этой была в значительной степени ослаблена сила обвинительной власти; суд, открывшийся 3 октября 1876 года, производил даже и при таких условиях самое удручающее впечатление; на скамье подсудимых сидели лица, занимавшие высокие положения в обществе, в том числе двое бывших московских городских голов, никогда не представлявшие себе возможности попасть в такое положение и притом попавшие в него, как было уже сказано, по своей доверчивости к другим. Особенно тяжелым было то, когда в виде обвинителя явился вызванный прокуратурой в качестве свидетеля Н. А. Алексеев, выступивший, чтобы порисоваться в этой представившейся ему небывалой роли, когда была известна не скрываемая им цель такого его действия; это было поразительно, тем более что в числе обвиняемых находились брат его матери Н. М. Бостанджогло и его родственник Борисовский, отсутствие виновности которых он знал хорошо, и он, по за-

явленному обвиняемыми желанию, давал показание под присягой; но крайняя жесткость его характера, начавшая уже тогда обнаруживаться, одержала верх. Я присутствовал при этом, бывши вызванным также в качестве свидетеля. После 3-недельного разбирательства решение состоялось 24 октября; обвинены были: Струсберг, понесший, в виде наказания, высылку на родину — за границу, Ландау и Полянский, назначенные в ссылку, из которых подвергся ей только последний, так как первый, подкупив кустодию, бежал за границу, а затем Борисовский и Шумахер, относительно которых состоявшееся решение суда, по не согласности его с решением присяжных, было Сенатом отменено, и они признаны оправданными. Так закончилось это ужасное дело, произведшее, вследствие внезапного, сокращения денежного кредита, страшное стеснение в делах вообще, сопровождавшееся прекращением платежей и оставившее по себе во многом след на весьма долгое время, в особенности относительно возникших в последнее перед тем время кредитных учреждений.

Промышленный банк с самого начала не пользовался особым вниманием; он, в силу своего происхождения, ценился ниже Торгового; тем не менее акции его продавались первоначально с большой премией, а учредители-грызуны на первых же порах, как тогда сообщалось, стали торговать учредительскими свидетельствами и, по тогдашним слухам, некоторые сбыли их более нежели за 20 тыс. руб. за штуку; находились экземпляры, добивавшиеся наград на выставке; их-то, кстати, было удобно снабжать этим товаром; говорили, что Богданов уступил таким путем свои права некоему семенному торговцу Винокурову. После крушения Ссудного банка дела Промышленного стали падать более и более и он, просуществовав недолгое время, закрылся; Политехнический музей, для споспешествования которому банк был учреждаем, получил от него

только единожды около 400 руб.; зато с хорошим барышом остались учредители, сбывшие свои свидетельства, не достигшие возможности принести какой-либо доход и оставшиеся у новых приобретателей их как воспоминание сумасбродного увлечения.

Не было ни гроша, а тут сразу алтын. Когда банки начали расти, как грибы, то и этого было уже мало; явилась мысль о создании особых учреждений для облегчения кредита подтоварного; начали создаваться общества для приема на хранение товаров с целью предоставления возможности получать ссуды из банков под выдаваемые в приеме товаров свидетельства (варранты). Так, в 1871 году сразу было разрешено основание 4 или 5 таких обществ с мелкими капиталами по 200 тыс. руб. под названиями: «Подспорье», «Благодать», «Успех» и т. п.; была ли проявлена ими какая деятельность, слышно не было, точно так же как и когда покончили они свое прозябание, если даже и были открыты; все уставы таких обществ были составлены по одному шаблону, с предоставлением учредителям прав на пользование за их предприимчивость известными выгодами в течение определенного числа лет; но кроме таких мелких явились в то же время в Москве подобные им более крупные учреждения: «Сотрудник» с капиталом в 500 тыс. руб., пристроившийся над Промышленным банком, с правлением, собранным из чиновников-учредителей этого банка, искавших случая пристроиться куда-либо, вроде прокурора Потемкина, и «Посредник» с капиталом в 2 милл. руб., основанный участниками Ссудного банка вместе с некоторыми новыми лицами, поместившийся при этом банке. Затем не мог оставаться безмолвным в этом роде деятельности и Кокорев, и в следующем году он также соорудил, — а при своем размахе, в более грандиозных размерах — с капиталом в 3 милл. руб., — общество, соединив в нем варрантное дело со страховым и наименовав его «Северное страховое

общество с выдачей варрантов». Оно было пристроено к Волжско-Камскому банку в Петербурге с отделением в Москве. «Сотрудник» приобрел в Сыромятниках землю, выстроил склады, но дело у него, как и у других подобных ему учреждений, не пошло; варранты не могли найти применения; была возможна лишь выдача под принятые предметы ссуд из собственных средств, которых было очень мало, а при этом образе действий и при непонимании дела поставленными для ведения операций лицами он нарвался, выдавши ссуду в 70 тыс. руб. под какие-то изумруды, оказавшиеся ничего нестоящими поддельными камнями, и, просуществовав недолго, покончил свою многополезную деятельность; склад в Сыромятниках был куплен нами вместе с А. М. Капустиным не дороже полтины за рубль против того, что он стоил обществу. Постройка его была крайне непрактична (впоследствии он уступлен нами А. М. К-ну). Не лучше пошли дела и «Посредника»; сперва он что-то делал в Москве, потом перебрался в Одессу; вероятно, было это под теми же впечатлениями, которые затащили туда и Торговый банк; управлял им М. А. Бухтеев, председательствовавший дотоле в Москве в одном из мировых съездов (когда их было два) и в деле торговом не имевший никаких знаний; «Посредник» протянул несколько более своего собрата, но также недолго; относительно его операций также слышно было, что он понес большую потерю при выдаче ссуды под принятые им театральные декорации; на такого рода операции пускался он. Собственных складов в Москве он, кажется, не имел, а потому след его стушевался совершенно. Северное общество повело дело по-кокоревски иначе; оно устроило большие склады в Петербурге по линии Николаевской железной дороги (были ли они его собственные — не знаю), затем такие же громадные склады в Москве на земле, принадлежавшей ранее Алексеевым (за Андроньевым

монастырем, где ныне таможенные склады), причем на этот предмет были обращены корпуса бывшей суконной фабрики, и была построена железнодорожная ветвь для соединения с Нижегородской линией; все было в широком размере, на открытии присутствовали как местные, так и прибывшие из Петербурга власти; Кокорев говорил речь, предсказывая учреждению этому большую будущность; в том же духе высказывались другие петербургские ораторы, как Полетика. Но и это предприятие постигла та же участь; оно попало на крупные пропажи по выданным где-то в приволжских местностях ссудам и несколько лет спустя вынуждено было преобразоваться с сохранением одного страхового дела при потере половины капитала. Склады перешли со значительной уступкой к Кокореву, и из этого вышло существующее ныне Северное страховое общество, правление которого вскоре после того было переведено в Москву. Так погибли во цвете лет все этиваррантные учреждения, бывшие плодом стремлений нажиться на чем бы то ни было.

При таком общем направлении для изобретательности было широкое поле. Воспользоваться этим задумал и упоминавшийся уже выше П. В. Осипов; хотя он не получил никакого образования, но был человеком весьма начитанным и обладал природным здравым смыслом; после пришествия в упадок его собственного торгового дела он в 60-х годах был главным приказчиком фабриканта Бавыкина принадлежал к числу соорудителей возникшего в то время Вспомогательного общества приказчиков и выдвинулся на сцену при рассмотрении германской таможенно-тарифной записки составлением подробного выяснения стоимости выработки шерстяных тканей в России и в Англии, напечатанного им в газетах, чем он и приобрел популярность в среде фабрикантов. После смерти Бавыкина в 1869 году, начавши опять небольшое собственное дело,

он жаждал подыскать какую-либо новую деятельность, могущую принести излишние против обыкновенных выгоды; при таком настроении он придумал, что для торговли было бы необходимым учредить общество, которое застраховывало бы «риски» (выражаясь его словами) коммерческого кредита. Мысль эта, переданная им Т. С. Морозову, была последним признана вполне основательной; были приглашены к участию в сооружении такого предприятия разные лица из торгового мира; Осиповым был составлен устав общества с капиталом в 1 милл. руб., из коего половину взял Морозов; в 1872 году последовало утверждение. Учрежденное Общество коммерческого кредита, как оно было названо, поместилось сначала при Торговом банке в надворном строении; основанием к этому было то, что Морозов был председателем советов как банка, так и этого общества; но, несколько времени спустя, оно, в видах развития дел, перебралось в Черкасский переулок. Задача общества на первых порах выставлялась такой, при осуществлении которой оно могло бы приносить пользу; при этом не было лишь принято во внимание, что пользоваться кредитами из солидных лиц будет мало желающих, так как само общество не могло приобрести кредита ввиду незначительности его капитала, а затем, что к получению ручательств обязательства благонадежные представляемы не будут, а будут предъявляться лишь возбуждающие известное сомнение. При обнаружении этого на деле, общество для усиления своих операций вовлеклось в выдачу ручательств при учреждении новых предприятий и ссуд под бумаги, под которые таковые банками не выдавались или ограничивались в размере; следствием всего этого явилось то, что на покрытие выданных ручательств ему пришлось затрачивать значительную часть его капитала. При нем было организовано с самого начала адвокатское бюро под управлением

бывшего обер-секретаря Сената Ю. И. Левенштейна из помощников его П. П. Дюшена и М. В. Духовского. Взыскания пошли без остановки; пользу имели только сам Осипов, получавший 15 тыс. руб. вознаграждения, его помощники, да поверенные; для пайщиков же она осталась в одном воображении. Промыкавшись в таком положении несколько лет, общество покончило свое существование с потерей половины основного капитала. Таким образом, изобретательность П. В. Осипова не нашла для себя полезного практического применения (сам же он приобрел другое занятие, состоявши 9 лет председателем Нижегородского ярмарочного комитета, получая за то вознаграждение и, кроме того, достигнув по этой службе звания коммерции советника и наград до ордена Владимира 3-й степени включительно).

С 70-х годов явилось новое направление и в земельном кредите, с 1871 года начали возникать акционерные земельные банки; в 1872 году было разрешено из числа их устройство московского; во главе учредителей стоял князь В. А. Черкасский, который, по оставлении должности городского головы, искал занятий и принял должность председателя правления; в то время к учреждениям этим существовало отношение весьма осторожное; закладные листы, хотя 6-процентные, не находили легкого сбыта; цена их колебалась между 75 и 80 %, высказывалась мысль, что это средство для окончательной развязки помещиков с последками остававшегося у них имущества, что было неоспоримо верно. Вследствие такой затруднительной реализации листов тотчас же — уже в начале 1873 года — появилась у петербургских банкиров-евреев мысль под видом облегчения реализации листов земельных банков, а в действительности с целью приобретения возможности к новой наживе, устроить центральный банк земельного кредита, который забирал бы к себе выпущенные земельными банками закладные листы и вместо них выдавал бы

свои в металлической валюте; капитал для него был определен в 15 милл. руб. (как видно, чем дальше шло дело, тем становилось оно крупнее). На первый раз было выпущено акций на 5 милл. руб., но дело банка не пошло и он, не производя никаких операций, закрылся, причем акционерам было возвращено лишь 4 милл. руб. Из этого возникло тогда большое дело, но чем оно кончилось — не помню. Между тем, при самом учреждении этого банка явилась у вошедших в управление московским Земельным банком мысль устроить такую же операцию и в Москве; во главе ее стал опять кн. Черкасский; он был не прочь получить от устроительства чего-либо питательного. Участие в учреждении такого банка принимали банкирские конторы (Лазаря Полякова, Юнкера, Волковых) и, кроме того, к этому были привлечены местные коммерческие банки в лице их представителей с предоставлением каждому из них участия на 500 тыс. руб.; мне было предложено принять на себя исходатайствование разрешения на это, ввиду того что в допущении устройства Торгового банка признавалось существование расположения ко мне со стороны министерства; однако же, помня вынесенную пытку и не желая из-за каких бы то ни было выгод принимать на себя роль устроителя всевозможных предприятий, я от сего отказался. В июне 1873 года учреждение было разрешено; но так как выяснилось, что и открытый в Петербурге банк не мог осуществить своего назначения, то Московский центральный банк не проявил уже своего существования, не собиравши даже никаких сумм для образования основного капитала.

Покончивши с воспоминаниями о касавшемся области банковой деятельности, перехожу к происходившему в то же время в деятельности биржевой вообще.

В самом конце 60-х годов на Бирже стали являться представители банкирских контор для продажи процент-

ных бумаг; поначалу это не обращало на себя внимания; но такого рода дело быстро пошло вперед, и в 1869 году торговля эта, принявши характер игры, стала привлекать массу лиц, дотоле в бирже никогда не бывавших и к биржевой деятельности вообще никакого касательства не имевших. Азарт, с которым велось это дело, стал принимать страшные размеры; являвшиеся слухи, что такой-то в неделю нажил 50 тыс. руб. и более, втягивали новых лиц в это болото; премия устанавливалась на все даже только предполагавшееся, но не осуществившееся. Так, я помню, что это было с акциями проектировавшейся Либавской железной дороги, постройка которой в то время совсем разрешена не была, тогда как акции уже продавались с премией; но не долго шло дело в таком направлении — спекуляция не может идти в одну сторону; внезапно стало оказываться направление на понижение; все скоро нажитое летело, захватывая даже лишнее, что, в свою очередь, втягивало в продолжение игры, а тогда возникали неожиданно те или другие новые обстоятельства, понижавшие цены, и таким путем многие разорялись совершенно. Это оказало чрезвычайно вредное влияние на маклеров, перешедших на фондовую деятельность; они начали вовлекаться в сделки за свой счет, и многие из них погибли; в круг посещавших биржу с этой целью входили лица разнообразных профессий. Так, постоянным присутствующим был какой-то отставной чиновник Лутковский, который, в виде изъятия из общего правила, нажил большие средства (после его смерти оказалось более 3 милл. руб.), далее присяжный поверенный Рихтер, зарабатывавший хорошие деньги от своего промысла, но ежедневно являвшийся в биржу и тут спускавший все приобретенное; значились в числе посетителей биржи член судебной палаты Извольский и председатель окружного суда Дейер (ныне первоприсутствующий сенатор), расписавшиеся в посети-

тельской книге даже с означением их должностей. Биржевой комитет старался противодействовать игре стеснением участвующих в ней лиц; но это только возбуждало неудовольствие, а министерство, поощрявшее игру, истолковывало законы в противоположном смысле, давая к ней возможность всем и каждому. Но одних обыкновенных биржевых собраний для игроков было недостаточно (тогда биржевые собрания происходили от 4 до 5 часов); они устроили, кроме того, утреннюю биржу сперва на Чижовском подворье, а потом в доме Грузинской царевны; там был и свой комитет под председательством Петра Гавр. Волкова из В. П. Мошнина и Н. И. Горвица; но это существовало недолго; при содействии Биржевого комитета собрания эти были прекращены.

С 70-х годов деятельность торгового сословия по возбуждению различных вопросов, касающихся его интересов, и по привлечению его к участию в рассмотрении различных новых проектов, значительно расширилась; М. Х. Рейтерн явился первым министром финансов, который дал к этому возможность; доступность была его отличительным свойством, не встречавшимся в его предшественниках; у него прием был ежедневно, кроме пятницы — докладного дня у Государя, от 10 до 11 часов утра; он был крайне внимателен и, если давал на что-либо согласие, держался данного слова; из министров, которых мне пришлось знать, он принадлежал к числу тех, которые выслушивали просителей, ограничиваясь необходимыми вопросами и краткими ответами; вообще у меня сохранилось о нем самое лучшее воспоминание. В 1871 году мне пришлось участвовать в Петербурге в 2 комиссиях — в одной, собиравшейся в Министерстве юстиции под председательством сенатора Владимира Вас. Фриша, о составлении нового устава торгового судопроизводства и преобразовании коммерческих судов (что до сих пор еще

не покончено); комиссия эта собиралась несколько лет спустя под председательством сенатора Георгия Микол. Мотовилова (в то время Фриш, кажется, уже умер); и другой, под председательством Павла Никол. Игнатьева, состоявшего председателем Комитета министров, о составлении устава о найме рабочих; тут участие мое было совершенно кратковременным лишь по вопросу об ограничении работы малолетних.

В январе 1872 года исполнялось десятилетие службы М.Х. Рейтерна в должности министра финансов; тогда справлялись всякие юбилеи — ограничения еще не было; от Биржи были учреждены стипендии в Техническом училище и Практической академии; для принесения поздравления были назначены Морозов и я, причем представленный адрес был прочитан мною; представители были не только от столичных бирж и купеческих обществ, но и некоторых других учреждений, в том числе из Москвы от Практической академии и Купеческого банка; был тут от скопинского купечества и знаменитый в то время Рыков, двигатель тамошнего общественного банка (разоривший после того массу лиц).

6 июля того же года М. Х. Рейтерн, приезжавши на выставку, был в Бирже; это было в 5 часов — тотчас по окончании обыкновенного биржевого собрания; Морозовым были представлены ему выборные и их кандидаты в общей группе; при этом мною была высказана ему благодарность биржевого общества как за исходатайствование для Биржи устава, так и за привлечение купечества к разработке торгово-промышленных вопросов; с его стороны было на это отвечено, что купечество может быть уверено, что, доколе он будет министром, ни одна мера, касающаяся промышленности, «не спадет на нее как снег на голову». На эти слова было обращено особое внимание, и когда осенью была приостановлена выдача денег из Государ-

ственного банка частным, то многие указывали на неисполнение им данного так недавно обещания, хотя это едва ли было вполне основательно, так как это не представляло собой общей меры, а касалось только банков, которые своими действиями способствовали значительно развитию биржевой игры, и было личным распоряжением Ламанского.

В ноябре 1870 года последовало объявление о всеобщей воинской повинности; это чрезвычайно взволновало купечество, до того времени повинности этой не подлежавшее; с одной стороны, являлась мысль, не окажется ли возможным сохранить какие-либо льготы, а с другой — возникло стремление обеспечить себя имеющимися в обращении зачетными квитанциями, хотя и не было еще уверенности в том, что они сохранят свою силу за лиц, дотоле повинность эту не отправлявших. В этих видах биржевое купечество обратилось с просьбой о предоставлении ему возможности представить свои соображения по этому предмету; между тем в то же время, по инициативе самого Военного министерства, были приглашены к участию в Высочайше учрежденной для того комиссии из Москвы: дворянский предводитель князь А. В. Мещерский, человек весьма нетолковый, стремившийся лишь более всего выставить на первый план свое личное значение, князь А. А. Щербатов, Т. С. Морозов, И. И. Четвериков, присутствовавший очень недолго при начале, М. А. Горбов и я. Из торгового люда кроме нас были только из Петербурга — И. И. Глазунов и В. И. Сазиков и позднее череповецкий И. А. Милютин (из простых людей весьма толковый). Комиссия была в весьма большом составе — председателем ее был начальник главного штаба граф Федор Логгин. Гейден, человек чрезвычайно деликатный, дававший возможность всем высказываться; тут пришлось встретить лиц с замечательными ораторскими способностями

и обстоятельно ознакомленных с рассматривавшимся вопросом, как профессора Николаевской академии ген.-майора Николая Никол. Обручева, тогда еще молодого (недавно умершего), и тайн. сов. Николая Александр. Гернгроса (бывшего ранее товарищем министра госуд. имуществ); большую же часть составляли военные, не обладавшие даром слова; да и из представителей других ведомств и приглашенных лиц не было особо словоохотливых, которые затягивали бы заседания, исключая разве академика Владимира Павл. Безобразова, который, желая сказать несколько слов (как он объяснял всегда вперед), говорил по получасу без всякого результата, «потерявши точку», как о нем выражались; тем не менее, вследствие сложности дела, заседания комиссии продолжались около 2 лет — до конца 1872 года. Затем, после внесения проекта в Государственный совет, я отправился к председателю совета великому князю Константину Николаевичу (он меня тогда знал уже по выставке) с просьбой об оказании внимания нашим заявлениям относительно некоторых облегчений для промышленности и встретил к этому с его стороны сочувствие; в Государственном совете получены были сверх проектированных некоторые крупные общие льготы, что произошло, как было сообщаемо, вследствие заявления о том принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Новая воинская повинность дала сильный толчок делу распространения образования; купечеству, до того времени относившемуся во многих случаях безразлично к приобретению образовательных прав, пришлось обратиться неотлагательно к принятию мер для достижения этого. В то время высшие учебные заведения были поставлены в иное положение против средних по отбыванию воинской повинности, поэтому В. М. Бостанджогло пришла мысль о преобразовании Практической академии, с приданием ей значения высшего учебного заведения, что ему хотелось

сделать при увеличении курса ее лишь одним классом; в основание такого предположения он брал то, что Рижский политехнический институт при таком курсе пользуется высшими правами; разработка проекта преобразования была поручена инспектору академии Ивану Мих. Живаго с участием инспектора Московского технического училища Алексея Вас. Летникова (впоследствии директора Александровского коммерческого училища); но такое незначительное увеличение курса выражалось лишь в расширении преподавания предметов, имеющих практическое значение, как бухгалтерии и других относящихся до торговли сведений, что, конечно, не могло дать училищу высший характер. Несмотря на близкие отношения Бостанджогло к министерству, цель не могла быть достигнута; по поводу же рижского института было объяснено, что если была относительно его допущена ошибка, то она не может быть повторяема. Между тем на практике ощущалась потребность в устройстве среднего учебного заведения, которое могло бы удовлетворять возможно большее число лиц; для этого основанием было признаваемо пригодным принять тип реального училища, с тем лишь отличием, чтобы круг лиц учащихся ограничивался лицами купеческого сословия и происходящими из купечества христианских вероисповеданий, а определение размера платы за учение и денежная по содержанию училища отчетность была в зависимости от Купеческого общества; но Министерство народного просвещения, к которому поступило представление о том, отозвалось, что устройство училища может быть разрешено лишь на основании общего положения, иначе говоря — если Купеческое общество примет на себя роль сундука, извлекаемые из которого средства министерство будет получать в свое распоряжение. Купеческое общество, как и подобало, оставило это дело без дальнейших последствий. Между

тем, при объяснении по этому предмету с Н. А. Ермаковым, сочувствовавшим устройству училища, мне пришлось узнать о существовании предположения учредить коммерческое училище в Рыбинске ведомства Министерства финансов, причем мною был получен от него и самый составленный для того проект. Мысль об устройстве такого училища в Москве была сообщена мною Биржевому комитету и, по принятии ее, предложена Биржевому обществу, которым 20 января 1875 года она была одобрена. Но тут все зависело от средств, которые надобно было собрать путем подписки; последняя была мною начата тотчас же. Пошла она, однако, довольно вяло; высшая подписная цифра была 1000 руб. Хотя я не задавался мыслью собрать какую-либо большую сумму, тем не менее считалось необходимым приобрести средства, достаточные для постройки здания и оборудования заведения; собрать и такую сумму оказывалось при сказанных условиях нелегким, но я рассчитывал на отчисление из прибылей Торгового банка, которое тогда уже началось, а так как оно предназначено было на техническое образование, то были приняты меры к распространению его и на образование коммерческое. Подписано же было только около 20 тыс. руб.; между тем наступившее в том году критическое положение в торговле, а затем начавшиеся войны сербская и восточная остановили это дело в его дальнейшем движении; ибо собирать деньги, когда требовались пожертвования на военные потребности, было не время, но это было началом мысли, осуществление которой выпало на 1880 год в виде устройства училища, наименованного впоследствии Александровским, основанного в ознаменование 25-летия царствования Императора Александра II, когда в течение месяца было собрано по подписке 550 тыс. руб.

Перестройка Биржи, произведенная в начале 60-х годов, была, как уже сказано, только временной мерой, ко-

торая должна была удовлетворить лишь, насколько можно, существовавшие потребности, тогда как последние росли без остановки; наплыв посетителей в ежедневные собрания принял уже такие размеры, что в биржевом зале не стало оказываться возможности передвигаться с одного места на другое, поэтому, почти вслед за перестройкой, был поднят вопрос об увеличении биржевого здания не менее как вдвое. Но при начавшихся соображениях о месте постройки встретилось разномыслие; явились указания на большее удобство построить Биржу за Ильинскими воротами на левой стороне, купивши у города площадь. Между тем, пока шли рассуждения по этому предмету, земля эта была отдана Музею прикладных зданий; тогда явилась мысль воспользоваться для этого правой стороной, бывшей свободной: городской голова кн. Черкасский высказывался за возможность приобрести ее от города за 200 тыс. руб., что он, наверное бы, устроил; но тогда было обращено внимание на то, что при таких условиях на сооружение Биржи потребуется слишком большая сумма, тем более что материк по исследованию грунта, произведенному по моему поручению, оказался там на весьма большой глубине. Вследствие всего этого было в конце концов решено остаться на прежнем месте, и в 1873 году была начата постройка прибавляемой части Биржи; в следующем затем году существовавшее здание было сломано, а на лето того года для собраний был сделан, как и в 60-х годах, балаган на Биржевой (Карунинской) площади, в котором собрания помещались и летом 1875 года; зиму же 1874–75 гг. занималась ими задняя часть возведенной новой постройки; наконец, 9 декабря 1875 года новое здание было освящено викарием Леонидом (митрополит Иннокентий был тогда в С.-Пб.) в присутствии генерал-губернатора и разных приглашенных лиц, в числе которых был и строитель первоначального здания архитектор Михаил Доримедонт. Быковский.

Мною было уже упомянуто, что комиссией под председательством ген.-адъют. Игнатьева был составлен проект устава о найме рабочих: проект этот, получивши дальнейшее направление, встретил, однако же, возражение со стороны Министерства внутренних дел, выработавшего контрпроект в совершенно ином изложении; при таком состоянии дела, так как этим затрагивалось самолюбие Игнатьева, было измышлено для рассмотрения обоих проектов образовать особое совещание с участием дворянских предводителей, представителей земств, столичных городских голов и некоторых промышленников. Председательство в этом совещании было возложено на министра государственных имуществ Петра Александр. Валуева ввиду того, что им перед тем было испрошено уже разрешение на образование комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России.

Надобно сказать, что Валуев, потерявши вес и вышедши из министров внутренних дел, занял место председателя правления С.-Пб. учетного и ссудного банка: такое занятие, конечно, вовсе не соответствовало тому положению, какое он занимал ранее, и он искал случая выдвинуться опять на государственную деятельность. Случай этот представился при открытии вакансии на должность министра государственных имуществ, на которую он и был назначен. Однако же самое министерство это, по кругу его деятельности, было ничтожным в сравнении с тем, во главе которого он стоял прежде, а потому он тотчас же принял меры к расширению состава такового. Из ведения Министерства финансов был изъят Горный департамент с его атрибутами, а из Министерства Императорского двора — государственное коннозаводство, и как то, так и другое было присоединено к Министерству государственных имуществ; но и этого для Валуева было недостаточно — он, как говорилось, предполагал создать Министерство

промышленности и строил себе мост к занятию места во главе его (оставалось присоединить сюда лишь Департамент торговли).

Сказанное совещание было организовано на особых началах — в виде какого-то парламента; каждому из участвовавших лиц было предоставлено право давать объяснения по каждому вопросу только один раз, что заставляло некоторых, а именно нас, предварительно распределять между собой роли. При этом на рассмотрение такого совещания Валуев внес не те проекты, которые были выработаны комиссией Игнатьева и Министерством внутренних дел, а составленные им новые, под названием «сводных», в коих, однако же, никакой сводки не было, а содержались правила, изложенные по усмотрению составителя.

Когда предложение о выборе в состав этой комиссии 2 лиц было заявлено в заседании отделения Совета торговли и мануфактур, то некоторыми членами было указано на необходимость в ознакомлении с тем, что должно подлежать рассмотрению, и потому было постановлено просить о передаче проектов на предварительное обсуждение отделения; когда же на это последовал ответ о невозможности такой передачи, то более сведущие члены отделения от участия в комиссии отказались, и были выбраны, по предложению Резанова, Федор Сем. Михайлов, ближайший наперсник его и В. И. Бутовского, человек, раболепствовавший перед всеми, от кого он мог чаять содействия получению каких-либо наград, а затем С. А. Тарасов, член из чиновников; но, по сообщении об этом министерству, оттуда было частным образом указано на необходимость надлежащего участия в предпринимаемом деле ввиду его серьезности; тогда Тарасов отказался от этого, а С. М. Третьяков изъявил согласие отправиться в С.-Пб., убедивши затем и меня не уклоняться от такой обязанности; он начал присутствовать с первого заседания —

17 января 1875 года, я же несколько позднее — с конца месяца. При этих занятиях мне пришлось в первый раз узнать Валуева. Первое заседание, как передавал Третьяков, было открыто витиеватой, хотя и совершенно бессодержательной, речью председателя, и был лишь установлен порядок занятий, после чего уже пошли работы, продолжавшиеся до конца марта; Валуев старался высказывать большое внимание к выражавшимся мнениям; свои соображения он высказывал в форме обработанных речей, с всегдашней плавностью и как бы прислушиваясь к произносимому им; вице-председателем, заменявшим его часто, был товарищ его князь Андрей Александр. Ливен (до того бывший московским губернатором, а впоследствии министром и членом Государственного совета, от каковой должности он был уволен, без прошения, по делу о раздаче башкирских или в западном крае земель, точно не помню, хотя, как говорили, он тут попал из-за своих подчиненных). Членами этой комиссии были представители различных министерств, ведомств и т. д.

От Министерства внутренних дел: тайн. сов. Лев Савв. Маков (в то время директор канцелярии министра, а впоследствии министр), человек очень тонкий и способный, о котором отзывались тогда хорошо; других дел я с ним не имел; затем дейст. ст. сов. Федор Лавр. Барыков (управлявший земским отделом), бывший в начале 60-х гг. в Москве учителем гимназии, красного пошиба, но перебежавший тогда в противоположный лагерь и составивший себе таким путем карьеру; это был циник в крайней степени. Я был вместе с несколькими членами комиссии у него в квартире; стены ее были увешаны самыми бесстыдными изображениями; на столах лежали такого же характера книги, печатанные за границей; тут же рассказывалось, что у него собираются по окончании занятий девицы, работающие на соседней табачной фабрике Миллера, и, при его

дирижировании, поют песни из этих книг; это был глава земского отдела(!).

От Министерства финансов — дейст. ст. сов. Ф. Г. Тернер, о котором было уже говорено выше; он был тогда членом Совета министра.

От Министерства государственных имуществ — тайн. сов. барон Михаил Никол. Медем, деятельности не проявлявший.

От Министерства юстиции — дейст. ст. сов. Леонид Вас. Безродный, бывший членом консультации, молодой человек, не обладавший большими знаниями, но выдвигавшийся как зять какого-то сенатора.

От Министерства путей сообщения — ген.-майор Александр Конст. Гейнс, директор Железнодорожного департамента, человек весьма тонкий, истый путеец.

От 2-го отделения собственной Е. В. канцелярии — тайн. сов. Александр Никол. Попов, известный своими трудами по разработке отечественных материалов; человек очень хороший.

От 3-го отделения собственной Е. В. канцелярии — ген.-майор Петр Вас. Бачманов, человек также хороший.

Дворянские предводители: петербургский — граф Андрей Павл. Шувалов, отличавшийся открыто красным пошибом, московский граф Алексей Вас. Бобринский, человек весьма деликатный и добросовестный, к либералам не примыкавший; затем нижегородский — Зыбин, тверской — князь Борис Вас. Мещерский (из либералов), симбирский — Теренин, черниговский — Неплюев, херсонский — Эрдели (упорно державшийся самых строгих, относительно рабочих, мер), виленский — Домейко, подольский — Балашев, бессарабский — Леонард, харьковский — князь Щербатов и воронежский — Шидловский (вскоре поступивший на службу по Министерству внутр. дел).

14 председателей губернских земских управ; из них можно назвать: петербургского — барона Павла Леопольд. Корфа (бывшего после того городским головой), как человека весьма толкового, и московского — Д. А. Наумова, игравшего первую скрипку; других, относительно деятельности их, хорошо не помню; могу сказать лишь, что все они держались направления, несогласного с интересами промышленности; из них впоследствии мне пришлось встретить только Корфа и полтавского Льва Павл. Томару (тогда отст. гвардии поручика), которого я видел 2 года назад; он прошел уже должность губернатора и был сделан сенатором.

Городские головы: петербургский — Николай Ив. Погребов, почти не участвовавший, и московский — Д. Д. Шумахер.

Фабриканты и заводчики: И. А. Варгунин и В. А. Кокорев, мало интересовавшиеся делом, табачный фабрикант ман.-сов. Александр Фед. Миллер, безмолвно просидевший все время, инж.-полк. Аманд Егор. Струве, представитель коломенского завода, Третьяков и я.

Работы были закончены; Валуев подарил всем свои фотографические карточки; на память была снята группа участвующих, имеющаяся и у меня; но припомнить всех — возможности не имею; составленный проект был направлен далее. Между тем на Валуева за его подвиг явилось сильное негодование как со стороны Игнатьева и его единомышленников, так и со стороны министра внутр. дел Тимашева; было замышлено провалить внесенный проект и, для усиления доказательства его непригодности, было решено к рассмотрению его в Государственном совете вызвать для объяснений сведущих лиц.

Рассмотрение проекта в соединенных департаментах законов и духовных и гражданских дел было назначено в начале 1876 года; из Москвы были приглашены граф А. В. Бобринский, Д. А. Наумов и я, а из С.-Пб. — граф

А. П. Шувалов, барон Корф и еще кто-то — не помню. Накануне назначенного времени заседания я был вызван к великому князю Константину Николаевичу; то же, кажется, было и с Наумовым; вел. князь был тогда нездоров, повредивши ногу; я был у него в кабинете, в котором застал его сидящим перед камином с завернутой пледом ногой; он меня расспрашивал о некоторых подробностях из проекта, видимо, старавшись выяснить такие стороны его, на которые предполагалось повести атаку. Заседания происходили под председательством князя Сергея Никол. Урусова (председателя Департамента законов), маленького худенького старичка, державшегося на один бок; он, по происхождению москвич, был очень деликатен и ласков; первое заседание состоялось 15 января; нам было предложено 7 вопросов, имевших принципиальное значение; по всем из них каждому из нас приходилось высказываться; из них некоторые были довольно щекотливы для Валуева, который тут присутствовал; этим мы были поставлены, относительно его, далеко не в ловкое положение; заседание было в большом составе членов; вопросы были предлагаемы нам только председателем; дававшиеся объяснения были выслушиваемы с большим вниманием, когда все было окончено, нам была выражена благодарность и мы удалились. Что происходило далее, нам не известно; но, как пришлось услыхать, со следующего заседания начато было рассмотрение проектов по статьям — пройдено 5 или 6 статей, из коих принята 1, а остальные отклонены, как составляющие повторение содержащегося в действующих законах, и притом было признано нужным пригласить нас для присутствования при дальнейшем рассмотрении. Со следующей недели началось путешествие, в течение более месяца, на каждый четверг в заседания, которые, вследствие оказанной нам со стороны князя Урусова любезности, назначались

несколько раз вслед затем и в субботу, дабы не ездить из-за одного заседания. Занятие было интересное; тут пришлось увидать порядок рассмотрения дел в Государственном совете; заседания начинались в час и продолжались до 5; в средине делался короткий перерыв, в который члены выходили в соседнюю комнату курить; до начала заседаний в той же комнате приготовлялся чай и кофе для всех желающих; надобно сказать, что члены совета относились к нам крайне внимательно — далеко не так, как департаментские директора и другие министерские чиновники.

Рассмотрение дела в заседаниях Государственного совета производилось в таком виде: прочитывалась каждая статья проекта; председателем предлагалось нам высказать, если имеется, что-либо по поводу ее, а затем начинались рассуждения членов; главным оппонентом по большинству статей выступал недавно назначенный в члены барон Александр Павл. Николаи (бывший перед тем помощником наместника кавказского, а после того в течение краткого времени министром народного просвещения); это была сухая чиновничья личность; он начинал свое замечание большею частью ссылкой на Высочайшее повеление, которым предписывалось сделать дополнение действующих законов о найме, в чем это было необходимо, а не составлять нового ус-тара, а потому большинство статей находил совершенно излишними, как повторение существующего; когда все мнения бывали высказанными, приступалось к отбиранию голосов. На листе, разделенном пополам, писались 2 мнения, и лист этот обносился по всем членам, которые подписывались к тому, к которому они присоединялись; Валуев во все время не проронил ни одного слова; положение его было крайне неинтересным, в особенности в присутствии посторонних лиц, так как почти весь проект проваливался; все возражения принимались большинством. Так прошел целый ряд заседаний; из

150 статей одного проекта о найме рабочих (не считая составленных им проектов о найме прислуги и об отдаче в обучение) было пройдено 35, из коих принято (6 или 7; тогда приглашения нас прекратились и, как было слышно, решено было поручить канцелярии Департамента законов произвести кастрацию проекта, выкинувши из него все составляющее повторение действующего закона. Что было сделано — я не знаю; но дело это на том и похоронилось — это были плоды всего проделанного. Проживание в С.-Пб. 30 человек в течение 2 месяцев по случаю валуевской комиссии, а затем путешествие в заседания Государственного совета — все это пропало даром; причиной же были личные виды и интрига. Участие в этом дало мне случай познакомиться там с Константином Петр. Победоносцевым, с которым впоследствии представилось войти в весьма близкие отношения, а затем с бывшим министром юстиции Замятиным и многими другими членами, с которыми приходилось встречаться после во время вызовов в заседания Государственного совета.

Наши отношения к Министерству финансов после пересмотра тарифа поддерживались в течение 70-х гг. в благоприятном виде; к Бутовскому вообще обращаться не приходилось, все делалось через Ермакова. Департамент торговли и мануфактур был тогда небольшим учреждением; ничего подобного тому, что из него сделалось в последнее время, не было; он состоял из 2 основных отделений — торгового и фабричного; начальником первого был Константин Федор. Радецкий (брат героя турецкой войны), человек в высшей степени деликатный и услужливый, но скрытный, как истинный чиновник, а начальником последнего — Алексей Бор. Бер (бывший вице-директором после назначения Ермакова на место Бутовского, а по выходе Ермакова — директором), человек добросовестный в высшей степени, но нерешительный,

а после него Дмитрий Аркад. Тимирязев, творец различных картограмм по части промышленности, о котором мною упоминалось выше. Кроме этих отделений существовало еще одно, занимавшееся делами о выдаче концессий на постройку железных дорог; оно состояло, кажется, только из одного стола, Бутовскому подчинено не было, находившись в ведении управляющего общей канцелярией Д. Ф. Кобеко, а потому расположением Бутовского не пользовалось; начальствовал над ним Федор Фед. Рерберг, тип старого министерского чиновника, довольно циничный в обращении, действительный статский уже в то время (он умер нынешним летом). Дела велись в департаменте неспешно; суеты, введенной в последние 12 лет, не существовало; помню, как в канцелярии толклись, поджидая заседаний, являвшиеся для рассмотрения прошений о выдаче привилегий Иван Алекс. Вышнеградский, тогда статский советник, профессор Технологического института, впоследствии директор его, а позднее министр финансов, Николай Павл. Ильин, бывший также после директором института. Департамент помещался тогда в 3-м этаже, с входом из-под ворот с Мойки; помещение его занято теперь (со времен Грейга) кабинетом, приемной и жилыми комнатами министра.

Возникновением в 1876 году войны между Сербией и Турцией, указывавшим на возможность вовлечения России в столкновение с последней, в особенности когда Михаил Григор. Черняев принял начальство над сербской армией, было вызвано в общем настроении умов чрезвычайное возбуждение.

При таком положении обстоятельств 25 июня 1876 года ко мне приехал Виктор Карл. Делавос (директор Технического училища, знакомый мне со времени устройства политехнической выставки), объяснивший мне о необходимости собрать средства для пособия болгарам,

находящимся в крайне тяжелом состоянии; при этом он сообщил, что наше правительство сочувствует такой мере, в чем предложил мне удостовериться лично в С.-Пб. из первоисточника, и наконец прибавил, что с этой целью приезжает в Москву отставной ген.-майор Ростислав Андр. Фаддеев, который передаст все подробности. Так как председателем Биржевого комитета состоял тогда еще Морозов, то я, не находивши возможным выступать в таком деле лично, вызвался передать это С. М. Третьякову, исправлявшему должность купеческого старшины и находившемуся тогда в С.-Пб. На другой же день (26-го) приехал Фаддеев и тогда же было положено собраться для совещания, которое и состоялось в 6 часов вечера в квартире Делавоса, пустой по случаю вакационного времени; там я встретил 3 неизвестных мне лиц; с ними был обед в тесном кружке; лицами этими оказались: Фаддеев, затем Николай Абрам. Сытенко, на которого после того было возложено исполнение разных поручений вне Москвы по употреблению собиравшихся средств (чем он занимался — я не знаю) и, наконец, генерал-майор в отставке, кажется, Кишельский; он был родом болгарин, в последовавшую затем войну вступил опять в службу с прежним чином полковника; я потому говорю, относительно его фамилии, неуверенно, что много лет спустя я справлялся об этом у Сытенко через его брата и не мог получить точного ответа, хотя мне и помнилось это в таком же виде. Весь разговор шел о сформировании дружин для действия в Сербии и о приобретении для них оружия; в конце обеда этот генерал предложил выпить «за освобождение Болгарии»; как-то сомнительно казалось тогда осуществление этого, тем более что на вмешательство России рассчитывать определенно было невозможным, а на силы Сербии еще менее; такой тост казался тогда мечтой и не думалось, что он будет пророческим. Тут было положено начало всему тому,

что произошло далее. Между тем С. М. Третьяков через Василия Вас. Зиновьева имел случай видеть, кого следовало, и получил подтверждение переданного Фаддеевым; сбор пожертвований был открыт в Бирже вместе с Купеческим обществом; было собрано, сколько помнится, около 200 тыс. руб.; тогда во главе всего дела стал И. С. Аксаков, председатель славянского комитета. Общество взаимного кредита, где он также состоял, превратилось в канцелярию этого комитета; там стали собираться приношения, там же начали вербоваться добровольцы в сербскую армию; пособие болгарам из собранных купечеством денег выражалось частью в обмундировании их дружин, частью в приобретении для них оружия; так, между прочим, была сделана в Москве заготовка обуви; это было произведено чрез корчевского купца Потапенко, торговавшего в подвальном этаже Биржи; тогда рассказывалось, что когда наша обувь попалась на глаза нашему интендантству, то ее отобрали у болгар и заменили поставляемой для русской армии, никуда негодной в сравнении с той, которая была приобретена нами; заготовлялись нами и шапки наподобие ратницких 1812 года; помню, как купленная для болгар батарея в 6 орудий была задержана австрийцами и выручка ее представила немалое затруднение; этой переправой заведовал тогда Сытенко, о котором я упоминал выше. Для высшего заведования организацией военной части требовалось найти лицо, имеющее авторитетное значение; для этой цели был избран князь Паскевич; но он отказался от этого (причина мне неизвестна); тогда был выбран князь Воронцов, который принял на себя сказанную обязанность. В начале осени, когда положение Черняева сделалось затруднительным, был отправлен (17 сентября) славянским комитетом в Ливадию, где в то время находился Государь и были все власти, для объяснения положения Александр Александр. Пороховщиков.

Пороховщиков, возвратившись в Москву, передал о своем представлении лично Государю и о распоряжениях, которые сделаны; при этом он сообщал нам, что по пути он при остановках на станциях был встречаем различными представителями дворянства и земства, выражавшими сочувствие делу, из-за которого он отправлялся. Все это, равно как и самое представление его, происходившее в Ливадии, лица, не сочувствовавшие направлению тогдашней деятельности славянского комитета, признавали вымыслом, а некоторые считали это галлюцинацией; такие мнения невольно заставляли тогда впадать в сомнение относительно действительности передававшегося Пороховщиковым, тем более что к проверке этого не представлялось никакой возможности; надобно было верить на слово той или другой стороне; но теперь, после того как им все это было оглашено печатно и в том именно виде, как передавалось тогда, всякое сомнение падает уже само собой.

Осенью того года — 29 октября, при проезде Государя из Крыма был первый из знаменитых выходов в Кремлевском дворце; я бывал на таких выходах ранее; всегда Государь, при входе в Георгиевскую залу и встрече его дворянством, высказывал несколько слов, которых находившимся далее слышать не приходилось, а затем шествие направлялось почти безостановочно в Успенский собор; тогда как тут явилось нечто небывалое: Государь, вышедши, остановился и громким голосом произнес памятную речь о назначении конференции; стоявшие несколько поодаль не могли вдруг понять, кто это говорит, так как никогда такого разговора Государя не слыхали; говорил он громко, так что слышно было далеко стоявшим; это была первая политическая речь, которую Государь говорил народу; она была почти дословно напечатана в газетах; стечение было большое; все интересовались приездом Государя; энтузиазм был громадный.

Участие славянского комитета в этой восточной войне и им раздутом в России движении изложено во всех подробностях И. С. Аксаковым в составленной им записке (кроме самого начала — указанного выше приезда Р. А. Фаддеева и того, что происходило до принятия Аксаковым на себя ведения всего дела); записка эта была передана для проверки П. И. Санину, принимавшему участие в этом деле, а затем уже после смерти Аксакова отобрана от него С. М. Третьяковым и отдана вдове Аксакова; где она находится теперь, мне не известно.

Деятельность нашего кружка по снабжению болгарского ополчения обмундировкой и другими потребными вещами продолжалась и далее; участие тут принимали в течение всего времени: С. М. Третьяков, В. Д. Аксенов, П. И. Санин, Т. С. Морозов и я.

Затем, когда была уже объявлена война с Турцией и Государь возвращался с юга, 23 апреля 1877 года был опять выход из Кремлевского дворца, при котором Государь вновь говорил речь, переданную тогда в газетах также почти без всяких изменений; присутствовавших при этом во дворце была масса; что происходило — трудно описать; Государь и вся Царская фамилия едва могли пройти; стечение народа в Кремле было также громадное; прием был самый восторженный; день был солнечный — сама природа благоприятствовала этому. После того мы встречали на Курском вокзале великого князя Николая Николаевича, отправлявшегося в армию, которому подносили от города икону (в депутации участвовал и я); затем, когда война близилась уже к концу и Государь возвратился из действующей армии, депутация от города отправлялась в С.-Пб.; мы были представлены ему министром Тимашевым в Зимнем дворце в каком-то проходе; Государь был, видимо, утомлен; он ограничился несколькими словами, сказав, что им передано уже все петербургским представителям,

являвшимся за несколько дней перед тем, что было уже сообщено в газетах.

После того мне пришлось слышать речи Государя еще 2 раза при выходах в Кремлевском дворце; первая из них была 20 ноября 1878 года; но эта речь не походила на предшествовавшие — она была печальная. Высказавши благодарность за чувства преданности, выраженные по случаю грустных событий, бывших в Петербурге и других местах России (что стоявшим не близко не было достаточно слышно), Государь, прошедши молча до середины Георгиевской залы, остановился и сказал: «Вполне верю в искренность чувств и не сомневаюсь, что, когда Меня не станет, вы перенесете их Сыну Моему и Его наследнику»; затем после краткой остановки, он продолжал: «Я надеюсь на ваше содействие, чтоб остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь»; речь эта была дословно передана в газетах; впечатление, произведенное ею, было крайне грустное; наконец, последняя была произнесена ровно через год — 20 ноября 1879 года; Государь говорил довольно тихо; это было после происшедшего накануне покушения на взорвание Царского поезда на Курской дороге за Андроньевым монастырем; тут настроение было самое тяжелое; о происшедшем собравшиеся узнали лишь во дворце. Когда война пришла уже к надлежащему концу и стало известным о заключении сан-стефанского мира, Аксаков чрезвычайно восторгался этим и считал планы свои достигнутыми, а потому не мог он не прийти в исступление после совершившегося на Берлинском конгрессе и, по его неудержимости, не сказать в заседании Славянского общества 22 июня 1878 года той речи, которая вызвала высылку его из Москвы (в Варварино — имение, кажется, его сестры). Но что же представляет та речь в сравнении с произносим и печатаемым теперь? Если в ней

и были несколько резко выставлены факты, противоречившие возникшему положению вещей на Берлинском конгрессе, то это было излияние горестных чувств, которыми был проникнут каждый русский при искреннем патриотическом настроении.

Осенью 1877 года начал возникать вопрос о необходимости сооружения флота, который в обыкновенное мирное время служил бы для торгового мореплавания, а в военное был бы пригоден и для военных целей. Вопрос этот был поднят учрежденным в Москве после политехнической выставки Обществом содействия торговому мореходству, в одном из заседаний которого (в здании Политехнического музея) была прочитана публично приезжавшим из С.-Пб. профессором Градовским лекция о значении каперства, и получил разрешение в начале 1878 года в учреждении добровольного флота; тогда с этой целью была открыта в Москве подписка, производившаяся через генерал-губернатора; кроме того было пожертвовано купечеством 400 тыс. руб., и затем участие в этом было принято и другими городами; для заведования же делом был образован комитет под председательством Наследника Цесаревича, с возложением обязанностей вице-председателя на К. П. Победоносцева. Из Москвы в число членов комитета были назначены: председатель Общества содействия торговому мореходству граф Комаровский, городской голова Третьяков и я; комитет открыл свои действия 11 апреля 1878 года; я был в одном из заседаний его, вскоре после открытия их, происходивших в Аничковском дворце. Главная сумма пожертвований на этот предмет была собрана кн. Долгоруковым, приглашавшим к себе более крупных лиц, которых он хорошо знал; хотя это не имело ни малейшего сходства с сбором пожертвований Закревским на Измайловскую богадельню, так как кн. Долгоруков с любезностью предлагал принять участие и лишь

убеждал оказать возможно большую помощь, тем не менее принимавшееся участие было во многих случаях вынужденным; делалось это по нежеланию испортить отношения. Я помню, был приглашен туда старик М. М. Вогау; князь рассыпался перед ним в различных комплиментах (он был, где нужно, великий дипломат), так что В. не мог отказаться от пожертвования 10 тыс. руб., чего он никак не предполагал; когда же, возвращаясь назад, он сообразил это, то с ним сделался нервный припадок и его без памяти вынули из экипажа.

Кстати, считаю нелишним сказать здесь о князе Долгорукове несколько слов. В то время, равно как и в следовавшее затем, я был с ним весьма близок; он был человек доброжелательный, но чрезвычайно самолюбивый, щепетильный в мелочах, требовавший уважения и удовлетворения его измышлений; он бывал любезен до крайности, между тем как неисполнение какого-либо малейшего желания его подрывало сразу существовавшие отношения. При этом одним из главных недостатков его управления было то, что из окружавших его лиц, большинство не стояло на надлежащей высоте, а таким путем снискивались протекции разным людом, для которого дорога, при иных обстоятельствах, не могла бы быть открыта. Так, между прочим, большую силу приобрели в управление Долгорукова евреи, придавши Москве в значительной степени характер Бердичева, что впоследствии вредным оказалось и для них самих. Но нельзя не сказать, что в делах, огласившихся с неблаговидной стороны, а также касавшихся других ведомств, в особенности судебного, Долгоруков был чрезвычайно осторожен и добиться у него чего-либо в этих случаях было весьма трудно; такими, например, были дела скопческое начала 70-х годов и упомянутое выше Ссудного банка.

Из времен моей юности помню я, что скопцы гнездились в Сыромятниках, затем где-то у Сухаревой башни и

на Зацепе; помню, что на них делались тогда облавы, и из рассказов местного полицейского (Сыромятники принадлежали к одному с нашим домом кварталу) слышал я однажды, как было накрыто скопческое (его называли хлыстовским) сборище в подвальном помещении, входом в которое представлялся люк, заставленный весь бутылками. Вся эта таинственность вызывала в моем воображении понятие о чем-то совершавшемся страшном; далее известно было, что скопцам не дозволяется выезд в другое место, вследствие чего говорилось, что менялы Соболевы, из коих один брат живет в Москве, а другой в Петербурге, не могут видеться, при том что скопцам не дозволялось вступление в купечество из податных сословий, как не изъятых от телесного наказания. Скопцы занимались в Москве и тогда преимущественно меняльным промыслом (теперь это перешло на торговлю купонами и отчасти процентными бумагами), а более крупные — также переводом денег и ростовщичеством. В то время, когда я начал заниматься делом, на виду были: упомянутый выше Федор Трофим. Соболев, страшный с вида, тогда уже преклонных лет, он был главой этой секты, Архип Семен. Сигитов, ярый ростовщик, также отвратительной внешности, Феопемит Елизар. Чумаков; при них, частью в качестве приказчиков, частью торговавшими на отчет, были доныне существующие: Мочалкин, Потатуров, Сыров; затем Соловьевы, Гурьев — давно уже умершие (сестра последнего устроила Гурьевскую богадельню); кроме того некоторые из них вели дела другого рода; так Антон Елизар. Чумаков занимался транспортированием кладей, Егор Мих. Скворцов — строительными работами; он перестраивал старый Каменный мост и, как говорили, из наломанного кирпича выстроил дом на углу Моховой и Воздвиженки, перешедший от его племянников недавно к Страховому обществу; наконец Михаил и Алексей Герас. Солодовни-

ковы имели большую ткацкую фабрику. В 60-х годах отношения к ним администрации стали несколько иными; Солодовниковы построили богадельню, обеспечивши ее потребным капиталом; им были даны ордена, с чем вместе они приобрели почетное гражданство; кроме того, старший из них М. Г. Солодовников за выставку 1805 года был пожалован званием мануфактур-советника; им была разрешена даже поездка за границу; Скворцов имел уже орден Владимира; у Солодовниковых я встречал неоднократно известную в то время игуменью Митрофанию, которая усердно заботилась о дальнейшем удовлетворении их честолюбия; кажется, и Е. Т. Соболев имел уже возможность повидаться со своим братом. Вместе с тем стали в большей, против прежнего, мере появляться в Москве и новые безжизненные юнцы — белые голуби, доставлявшиеся, как говорили, из Риги. И вот в конце 60-х годов явились слухи, что в Моршанске арестован скопец Максим Плотицын и что у него найдено золота на 28 милл. руб., составлявшего будто бы скопческий общественный капитал (сумма эта велика и теперь, тогда же это было чем-то невообразимым); но вслед за тем слухи эти стали принимать другой оттенок — с одной стороны, что капитал этот значительно преувеличен, а с другой — что он исчез. Дело это как-то и заглохло; между тем вскоре после того, ввиду ли сделавшегося гласным существования обнаруженных преступных действий или по иным соображениям, прокуратурой было возбуждено скопческое дело в Москве, к которому привлечены были торговавшие железом на Неглинной Кудрины и с ними разные другие лица. Еще в начале этого дела А. Г. Солодовников внезапно умер; как тогда высказывалось, он отравился от страха быть привлеченным к суду; а затем несколько времени спустя — в начале 1870 года был арестован М. Г. Солодовников; во время содержания его в пречистенском частном

доме он умер; тогда молва была, что вместо него отправился на тот свет подходящий к нему экземпляр, он же утек за границу, причем впоследствии передавалось, что его видели даже в Швейцарии; но это опровергается И. Г. Простяковым, убиравшим тело его из места заключения.

Тогда принимались меры к облегчению положения Солодовникова чрез обращение к Долгорукову, тем более что Солодовников едва ли был причастен к распространению скопчества, и было видно, что он притягивается как богатый человек; но достигнуть вмешательства князя не было возможности; точно то же встречено было с его стороны и по делу членов совета Ссудного банка, из которых большинство было ему хорошо известно и пользовалось его расположением, и притом он знал их невиновность.

В конце 1876 года оканчивался срок службы председателя Биржевого комитета; в то время отношения мои с Т. С. Морозовым пошатнулись; надобно сказать, что он, выступивши на общественную деятельность со времени рассмотрения германской записки, а в особенности выдвинувшись при пересмотре тарифа, принялся с энергией за работу; он был человек, обладавший здравым смыслом, но, как не получивший никакого образования, нуждавшийся, при текущем ходе дел в постоянном руководительстве, которое пришлось принять на себя мне; одним из его главных недостатков было упрямство и самомнение; он не понимал, что можно быть хорошим фабрикантом, но крайне плохим руководителем какого-либо, хотя и не особенно требовательного, общества, а потому, как председатель собрания, бывал, при малейшем оставлении его без помощи, совершенно смешным. После 9 лет службы он отказался от дальнейшего продолжения ее; выборы были назначены 14 декабря 1876 года; старшим из членов Биржевого комитета был я и, следовательно, мне принадлежало право на занятие его места; но он, с некоторыми

своими единомышленниками, выдвинул также кандидатуру П. И. Санина, который после тарифных работ приобрел в среде купечества известность способного работника; однако же Санин, бывший со мной в хороших отношениях и предупрежденный о том Морозовым, отказался от этого, не явившись лично на выборы; тогда сторонники Морозова предложили кандидатом А. И. Абрикосова, также отсутствовавшего, который, вместе со мной, и был подвергнут баллотировке; я вышел старшим, Абрикосов же, хотя и выбранный, получил менее меня 20 шаров; с той поры мне приходится до сего времени занимать это место. В 1878 году произошла перемена и в самом управлении Министерством финансов; М. Х. Рейтерн оставил пост министра; на его место был назначен бывший ранее его товарищем, а в то время государственным контролером Самуил Алекс. Грейг; он был также весьма доступным, но в отношениях к обращавшимся к нему представлял полнейший контраст своему предшественнику; он менее выслушивал, нежели говорил сам; он не обладал финансовыми знаниями и способностями, но был человек благонамеренный и сочувственно относившийся ко всяким основательным ходатайствам, вызывавшимся потребностями жизни. Одним из первых предположений, возникших при нем, было обложение пошлиной хлопка в 40 коп. с пуда; к рассмотрению этого, ввиду новости такой меры, были вызваны в департамент экономии Государственного совета 22 ноября 1878 года эксперты, которыми были: В. И. Якунчиков, Абрам Абр. Морозов, Сергей Никон. Гарелин и я; настолько серьезным считалось в то время обложение сырого материала даже ничтожной пошлиной; тогда и не думалось, что она будет доведена до 4 руб. 15 коп., какая существует теперь. После заседания эксперты были приглашены министром к обеду в его квартиру; он чрезвычайно отличался радушием и гостеприимством; я был с ним весьма близок; при явке к

нему впоследствии трудно было избегнуть приглашения к нему завтракать или обедать. В 1879 году летом он приехал в Иваново-Вознесенск, а оттуда в Нижегородскую ярмарку, где ему был дан обед, сопровождавшийся различными юмористическими эпизодами вследствие обуявшего тамошнее купечество радостного настроения; затем, после поездки на юг России, он осенью был проездом в Москве, 18 сентября посетил Биржу, где ему были представлены мною выборные Биржевого общества; 19 сентября был дан ему обед от Биржи в зале Дворянского собрания; первое приветствие ему говорил я, на что он отвечал длинной речью; это составляло его большую охоту; говорил он хорошо; на обеде присутствовал также К. П. Победоносцев, бывший в это время в Москве. Обратившись к министру с приглашением на обед и получивши от него на то согласие, я отправился к князю Долгорукову с таким же приглашением, но он, по каким-то негладким отношениям к С. А. Грейгу, высказал мне, что время не соответствует тому, чтобы делать обеды, и в нем не участвовал. Путешествие С. А. Грейга по России, ввиду радушных приемов, ему оказывавшихся, вызвало негодование и насмешки в петербургских сферах; но я могу сказать, что у меня сохранилось о нем как о человеке самое хорошее воспоминание; он был дважды у меня в доме, в последний раз уже по оставлении должности министра во время бывшей в Москве мануфактурной выставки.

С выходом Рейтерна переменился, как это почти всегда бывает, и состав ближайших к министру лиц; товарищ его Шамшин был сделан сенатором; на его место был назначен А. К. Гирс, о котором упоминалось мною уже выше; управляющий канцелярией министра Кобеко также перешел в члены совета; при этом должность управляющего была изменена в должность директора, и ее занял состоявший директором канцелярии государственного контро-

лера Аркадий Никол. Мицкевич (после того он был членом совета министра; теперь сенатор); это был у Грейга домашний человек, знаток в устройстве празднеств и разных развлечений — одним словом человек bon-vivant, но тогда восприявший силу.

В состоянии торговли и промышленности произошло в течение рассматриваемого времени большое изменение против прежнего; с возникновением частных коммерческих кредитных учреждений как торговые обороты, так и внутреннее производство увеличились значительно, содействие чему было оказано и устройством в это время железных дорог. С конца 1875 года, как уже было сказано, дела начали сильно ухудшаться и такое положение их в следующем 1876 году и начале 1877 года дошло до крайних пределов; несостоятельностям, в том числе крупных учреждений, не виделось конца; так продолжалось до 2-й половины 1877 года, когда, по открытии военных действий против Турции, произошла резкая перемена; разлив громадных сумм, отпускавшихся на военные потребности, с одной стороны, и блокада черноморских портов, прекратившая водворение в Закавказье иностранных товаров, — с другой, вызвали усиленный сбыт внутренних произведений; вместе с тем явился значительный прилив денег, внутренняя цена которых в 1878 году упала до небывалых ранее в России размеров 4 ½ и даже 4 %. После войны осенью 1878 года большая тревога была произведена появлением в Ветлянке чумы; вследствие неопределенности направления, какое примет это дело, кредитные учреждения начали стягивать денежные средства, и цена денег, начавшая уже несколько крепнуть, опять упала до того низкого размера, какой существовал во время войны; приведенные обстоятельства разбили совершенно теоретические соображения финансистов.

В это время изменение произошло в Москве и во внешней обстановке городской торговли. С начавшимся расширением дел более крупные торговцы и фабриканты начали последовательно перебираться из городских рядов в более обширные помещения — на подворьях; затем наиболее крупный шаг в этом отношении, имевший общее преобразовательное значение, был произведен постройкой со стороны А. А. Пороховщикова торговых помещений, под наименование «Теплых рядов», на принадлежащем синодальным певчим месте (в так называвшейся «Певчей»), где тогда находились 2 старых низких корпуса, в нижнем этаже которых помещались разные мелкие ремесленники, а в верхнем одного из корпусов — трактир, состоявший из проходных низких комнат и называвшийся «Под сводами»; вслед за чем Пороховщиковым была произведена такая же перестройка и соседних торговых помещений Новгородского подворья, которое было им соединено с новыми «Теплыми рядами»; все новые помещения были разобраны переселившимися из городских рядов торговцами. Этим была вызвана перестройка и других торговых помещений, находившихся в соседних владениях, и было положено начало к существующему ныне производству торговли в отапливаемых помещениях.

В заключение остается сказать о внутреннем политическом настроении.

С возникновением в 60-х годах преобразований в различных частях внутреннего устройства начала проявляться и деятельность людей крайнего направления, не удовлетворявшихся совершавшимися преобразованиями и проникнутых идеями революционными. Деятельность их стала выражаться в производстве смут в среде крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, и в особенности волнений в среде молодежи высших учебных заведений. Каракозовское покушение на жизнь Государя

внезапно обратило общее внимание на существование таких опасных элементов; но оно, истолкованное тогда как единичное явление, после того забылось со стороны общества, тем более что следовавшему затем покушению Березовского (в Париже) был придан национальный польский характер, и до начала 70-х годов никаких слухов о каких-либо заговорах в среду мирных жителей не проникало.

Первому проявлению действий революционной партии, выразившемуся в убийстве в саду Петровской академии тамошнего студента Иванова, не было первоначально, со стороны общества, не посвященного в дела политического настроения, придано значения; между тем вскоре появились слухи об обнаружении в этом случае деятельности крамолы, руководимой Нечаевым, гнездом которой была Петровская академия; стали появляться сведения о массе производившихся арестов и возникать политические процессы, начавшие принимать, по числу привлекавшихся лиц, все большие и большие размеры: самым крупным в этом отношении был процесс 193, называвшийся жихаревским (по фамилии ведшего дело прокурора); но, еще до окончания последнего, наступила война с Турцией, и крамольное движение как будто стихло. Многие воспитанники высших учебных заведений направились на театр военных действий для участия в санитарных отрядах; деятельность их была на виду у Государя и, как тогда говорили, это имело влияние на значительное облегчение обвинявшихся в процессе 193 в сравнении с разрешениями предшествовавших процессов (многие были совершенно оправданы). Несмотря на то, в 1878 году брожение начало проявляться опять, усиливавшись более и более. Покушение Соловьева на жизнь Государя 2 апреля 1879 года произвело тяжелое впечатление, указавши на серьезность положения; особенно же поразительным явилось следовавшее в том же году (19 ноября) покушение на взорвание

Царского поезда на Курской дороге; в то время о возможности подкопов не возникало никаких предположений, о бомбах, которые теперь встречаются на каждом шагу, не было и речи; поэтому положение сделалось ужасающим, так как обнаружилось отсутствие всякой гарантии против действий революционной партии, а это было началом такого рода посягательств на жизнь Государя, повторявшихся в следующем затем году и приведших к страшной катастрофе 1 марта 1881 года.

Приведенные мною в настоящем выпуске воспоминания относятся к периоду, из коего последние 15 лет совпадали с начатой мною общественной службой. Начиная ее с низшей ступени, я прошел в течение этого времени все, что представлялось возможным. Служба, как мною сказано, составляла повинность и считалась тягостью; но я решился приняться за отправление ее без перерывов, хотя это впоследствии зависело уже от моего желания, с одной стороны (первоначально), для того чтобы этим путем освободить от нее моих братьев, дабы не отвлекать всех членов семьи от личных занятий, а с другой — в силу явившегося намерения сделать что-либо полезное при начавшемся тогда общественном движении: втянувшись же в разные общественные занятия и работы, я не мог уже оторваться от них, а они стали возникать безостановочно в различных видах их проявления.

Этим я заканчиваю воспоминания мои о 60-х и 70-х годах истекшего столетия.

Николай Александрович Найденов

Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик С. *Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru